

РАДОННЫЕ МИРЫ

Дарья Кузнецова

Два разных, но таких похожих мира, — Брат и Сестра. Два человека, — Он и Она. Они отдали половину жизни родным мирам и оказались брошены умирать под огнём орбитальных батарей. Их учили не сдаваться и идти до конца, так стоит ли сложа руки ждать смерти? Может быть, лучше шагнуть в неизвестность, за древней легендой, к далёкой и зыбкой мечте — планете по-имени Земля? Их учили многому; не научили только доверию, настоящей дружбе и любви. Но судьба даст им шанс восполнить этот пробел самостоятельно.

Дарья Кузнецова
Родные миры

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОБЕГ

Ляжем на вёсла!

Кто не мечтал в этой жизни хоть раз всё отправить к чертям?

В одиночку пройти океан,

Посвящая сверкающим звёздам,

Строчка за строчкой, целый роман,

Находя только в этом усладу.

Ничего не боясь, кораблём управляя шутя,

Ничего не теряя уже,

Предпочтя дворцовому аду рай в шалаше.

Группа «Сплин», «Рай в шалаше»

День этот мало отличался от последних нескольких сотен своих товарищей. Та же серая хмарь над головой, заменявшая и день, и ночь, и зиму, и лето. Тот же вечный смог и неопределённый запах не то горелой пластмассы, не то производственных отходов, не то выхлопов миллионов машин.

Здесь, внизу, на самом дне города вообще сложно было отличить один день от другого и одну жизнь от другой. Дно города, дно жизни, дно человеческой судьбы.

Я возвращался с опостылевшей службы в обрыдший дом привычной и хорошо знакомой дорогой. Это был кратчайший путь, а причин делать крюк в этих городских помоях не было и быть не могло. Живописных видов здесь нет, а избегать чуть более тёмных углов человеку, которому нечего терять и с которого нечего брать, вовсе не имело смысла.

Их было трое. Двое оборванцев; их лица показались мне знакомыми. Из той грязи, которая не брезгует любой работой, будь то нападение на человека или прочистка мусорных коллекторов в случае поломки автоматики. Я, в общем-то, и сам принадлежу к числу такой же грязи; может, лишь чуть более брезгливой, поэтому предпочитаю выживать более-менее честно.

А вот третий был, похоже, мутантом. Слишком здоровенный, слишком выраженные надбровные дуги, слишком тупое выражение лица и огромная, какая-то кособоко-беспорядочная фигура, состоящая из узлов отвратительно бугрящихся мышц.

Женщина под одним из оборванцев даже не кричала: наверное, понимала, что на помощь звать бесполезно. Второй держал её закинутае за голову руки, прижав к дорожному покрытию ботинком, а первый в это время возбуждённо постанывал, суетливо двигаясь вперёд-назад между разведённых коленей женщины. Мутант стоял над ними, шумно глотая слюни и запустив руку себе в штаны.

Я почти прошёл мимо. Обычная картина для этих мест; чему тут удивляться? Девка небось — обычная шлюха, которой решили не платить за сеанс. А, может, тоже из мутантов, и сама же врежет за вмешательство.

Однако один из насильников не сумел промолчать.

— Надеешься, сучка, он тебе поможет? Надейся-надейся, ему плевать.

Почему-то это заявление меня очень возмутило. Наверное, даже годы оказались не способны заставить меня окончательно смириться, что я — такое же отребье, как и эти недочеловеки. А он своим заявлением как бы окончательно равнял меня с собой. И если бы я промолчал в ответ, оно было бы правдой.

— Отпустите женщину, — развернувшись на месте, я остановился в паре метров от них.

— Да не лезь, парень, — хмыкнул, даже не глядя в мою сторону, второй. Первый в это время, похоже, кончал, и ему было не до разговоров. — Хочешь присоединиться — так мы не против. Если там после Буги что-то останется, что можно трахнуть, — он и Буги, — надо полагать, именно так звали мутанта, — глумливо захохотали.

— Ты не понял, глюм^[1], — поморщившись, качнул я головой. — Отпустите женщину.

— Буги, он не хочет, чтобы ты поразвлёкся, — хмыкнул оборванец. — Проучи его, хорошо?

— Бу-гаа! — очень высокоинтеллектуально согласился мутант и двинулся в мою сторону.

Он действительно был нечеловечески силен. И точно также нечеловечески туп. И точно также нечеловечески неповоротлив. Зато все болевые и уязвимые места располагались как у человека, а мои навыки... оказалось, не так-то просто забыть то, чему учился всю сознательную жизнь. Да и ежедневные тренировки, — было как-то обидно терять ту форму, которая оттачивалась многие годы, — сделали своё дело. Пара коротких ударов, почти незаметных непривычному глазу, и Буги умер на полшаге. Кажется, он даже успел этому удивиться.

— Говорю третий и последний раз, отпустите женщину.

Женщину они отпустили, хотя перед этим тот, что стоял, ударил её ногой по голове. Видимо, желая избежать визга или не позволить ей сбежать до окончания разборок со мной.

На разборки ушло совсем немного времени, и два трупа присоединились к своему товарищу. Я даже не глянул в их сторону; во-первых, точно знал, что они мертвы, а, во-вторых, меня совершенно не интересовало, кем они были.

Ни меня, ни роботов-уборщиков, которые найдут эти три тела, ни усталого охранителя, который опишет трупы и сразу сдаст дела в архив как нераскрытые. На дне города люди умирают так часто, что для более-менее подробного разбирательства с каждым трупом штат охранителей надо увеличить на порядок. Да и то толку не будет; здесь с охранителями никто не разговаривает, дурной тон.

Я подошёл к распростёртой женщине и опустился рядом с ней на корточки, с любопытством разглядывая.

Однако, если это была шлюха, то явно значительно более высокой пробы, чем можно было предположить. Разорванный безликий комбинезон позволял оценить приятное мужскому глазу зрелище по достоинству; светлая чистая кожа, даже на вид мягкая и нежная, красивые формы.

Я же машинально — и с огромным недоумением, кстати, — отметил отличную физическую форму женщины. Мышцы были развиты практически идеально; ничего лишнего, чувствовалась отличная программа и явно систематический подход. Элитная куртизанка-танцовщица? В таком виде, здесь? Это, однако, ново. Пыталась сбежать от своих хозяев? Похоже на правду, хотя такие женщины обычно к подобным глупостям не склонны. Они предпочитают найти среди покровителей лопухого дурака, который в конце концов женится и обеспечит эффектной красавице безоблачную жизнь.

Лицо было под стать телу: правильные изящные черты, почти аристократический профиль. Глаза были закрыты, поэтому их оценить не получалось, но мягкие каштановые волосы были хоть и острижены слишком коротко для её предполагаемой профессии, но отличались завидной густотой и здоровым блеском. Не бывает таких на тех синтезированных из мусора и отходов концентратах, которыми питаются низшие слои общества.

У виска расплывался отвратительный кровоподтёк, но при этом женщина была жива.

Не вставая с места, я огляделся, оценивая ситуацию.

Уборщик появится здесь через тридцать восемь минут. Девка к тому времени вряд ли очнётся, а если её найдут рядом с трупами, на неё их и повесят: методы работы охранителей на нижних уровнях неизменны многие годы, если не века.

До моего места обитания отсюда было не больше минуты быстрым ходом.

А теперь стоит прикинуть, так ли я хочу до конца оставаться благородным, и стоит ли тащить эту жертву насилия к себе домой?

Минусов у этого варианта было много. Во-первых, мне даром не нужна непонятного происхождения девка в ставших родными стенах. Она явно принесёт неприятности, потому что... с такой внешностью здесь — она сама ходячая неприятность, и кой дух понёс её на дно? Во-вторых, мне просто лень возиться. В-третьих, благородство окупается только в книгах, а на практике я, опять же, огребу с ней проблем.

Но, с другой стороны, и за спасение было достаточно аргументов.

Во-первых, и это самое главное, она могла описать охранителям мою внешность. Нет, вероятность этого была ничтожна: если она меня и видела, то мельком, да и примечательной мою наружность сложно назвать. Но вероятность такая есть, и её нельзя сбрасывать со счетов. Во-вторых, если выяснится, что эта птичка действительно вылетела из золотой клетки, за неё могут объявить награду, а наличность лишней никогда не бывает. В-третьих, девочка чудо как хороша; авось и решит отблагодарить своего спасителя! Но это так, к слову, я прекрасно обойдусь и без её благодарности. А, в-четвёртых... Мне элементарно жалко девчонку. Да, увы, это проклятое чувство так и не сгнило на городском дне. Сначала столкнуться с реалиями жизни, а потом вовсе сесть в тюрьму; а за тройное убийство её сошлют в такую дыру, что смерть под тремя отморозками покажется благом. Стоило ли вмешиваться, в самом деле?

В итоге чаша склонилась к жизни непонятной девки. Хотя, видят духи, я об этом ещё пожалею. Но тем не менее я поднял её на руки, закинул на плечо и поспешил в свою берлогу.

Жильё в бедных районах сложно назвать комфортабельным. Крошечная клетушка три на четыре метра без окон, совмещающая в себе и санузел, и кухню, и спальню, и вообще всё. Я сложил добычу на койку и ушёл принимать душ.

Вода здесь очищается плохо, тем более — вода из крана. Она имеет желтоватый оттенок, пахнет какой-то дрянью и имеет помойный привкус. Но всё лучше, чем запахи моего рабочего места.

Единственная роскошь, которую я себе позволяю в жизни — это нормальное мыло. Той нефтеподобной субстанцией, которой принято здесь мыться, можно отмывать смазку и многолетнюю грязь с роботов-уборщиков. Сложно назвать меня неженкой, но уж очень я люблю чистоту.

Гигиенические процедуры заняли не больше пяти минут. Каково же было моё удивление, когда я, выйдя из санитарного закутка, обнаружил, что находка моя уже вполне очнулась, сидит на кровати, ошеломлённо трясёт головой и пытается встать. Однако, я здорово недооценил её здоровье. Или переоценил силу удара?

— Где я, во имя Вечного Владыки? — пробормотала она, пытаясь сфокусировать на мне взгляд.

Нет, похоже, удар действительно был хороший, а девка — действительно неожиданно живучая.

— Лежи, у тебя, наверное, сотрясение, — велел я. Странно, но она послушно сползла обратно в горизонталь. — Ты у меня дома.

— Зачем ты меня спас? — спросила женщина, прикрыв глаза и не шевелясь.

— Понятия не имею, — честно хмыкнул я в ответ. — Сам до сих пор ломаю голову.

— У тебя слишком правильная речь для этого места.

— А у тебя слишком ухоженная внешность для этого места, — с усмешкой парировал я.

— Я хочу помыться, это возможно? — не стала настаивать на ответе женщина,

спокойно переключившись на другую тему.

— Возможно. Когда сможешь дойти до душа, — невозмутимо ответил я, запуская синтезатор. Он барахлил, и порой включался не сразу, но у меня никак не доходили руки починить. Наверное, потому что он в конце концов всё-таки неизменно включался.

«Какое упрямство», — подумал я, наблюдая, как находка, пошатываясь, сползает с кровати и пытается по стенке добраться до санузла. Даже почти с восхищением подумал; стремление первым делом смыть с себя грязь казалось мне весьма похвальным. Сам такой.

Пронаблюдав несколько секунд за мучениями находки, я хмыкнул и подошёл к ней.

— Пойдём, — подхватив даже не вздрогнувшую от прикосновения женщину под локоть, я потащил её в душ.

Она спокойно стояла, пока я снимал с совершенного тела ошмётки одежды. Спокойно ждала, пока я сначала намыливал её, потом смывал. Каюсь, не отказал себе в удовольствии вдоволь насладиться процессом; правда, особо не наглед, так что заподозрить меня в неприличном было бы сложно.

Вот что в моей берлоге работало отлично, так это сушилка в душе. Несколько мгновений, — и можно выходить.

Из душа я, чувствуя себя каким-то сказочным героем, выносил её на руках. Устроил в кровати, накрыл тонким синтетическим одеялом.

— Спи, завтра поговорим, — сказал я, и она не стала спорить.

Сам же, откинув столик и сиденье, принялся за ужин. Синтетическая безвкусная еда совершенно не отвлекала от важных мыслей, а дешёвая сигарета с примесью кварга^[2] даже их стимулировала. Дрянь, конечно, редкая и вредная, но мне, по счастью, вреда причинить не может. Ну, или причинит, но потом и скопом. Но до того возраста, когда придётся расплачиваться за всё и сразу, я, скорее всего, не доживу.

Если поначалу неприятности я просто чуял, то теперь точно знал, что они будут. Потому что в первоначальной оценке я здорово ошибся. Не была эта женщина шлюхой, а тело её не было инструментом для доставления удовольствия. Внешне, конечно, можно спутать, но на ощупь я определил очень точно: такая мышечная структура бывает не от танцев, а от долго и тщательно культивируемого умения убивать. Коротко остриженные ногти, мозоли на ладонях, особенно на рёбрах ладоней и пальцах говорили за то же. Плюс к тому, позы, положение тела в пространстве даже в те моменты, когда она вроде бы едва держалась на ногах. А ещё я ясно видел, что она контролирует каждое моё движение.

В общем, чуял, чуял я беду. И думал, стоит ли в неё ввязываться, или проще всё-таки выставить эту девку на улицу и забыть о её существовании.

С одной стороны, разум и логика подсказывали: надо гнать в шею и забыть о её существовании, пока мою собственную шею не свернули окончательно.

А вот с другой стороны, оглядываясь по сторонам, я с тоской думал: а ради чего? Мысль эта посещала меня часто, но я настойчиво отгонял её. Это ведь не жизнь, это жалкое существование. Ради чего мне продолжать его? Да, меня не замечают, про меня не помнят, я в безопасности. А, с другой стороны, теперь-то чего бояться?

Пожалуй, прежде меня останавливало отсутствие цели. Для любого бунта нужна идея, нужно стремление, желание изменить мир. Сложно бунтовать, будучи уверенным, что окружающий мир не изменится никогда, и воевать в нём не за что.

Сложно назвать помощь, — причём непрошеную помощь! — непонятной женщине достойной целью в жизни. Тем более, я разумно предполагал, что о помощи она меня не то

что не попросит, но помощь эта ей вовсе не нужна. Что-то подсказывало мне, со своей подготовкой она бы прекрасно справилась с нападавшими сама. Но почему-то даже не пыталась.

А вот желание разгадать, кто она такая, у меня появилось. Пожалуй, это было первое за много лет достойное интереса событие. Мог ли я не вляпаться в него? Решительно — нет. Похоже, скука — это моё самое страшное проклятье. Потому, наверное, и полез корчить из себя героя. Ну да ладно, посмотрим, что принесёт мне завтрашний день и что будет врать эта девка завтра.

Однако до завтра моя гостья решила не ждать. Едва я, как воспитанный человек, устроился на полу, подложив под голову старый комбинезон, и немного задремал, она сразу попыталась удрать.

Первым делом залезла в шкаф, на ощупь вытащила один из моих комбинезонов, нацепила на себя. И бесшумно двинулась к двери. Как она собирается ломать мой замок, я интересоваться не стал. Перекатился по полу, подбил её под ноги, заставив упасть, и скрутил в болевом захвате, подмяв под себя. Надо сказать, справился с некоторым трудом и, очень может быть, благодаря её травме.

— Куда-то собралась, красавица? — почему-то шёпотом спросил я.

— Пусти, какое тебе до меня дело? — неразборчиво прошипела она; лицом в пол говорить вообще не очень удобно, это я знаю.

— До определённого момента не было никакого, — согласился я, поднимаясь и вынуждая женщину встать. — Сейчас мы сядем и поговорим спокойно, а потом я решу, что с тобой делать.

Она в ответ промолчала и позволила усадить себя на кровать. Включенный мной холодный неприятный свет подчеркнул тёмные круги вокруг глаз женщины и усталые складки в уголках губ. В таком свете её лицо производило удивительно отталкивающее впечатление; или просто виной тому было выражение этого самого лица.

— Кто ты такой? — спросила она, пока я наливал воду и жадно пил.

— Можешь звать меня Таракан, — хмыкнул я, наливая ещё воды, и протянул стакан ей. — На, тебе надо много жидкости.

— Не очень похоже на имя, — пробормотала женщина, возвращая мне пустой стакан.

— Зато хорошо отражает суть, — парировал я, садясь рядом с ней на кровать.

— Такой же мерзкий и вездесущий? — усмехнулась она.

— Да. И живучий, — рассмеялся я. — Но сейчас моя очередь задавать вопросы. Кто ты такая?

— Я была... игрушкой одного из...

— Врёшь, — оборвал её я. — Хорошо подумай, что будешь говорить дальше, потому что я знаю о тебе больше, чем тебе кажется.

— Теперь ты врешь, — ответила она.

— Проверишь? — провокационно уточнил я, поднимаясь с кровати и возвращаясь на неё уже с пачкой сигарет. Жестом предложил женщине, она только брезгливо скривилась. — Это правильно, — похвалил я её отказ. — Молчишь. Ну, тогда начнём с начала. Ты умеешь драться, и делаешь это очень хорошо. Поэтому вопрос первый: почему ты сама не справилась с теми тремя уродами?

— Ты же рассказываешь, с удовольствием послушаю твою версию.

— Тебе она не понравится, — многообещающе усмехнулся я, закуривая. — Самая

простая версия: тебе нравится подобное отношение. Хочешь, мы это проверим?

— Проверяй, — безразлично пожала плечами она. — Хорошая версия, почему бы и нет.

— А вот тебе вторая версия, ещё более интересная, — хмыкнув, продолжил я. — Тебе почему-то было проще стать жертвой насилия, чем продемонстрировать свои способности. И здесь возникает такая прорва вариантов, что я даже не знаю, с какого начать и кому в случае чего тебя сдавать.

— Ты меня для этого спас? — она наконец посмотрела в мою сторону. Глаза оказались очень необычные, с непривычным разрезом и почему-то почти фиолетовые. Хотя, наверное, в последнем было виновато освещение.

— Спас я тебя без особой цели, а теперь думаю, что с тобой делать. Пока всё за то, чтобы сдать тебя охранителям. Или, скорее, Неспящим.

— И самому сесть за три трупа? — вскинула брови женщина, никак не отреагировав на угрозы. Либо я в чём-то ошибся, либо её подготовка даже лучше, чем я предполагал.

— Ну, что ты, такое отребье Неспящих не интересует, а вот потенциальная шпионка — это да, это гораздо интересней.

— И какие же у меня варианты? — хмыкнула она. — Если ты всё равно меня куда-нибудь сдашь, смысл мне делиться с тобой секретами, даже если они есть?

— Ну, например, я могу тебе помочь. Ты, кстати, так и не представилась.

— Ты тоже, — насмешливо возразила она. — Таракан — это не имя, это прозвище.

— Ну, какое есть. А ты не назвала и такого.

— Яра. Можешь называть меня так, — отмахнулась женщина. — И чем же ты можешь помочь мне, Таракан? Ты же ведь тоже скрываешься? Чем ты занимаешься?

— Я, скорее, отдыхаю, — улыбнулся я. — Я ремонтирую уборщиков в этом районе. Довольно увлекательное занятие.

Мы несколько секунд помолчали. Я докурил сигарету и щелчком отправил окурок в воронку утилизатора.

— Ремонтник-наркоман. Хорошая поддержка, — хмыкнула наконец Яра. Я только пожал плечами, мы ещё некоторое время помолчали. — По-моему, разговор зашёл в тупик, как ты считаешь? — вздохнула она.

— Есть малость, — кивнул я.

А потом вдруг завывла сирена.

Яра встрепенулась, тревожно озираясь по сторонам.

— Что это?

— Обычная проверка, — я поднялся с места, поднимая за собой женщину. — Сиди тихо, я с ними поговорю. Там всё экранировано, они тебя не заметят.

— Ты же хотел меня сдать?

— Успеется, — отмахнулся я, заставляя её залезть под кровать. Тайник там был оборудован уже очень давно, хотя пригодился, пожалуй, первый раз.

Дверь распахнулась через несколько секунд, когда я уже сидел за столом и ужинал. Полночь — конечно, поздновато для ужина, но всё достоверней, раз уж я не сплю.

— Кверр Лерье? — двое людей в синих комбинезонах охранителей вошли, по хозяйски озираясь. Один тут же принялся совать нос во все щели; заглянул в санузел, открыл шкаф, даже под кровать заглянул, но ничего не увидел.

— Так точно, — кивнул я, поднимаясь с места. — Что-то случилось?

— Разыскиваем беглеца. Опасный преступник, вооружённый и очень опасный. Видели

что-нибудь необычное? — ответил второй, доставая из кармана портативный сканер. — Вашу руку, пожалуйста.

Я молча протянул левую руку, где глубоко под кожей, привязанный к нервным окончаниям, жил контрольный чип. Охранитель ткнул в чип сканером, он несколько раз коротко пикнул, и на табло высветились какие-то информационные символы; я не приглядывался, я и так знал результат.

— Ну вот, всё в порядке. Извините за беспокойство, хорошего дня, — проговорил охранитель, и оба вышли, даже дверь за собой закрыли.

А я присел обратно и в задумчивости уставился на дверь.

Однако. Неужели я оказался прав, и искали именно мою находку? Всё становится гораздо интересней, чем казалось на первый взгляд. Вежливые охранители в этих местах — это ново. Стало быть, это были не те, кто с местным отребьем возится постоянно, а кто-то более высокого полёта. Может, и не охранители вовсе.

Так, может, это не просто шанс поразвлечься и сдохнуть как человек, а не как глюм? А возможность что-то изменить, выбраться из этого дерьма. Конечно, велик шанс в итоге влезть в дерьмо ещё худшее, но я хотя бы попытаюсь.

Духи бы побрали этого нежданного спасителя. Бывают же люди с дурацкой привычкой вечно лезть не в своё дело!

И вопросы эти его; спрашивал с таким видом, будто имел на это право. Впрочем, наверное, с его точки зрения действительно имел: я нынче, как это ни противно, действительно по большей части в его власти.

Но тип действительно странный. Вроде бы на первый взгляд — обычный житель дна этого проклятого города. Из всех достоинств — только высокий рост и прямая осанка. А так худощавый, даже почти тощий, с обычным лицом и пыльно-чёрными волосами. Впрочем, приглядевшись, я обнаружила, что виной тому тонкие нитки седины, причём, похоже, преждевременной. В общем ему было сложно дать больше тридцати-тридцати пяти лет, морщин на лице не было, а вот седина уже появилась.

Пожалуй, ещё можно было отметить неожиданно выразительные карие глаза; нехарактерны они были для отбросов общества. Слишком живые, умные, внимательные и снисходительно-насмешливые.

Окончательно убедилась в том, что этот человек — не тот, за кого себя выдаёт, когда он легко и без усилий меня скрутил. Нет, с сотрясением мозга я тот ещё боец, пару дней было бы неплохо отлежаться. Но всё равно, прежде рефлексy позволяли мне справляться и в худшем состоянии, а здесь... какой-то случайный встречный демонстрирует подготовку, достойную Верного Сына.

Кто-то из Неспящих? Специально подосланный, чтобы меня разговорить? Наигранно и глупо. С другой стороны, сама эта встреча не тянет на случайность.

Я так и не определилась, что нужно от меня этому человеку и кто он такой, когда взвыла сирена. Когда Таракан начал запихивать меня под кровать, решила, что переоценила его умственные способности, и кварг его мозга уже давно сожрал. Однако, каково же было моё удивление, когда меня накрыло весьма качественное маскировочное поле. Да эта установка стоит больше, чем вся его халупа с его собственной жизнью вместе!

Ну да ладно, я хотя бы его имя выяснила. Отчего, впрочем, легче не стало: ничего в этом имени известного не было, и ничего оно не изменило.

— Ты не тянешь на простого ремонтника, — пробормотала я, вылезая из укрытия. — Как ты обманул сканер? И откуда у тебя такая установка?

— Примерно оттуда же, откуда ты, — отозвался он с мерзкой ухмылкой, которая очень часто появлялась на лице и будила желание срочно отправить его к духам. В такие моменты нелицеприятное прозвище шло ему как нельзя больше: такой же чёрный, скользкий, омерзительный. Хорошо, что он усы не носил; а то внешнее сходство оказалось бы полным. Что странно, при этом в остальное время, когда он не корчил гримасы, Кверр казался человеком весьма обаятельным, и даже симпатичным. Может, за такую рожу и прозвали?

— Мы, кажется, вернулись к тому, с чего начали, — заметила я, садясь напротив мужчины. — Ты слишком много куришь. Ты знаешь, что от этого бывает?

— Да, — не стал спорить он. — Мозги плесневеют, — Кверр усмехнулся. — Зато кварг выводит из мозгов и лёгких ту дрянь, которой мы здесь дышим. Так что неизвестно, что хуже. Ну так что? Будешь рассказывать, или нет? Или мне тебя всё-таки сдать?

— А мне сдать твою установку, и мистическую способность обманывать сканирующие

системы.

— Не найдут и не докажут, — безмятежно отозвался он. — А вот что касается тебя, я почти уверен, что искали сейчас именно тебя.

— Почему ты не можешь меня просто отпустить и забыть о моём существовании? — вздохнула я.

— Понимаешь, я-то много чего могу. И отпустить тебя могу, и забыть могу, и даже не выдать могу. И даже почти уверен, что ты можешь прекрасно справиться и без меня. Но, видишь ли, мне безумно интересно, что ты за зверь такой. У моего терпения, похоже, истёк срок годности, и это место меня здорово утомило.

— И чем тебе могу помочь я? — я насмешливо хмыкнула.

— Ты ведь работаешь на Сестру? Да не отпирайся, это почти очевидно, обычных преступников ищут обычные охранители, опасных — Неспящие. А вот Неспящие, заделанные под охранителей, ищут исключительно шпионов.

— А они тебе что, документы предъявляли? — продолжила допытываться я. Ох, не нравилась мне проницательность и подозрительность «спасителя»! Лучше бы он тогда мимо прошёл, честное слово! Терпеть боль всяко проще, чем вот так плясать меж лазерных лучей.

— Яра, ты не поняла. Я знаю, кто тебя ищет. И догадываюсь, за что. Но только по большому счёту мне на это плевать. Как думаешь, такая жизнь может нравиться? — он развёл руками, охватывая разом всю халупу и будто пытаюсь охватить весь мир. — Пока я колупаюсь в отбросах, про меня не помнят. А вот если вылезу, вспомнят и тут же отправят на компост. Так что — я помогаю тебе свалить с Брата, а ты помогаешь мне устроиться на Сестре. У вас там, говорят, поприличней места есть. Вот в такое место меня и посели, а я пригжусь, будь уверена.

— Что ж это ты, никак предать хочешь? А почему думаешь, что Сестра примет предателя? Кто предал единожды, предаст снова, — пробормотала я. Конечно, предложение заманчивое. Я чувствовала, что помощь этого типа будет кстати. Но довериться ему, не пойми кому, рискуя всем?

— Э-нет, я никого не предавал, и предавать не собирался, — ухмыльнулся он, вновь будя во мне отвращение. Специально он, что ли? — Меня, видишь ли, выкинули на свалку как списанного робота. Так что с этими людьми, с этим миром и с Вечным Владыкой меня уже ничего не связывает. А вот с вашей Матерью я бы попробовал познакомиться. Говорят, женщины — они вообще добрее, — ухмылка стала ещё более мерзкой.

— Во имя духов, не делай так больше, — не выдержала я, недовольно скривившись.

— Как? — Таракан удивлённо вскинул брови.

— Твоя ухмылка меня раздражает; ты это специально делаешь?

Он рассмеялся; уже вполне по-человечески, и смех оказался приятный. Тихий такой, мягкий. У него вообще был приятный голос, таким стихи декламировать хорошо. Или работать диктором и озвучивать государственные указы. Сразу любой указ будет звучать как музыка, и мало кто вдумается в смысл.

— Нет, извини, просто привычка. Умение вывести человека из себя парой слов и выражением лица иногда бывает очень кстати. Ну так что, будет мне уютное гнёздышко под крылом Сестры, или даже под её юбкой?

— А ты правда уверен, что там тебе будет лучше? — поинтересовалась я. — И ты действительно думаешь, что там лучше?

— Я думаю, что там не хуже, — отмахнулся он. — Здесь тоже есть места, где приятно

жить, но мне туда доступ закрыт. Так отчего бы не попытаться счастья там?

— Логично, — усмехнулась я. — Тогда один вопрос. Что ты знаешь о Земле?

— То же, что и все, — он пожал плечами. — Много лет назад наши предки прилетели оттуда, спасаясь от какого-то катаклизма, и с тех пор оттуда не было ни весточки, так что, надо думать, Земли той больше нет. Или людей на ней нет.

— А если я скажу, что Земля существует, и, более того, знает о нашем существовании, и ждёт только, пока мы сами пожелаем вступить в контакт?

— Я отвечу, что вышел из того возраста, когда можно верить в сказки, — иронично хмыкнул мужчина.

— Замечательно. Значит, работа ведётся правильно, — хмыкнула я.

— Сестра желает вступить в контакт с Землёй и попросить помощи? Пожалуй, тогда у Брата не будет шансов, — задумчиво проговорил мой собеседник. — И какова же твоя роль в этом всём?

— А при чём тут вообще я? — я наигранно вскинула брови. — И, кстати, может, ты меня тоже покормишь?

Ощущение, что живот прилип к позвоночнику, никому не добавляет хорошего настроения и общительности. Впрочем, нет, я не права. Попадают некоторые женщины, которые такой ценой пытаются приблизить свою фигуру к мифическому идеалу, и искренне радуются таким моментом. Хочешь есть — значит, в этот момент ты худеешь. Глупая, конечно, философия, но чего ещё можно ожидать от глупых куриц?

Главное, что я такой проблемой не страдала, зато очень хотела есть, и была готова даже на сушёных тёзок хозяина дома.

— Ах да, где моё гостеприимство, — и опять эта мерзкая ухмылка. Нет, я точно когда-нибудь не сдержусь, если наше с ним общение затянется, на чём он активно настаивает!

В итоге мне была предложена миска с каким-то безвкусным гомогенным продуктом, внешне похожим на плохой клей. Может, лучше бы это всё-таки были тараканы?

Впрочем, доводилось есть и не такое, поэтому я даже не поморщилась. Внимательно наблюдавший за мной Кверр хмыкнул с ноткой удовлетворения.

Время потраченное на принятие пищи, дало мне возможность немного обдумать свои дальнейшие действия. Хозяин дома этому, к счастью, не препятствовал.

С одной стороны, у меня были шансы избавиться от компании этого человека. В конце концов, ничто не мешает мне сейчас согласиться, а потом тихонько от него сбежать. Я почти уверена, что он не будет за мной гоняться, и в случае успешного побега оставит в покое.

Это в том случае, если он не работает на Неспящих. Если работает... Это, наверное единственный их способ всё выяснить, если они хотя бы примерно догадываются, кто я. Но как он мог наткнуться на меня? Следил? И что это за место? Специально оборудованное жильё? Духи видят, это самая правдоподобная версия. Но чутьё, — чутьё, которое прежде никогда не подводило и неоднократно спасало мне жизнь, — утверждало, что передо мной не сотрудник службы безопасности. Но кто тогда?

На этот вопрос ответа у меня не было. Если его слова о предательстве и свалке — правда, можно предположить, что он либо высокопоставленный военный, либо, собственно, Неспящий в отставке.

Заманчиво, очень заманчиво было согласиться на его помощь. Но не слишком ли рискованно? Довериться чутью, или довериться логике?

Человек, способный обмануть сканирующую систему, имея в своём теле чип, — это уже

вполне достойный внимания субъект. Если откинуть личное отношение и брезгливость, а взглянуть на его профессию с тактической позиции и с учётом его навыков... Это очень удобная профессия — ремонт роботов-уборщиков. Это возможность держать под наблюдением большой район, видеть всё, что видят эти роботы; надо лишь немного доработать конструкцию, что хорошему специалисту на пять минут работы, там наверняка нет вообще никакой защиты.

— Ты компьютерный гений? — поинтересовалась я.

— Нет, я просто гений, — с удовольствием рассмеялся он. — Компьютерный — в том числе. Так что ты решила?

— Я согласна на твоё предложение, — кивнула я. — Ты поможешь мне, а я помогу тебе легализоваться на Сестре.

В конце концов, он сам придумал чудесный повод для моего здесь присутствия: контакт с Землёй. Так не будем же разочаровывать хорошего человека и разбивать его мечты! Далёкая сказочная Земля, родина двух наших народов; почему бы Сестре не заинтересоваться контактом с ней? Как удачно я попыталась заболтать паузу именно этой темой, первой пришедшей в голову. Пусть теперь думает, что я везу какие-нибудь доказательства. А я под это дело выполню настоящее своё задание, отправлю послание гораздо раньше, чем он будет этого ожидать, а дальше можно будет уже сколько угодно вместе бегать. Духи с ним, я его даже на Сестру заберу, пусть посмотрит, что она из себя представляет, и разговаривает с теми, в чьей компетенции решение его судьбы.

— Только нам надо шевелиться быстрее, иначе шансов своевременно убраться отсюда у нас может не остаться.

— Чудесно, — безмятежно улыбнулся он. — Я знал, что разум в тебе победит.

— Разум? Нет, разум как раз утверждает, что поступаю я очень глупо, — вздохнула я.

— А что тогда заставило тебя согласиться? — любопытно спросил мужчина, вставая и доставая из шкафа небольшой рюкзак, куда полетели какие-то брикеты, смена одежды и другие мелочи.

— Может, ты мне понравился? Может, я влюбилась с первого взгляда? — я тоже поднялась на ноги, оправляя одежду. Как хорошо, что эти универсальные комбинезоны сами подстраиваются под размер, и даже позволяют регулировать его вручную. Хочешь — будет тебе обтягивающий эластик, хочешь — свободная одежда, скрывающая фигуру. На последнем варианте я и остановилась, хотя один раз он меня уже подвёл.

А ещё хорошо, что моё начальство позаботилось о сохранности моего организма, и он имеет возможность восстанавливаться гораздо быстрее, чем можно ожидать. Расплата за всё придёт, но потом; начальство это не интересует, да и меня тоже.

— Наша с тобой специальность, малышка, исключает такой вариант, — усмехнулся он. — Это очень непрофессионально: влюбиться на задании. А ты профессионал; Сестра других сюда не присылает.

— Значит, не такой уж хороший профессионал, ты же вот раскусил, — ответила я недовольной гримасой.

— Ну, я не считаюсь. Я не хороший, я лучший.

— А что же сидишь в этих помоях? — насмешливо поинтересовалась я.

— Оказался слишком хорош, — вновь засмеялся он. — К тому же я, как видишь, уцепился за первую возможность отсюда выбраться. Ладно, пойдём, до утра ещё много времени, и к тому времени нам лучше оказаться подальше от этого города и этого мира.

— Какой ты, однако, шустрый, — усмехнулась я. В отличие от новоприобретённого напарника, у меня личных вещей с собой не было. — Ну, пойдём, продемонстрируешь, зря я тебе поверила или нет.

— А ты быстро оклемалась от удара, — заметил он. А я всё ждала, когда же спросит?

— Я не менее живучая, чем ты.

— Ну, в этом я всё-таки сомневаюсь, — улыбнулся мужчина. И мы нырнули в серый безликий сумрак.

А девочка-то оказалась с сюрпризами. Нет, я этого в принципе ожидал, но не до такой же степени. Видимо, технологии за последние годы шагнули далеко вперед; я бы, например, не сумел оклематься от серьезного сотрясения за какие-то три часа. А вот поди ты, то едва на ногах стояла, а теперь вот вполне бодро шагает рядом. Интересно, это исключительно способность выходцев с Сестры, или наши тоже на что-нибудь подобное способны?

Земля. Интересно, эта Яра правда работает над контактом, или ляпнула название потому, что первое пришло в голову и прозвучало достаточно интригующе? А, впрочем, какая мне разница, везёт она с собой сведения о расположении наземных боевых станций, коды боевых спутников или карту галактики с подробным указанием «как добраться до Земли»? Я хочу отсюда убраться, и мне плевать, на чём и как.

Что касается Сестры, особых иллюзий я не питал. Благословенного рая в жизни нет, да и в существование его после смерти я не верю. Да я и не ждал, что на соседней планете меня примут с распростёртыми объятьями и как-то за что-то наградят. Я думал о побеге туда много раз, и пару раз даже почти решился. Но предателей действительно не любят ни там, ни тут, и мне был нужен... гарант моей лояльности, что ли? В общем, главное было, чтобы мне разрешили там жить. А уж пробиться на тёплое и светлое место я смогу и сам. Это здесь я мог жить только на дне, а стоило попасть в поле интереса Неспящих, и кончилась бы моя свобода, а вместе с ней, скорее всего, и моя жизнь.

— Куда ты меня ведёшь? — проворчала Яра через пару минут.

— Надо кое-что забрать.

— А именно? — продолжила настаивать женщина.

— Оружие. Снаряжение. Деньги. Раз уж я решил играть ва-банк, не имеет смысла экономить.

— У тебя ещё и оружие есть? — усмехнулась она. — А ты запасливый.

— Ну, тяжёлого штурмового не обещаю, а кое-что компактное и незаметное у меня припасено. Да здесь недалеко, уже почти пришли.

Запасы у меня действительно были неплохие. Здесь, на дне города, при наличии связей и средств, можно хоть духа достать, что говорить об оружии? Понятно, новейших образцов, что на вооружении у Неспящих и элитных армейских частей, нет, а кое-что из списанного или украденного с длительного хранения военных складов — без проблем.

Зачем я их собирал... сложный вопрос. Наверное, привычка. Всегда должны быть пути отхода, всегда должна быть возможность выполнить любую задачу. Хотя порой я сам недоумевал над этой конспирацией: куда мне отсюда-то отступить?

Тайник был оборудован примерно на полпути между домом и рабочим местом, чуть в стороне от привычного маршрута, возле одной из точек сброса мусора. Вонь стояла чудовищная, но я и не к такому привык. А девица моя держалась молодцом; даже не поморщилась.

Запасы были не так чтобы велики, но всё необходимое имелось. Аптечка, системы маскировки, системы жизнеобеспечения, оружие и ещё кое-какое снаряжение по мелочи. Спустив до пояса комбинезон, я на голое тело принялся натягивать сбрую-разгрузку — систему эластичных ремней с креплениями, в которые можно было равномерно распределить всё имущество.

— Извини, второй нет; я как-то не предполагал, что бежать буду не один, — повинился я. Яра только пренебрежительно хмыкнула, никак не прокомментировав. — Скажи, а как ты планировала сама отсюда выбираться?

— Сначала надо попасть на космодром, здесь вроде близко, а там есть определённые лазы и ходы. Торговых кораблей взлетает масса, и некоторые мне подходят. Точнее, подходили, пока я была одна, — вернула шпильку женщина. — Куда тащить тебя, я даже примерно не представляю.

— Ну, ничего, придумаем что-нибудь. Доберёмся до терминалов, выясним, на чём проще выбираться. Только один вопрос: ты как Неспящих обманывать будешь? Ты ведь понимаешь, что там ими всё кишит в данный момент?

— Есть несколько способов, — хмыкнула она. — Но для начала надо добраться до места, есть там один укромный уголок, где меня точно искать не будут.

Придирчиво осмотрев свой арсенал, я выдал спутнице тяжёлый старенький «Пульс», — простой и надёжный как дубина плазменный пистолет в пару килограммов весом, — и моего любимца, «Сладкую ночку» — лёгкую игрушку, изготовленную из какого-то хлипкого пластика, совершенно безобидную на вид и больше похожую на игрушечный детский пистолетик. «Ночка» представляла собой дамский игольчатый парализатор, но народные умельцы наловчились варганить под него снаряды с любой начинкой, начиная от ядов разной степени тяжести и заканчивая довольно мощной взрывчаткой. «Пульс» Яра взяла с насмешливо-снисходительной улыбкой, как будто с этим стариком были связаны какие-то важные воспоминания, и пристроила в карман на бедре. А вот «Ночка» и две обоймы тонких изящных иголочек вызвали живой интерес.

Себе оставил точно такую же «Ночку», ещё одну сунул в рюкзак — они не отличаются надёжностью, а из всего имущества самые незаметные. А ещё «Парня», очень дальнобойный дезинтегратор, застрявший где-то между винтовкой и пистолетом, которым в случае окончания патронов вполне можно было пользоваться как дубиной для ближнего боя, и «Перо» — обыкновенный нож, скрещенный с плазменным резаком.

— Белые разрывные, красные — ядовитые? — со знанием дела уточнила она, заряжая обойму красных иголок и пряча игрушку в другой карман.

— Именно. Знакомая вещь? — любопытствовал я, набивая собственные карманы частями аптечки, а рюкзак — менее необходимыми и более крупными приборами. Подумав, часть аптечки выдал женщине (некоторые предметы там дублировались, так зачем жадничать, мы же сейчас в одной обойме!).

— Ну, в какой-то мере, — уклончиво отозвалась она. — А зачем столько оружия? Ты собираешься пробиваться с боем? Боюсь, мимо орбитальной обороны мы тогда не пройдем, — женщина скроила насмешливую гримаску.

— Я учитываю все варианты, — не стал вступать в полемику я. — Было бы глупо просто бросить всё это здесь. Выбросить никогда не поздно, а вот найти в случае необходимости — гораздо труднее. Ну, у меня всё, тронулись! Мне больше интересно, почему у тебя при себе ничего ценного?

— Ну, я довольно смутно могу представить себе шлюху, которая разгуливает с плазмомётом в кармане, — логично возразила она. — Не волнуйся, у меня много сюрпризов из тех, которые не так-то просто обнаружить.

— Вроде пилюли чудесного исцеления? — не слишком убедительно съехидничал я.

— Вроде неё, — согласилась эта замечательная женщина. — Но ты не надейся, запас

пилюль всё-таки ограничен. Ещё пару чудес я потяну, а вот больше — уже вряд ли. Не туда, здесь налево.

— Ты собралась войти через парадный вход? — уточнил я. Не верилось мне, что моя девочка не знает карту города.

— Настоящие леди ходят только так, — безмятежно улыбнулась в ответ Яра. — Да не волнуйся, там всё продумано. Есть секретная дырка, через которую мы пролезем.

— И ты уверена, что в этой дырке нет никакой ловушки? — для очистки совести уточнил я.

— Посмотрим, — не стала бравировать Яра.

Дальше мы двигались в тишине. Навстречу периодически попадались разные аборигены, но интереса не проявляли. Кто-то искоса одаривал мою спутницу заинтересованным взглядом, но не более того. Один раз группа из четырёх мутантов решила попытаться счастья, но оказалась достаточно сообразительной: после демонстрации дула «Парня» и готовности пустить его в ход любители лёгкой добычи вежливо самоустраились.

Брат — довольно холодная планета. Он находится дальше от Дома, как называли наши предки нашу звезду, поэтому климат здесь попрохладней, чем на Сестре. Так что наверное можно даже поблагодарить окутывающий город смрад за то, что под ним нам живётся более-менее тепло. При этом сезонные смены климата здесь также менее выражены, чем на ближайшей соседке: ось вращения планеты торчит практически перпендикулярно плоскости орбиты, а орбита в свою очередь близка к кругу. В результате поверхность Брата много лет назад поделена на сектора. Ближе к экватору — районы продовольственного производства, куда свозили всю более-менее плодородную почву со всей планеты. Дальше на одной стороне от экватора располагаются горнодобывающие комплексы, а на другой, там, где прежде велась добыча полезных ископаемых, растёт огромный единый город, у которого даже названия нет. Океанов на Брате нет, зато имеется множество почти пресных внутренних морей; здесь вообще гораздо больше суши, чем воды.

Космодромов на территории города много. Мы сейчас направлялись к ближайшему — довольно крупному транспортному узлу, от которого ходили посудины не только к Сестре, но и к дальним Свободным Колониям, с которыми велась активная торговля.

В принципе, в городе полно различных видов транспорта, но весь он ходит выше, в более чистых районах. У местных жителей же нет денег на личный транспорт, уж больно дорого на взгляд среднего оборванца дна выходит такое удовольствие, а общественный нецелесообразно проводить: слишком опасно, да и убыточно. Мы вполне могли подняться выше и воспользоваться пневмокапсулой или монорельсом, но единогласно (и, что удивительно, безмолвно) решили не рисковать по пустыкам.

До космодрома оставалось меньше часа ходьбы, когда клубящийся на этих улицах смог вздрогнул от прокатившегося по городу тяжёлого гула. Вслед за этим по ушам ударил тяжёлый грохот, и мы с Ярой как по команде раскатились к противоположным стенам улицы. Земля содрогнулась, напосада по пяткам, а потом с невидимого отсюда неба посыпались крупные обломки стен или чего-то ещё. В десятке метров впереди в упругое дорожное покрытие с размаху врезалась покорёженная машина и размазалась кусками пластика и металла ещё метров на десять.

Желая стать как можно более плоским, я вжался спиной в стену и пристально вгляделся в стены слева и справа, пытаюсь найти какую-нибудь нишу. Подходящий козырёк, скрывавший в своих недрах воронку слива дождевой воды (дожди здесь порой бывали очень

затяжными и обильными), нашёлся в паре метров назад по улице. Хотелось бы выяснить, как там моя спутница, но выходить на середину улицы было совсем не безопасно: осколочные осадки продолжались. Где-то совсем рядом ещё раз ухнуло, — похоже, взрыв прогремел уже в жилом квартале. А потом надрывно, нервно, гулко завывли сирены.

Ошмётки обшивки домов, куски транспортных магистралей, — всё это усеяло дно города ровным слоем из разнокалиберных осколков, кое-где среди которых проглядывали характерные мокрые пятна тёмно-красного цвета: всё, что осталось от случайных ранних прохожих или пассажиров. Через пару минут своеобразный дождь прекратился, и я, не глядя вверх, скользнул к противоположной стене.

— Яра, ты жива? — крикнул я, надеясь, что голос мой не потонет в вое сирен. Женщина в ответ кричать не стала; просто из такой же дождевой ниши, в какой до сих пор прятался я (надо поблагодарить их создателей; какое полезное оказалось приспособление), высунулась её встрёпанная стриженная голова. Найдя меня взглядом, спутница махнула рукой, и я по стеночке добрался до её укрытия.

— И часто тут у вас такое? — иронично поинтересовалась она. В нише вой сирен казался слегка приглушённым.

— Ты не поверишь, но — первый раз.

— Ну что, попытаемся пробраться к космодрому? — ещё раз выглянув наружу, спросила она. — Кстати, странно, не видно паникующих и разбегающихся во все стороны гражданских.

— Боюсь, космодрома больше нет, — поморщился я. — А паникующих гражданских надо искать наверху; здешняя публика в случае какой-нибудь облавы предпочитает прятаться поглубже в норы. И, мне кажется, это выигрышная тактика.

— М-да, про космодром я погорячилась, — согласно вздохнула она. — Похоже, это была «Хлопушка», или даже пара. Ну и какие в таком случае идеи? Как нам отсюда выбираться?

— Может, просто найдём твоих? — предложил я.

— Ага, и нас обоих пристрелят на месте, — насмешливо согласилась она. — К тому же, нет гарантии, что это именно они, и это именно то, о чём мы с тобой думаем.

— Ты хочешь сказать, тяжёлыми вакуумными бомбами теперь владеют наши местные террористы и борцы за свободу? Нет, похоже, Сестра решила всё-таки не ждать контакта с Землёй. Если он вообще должен был быть, — не удержался я. — Ты что, действительно не была в курсе готовящегося удара?

— Кверр, я полгода торчала на этой планете, добывая нужные сведения. Откуда бы мне знать? — проворчала она, впервые, пожалуй, соглашаясь со своей шпионской миссией. — Если это всё готовилось до моего отбытия, мне звание не позволяло обладать такой информацией, а если после — тем более никто не стал бы ставить в известность рядового исполнителя. Так что в курсе начала войны я была не больше, чем ты. Или, хочешь сказать, ты верил, что всё это накопление вооружений и шпионские игры могли закончиться чем-то другим?

— Нет, зачем. Просто как истинный патриот был уверен, что первым сорвётся наш Вечный Владыка, вечного ему покоя. А видишь как оказалось; Сестра поступила с истинным женским коварством.

— Слушай, патриот, давай поговорим о коварстве и политике в другом месте, — не выдержала Яра. — Меня раздражает этот вой. Какие есть предложения?

— Надо залечь поглубже и добыть информацию. Если началась война, не так-то просто будет убраться с этой планеты; даже если мы добудем корабль, не получится его провести под шквальным огнём, собьют. Или обороняющиеся, или атакующие. Вот если Сестра объявит ультиматум или согласится выпустить каких-нибудь беженцев, можно будет упасть им на хвост.

— А ты, оказывается, оптимист, — усмехнулась женщина, в третий раз проверяя боекомплект «Пульса». Нервничает. Очень хорошо её понимаю.

— Ну, я же решил вместе с тобой отсюда драпануть? — отозвался я с ответной ухмылкой. Её от этого почему-то ощутимо перекосило; нет, ну неужели у меня действительно получается настолько мерзкая рожа, что даже опытную шпионку пробирает? Надо посмотреть на себя в зеркало при случае. — Не был бы оптимистом, уже бы давно отправился к духам. Кстати, вот тебе ещё пример; радуйся, в этой катавасии Неспящие про тебя скорее всего забудут. Ладно, всё, хватит болтать, — правильно истолковав зверскую гримасу на лице женщины, я махнул рукой. — Двинулись.

Нельзя сказать, что меня от нервов пробило на «поболтать», хотя трескотня ни о чём и успокаивала. Меля языком, я прикидывал варианты дальнейших действий.

Ох уж мне эта женская внезапность! Не могла Сестра нанести свой удар завтра, когда нас либо уже не было бы на этой планете, либо не было в живых. То есть, в любом случае нам было бы плевать на войну. А как теперь выкручиваться?

Но глаза боятся, а руки, — то есть в данном случае ноги, — делают. Пока я предавался мрачным размышлениям о будущем, мы успели добраться до ближайшего мусорного коллектора.

— Интересный выход из положения, — прокомментировала женщина. — Или здесь у тебя, о великий мусорный бог, припасён свинченный на коленке межзвёздный корабль класса Аль?

— Будешь умничать, здесь оставлю, — пригрозил я, через тщательно замаскированный пульт управления закапываясь в настройки автоматики коллектора.

— Пригрози этим своей матери, — огрызнулась она. Я великодушно не стал указывать на грубость и бестактность данного замечания, не до того как-то было.

— Всё, можно идти, — разрешил я. — Иди сюда, а то потеряемся. Держись крепче, закрой глаза и лучше не дыши.

— Сколько не дышать?

— Минуты полторы, — прикинул я, притягивая женщину к себе. Эх, всё-таки, до чего же хороша, плутовка! Так и обнимал бы; и не только обнимал, чего уж там. Но, увы, сейчас вообще не до развлечений. А заманчиво, да. — Три, два, один! — отсчитал я, задержал дыхание, и у нас под ногами разверзлась бездна. На мгновение Яра свободной рукой сжала меня гораздо сильнее, чем это было нужно; и я сумел вполне оценить совсем не женскую силу своей благоприобретённой напарницы. Надо бы её при возможности на спарринг подбить, что ли; ужасно интересно, что она умеет.

Путешествие по вонючим кишкам города продолжалось недолго. По запутанной системе автоматизированных сортировочных тоннелей, в конце концов утыкающихся в перерабатывающие системы, чисто теоретически можно попасть в любую часть города. Другое дело, что приятным это путешествие назвать сложно: на поворотах изрядно швыряет о стены, воняет соответственно, да ещё и выбраться из этих тоннелей на поверхность можно в ограниченном числе мест. Пожалуй, добираться таким маршрутом до соседнего

космодрома я бы не рискнул, а вот до резервной автоматической станции управления — вполне.

На станции, куда мы выбрались из промежуточного отстойника через технические коридоры, было чистенько и, что особенно приятно, пустынно: ни одной живой души. А ещё здесь почти не пахло; или, скорее, пахло исключительно от нас двоих. Побитые и помятые, мы выбрались на гладкий светлый пластик пола, испытывая чувства, аналогичные чувствам вернувшегося из долгого и сложного рейса дальнобойщика.

— Вот чем дольше тебя знаю, тем сильнее убеждаюсь в справедливости твоего прозвища, — вздохнула Яра.

— Ты ещё не все мои таланты знаешь, — обнадёжил её я. — Ладно, располагайся тут, а я выясню, что в мире делается.

Женщина буркнула что-то одобрительное и занялась рекогносцировкой, а я занял кресло оператора (автоматика автоматикой, а возможность ручного управления у нас присутствует практически всюду) и окунулся в информационные потоки.

Не знаю, за какие такие заслуги духи послали мне Кверра, но сейчас у меня была возможность в полной мере оценить их милость. Никогда бы не подумала, что система сбора мусора — это такая идеальная информационно-транспортная сеть. А ведь если подумать, всё очень просто: мусор, он действительно собирается отовсюду, все системы здесь автоматизированы, человеческий фактор почти исключён, и в результате имеется доступ практически в любую точку города. Причём доступ быстрый и незаметный.

Мой спутник в этой системе ориентировался отлично. Вот уж действительно — мусорный бог. Таракан.

Чем дальше, тем больше интересовала меня его личность.

Он был не просто опытным и хорошо подготовленным человеком, это и так очевидно. Я, кроме того, готова была свою душу поставить на то, что Кверр вышел из самых верхов местного общества. Может быть, из военной аристократии, или из рода богатых промышленников. Сквозило в его внешности и повадках что-то неуловимое, так примелькавшееся мне за последние месяцы, проведённые на самом верху здешней социальной пирамиды. Было бы интересно взглянуть на этого Лерье не в безликом грязно-сером комбинезоне, а, скажем, в элегантном белом мундире Стражей Вечности, они же личная охрана Вечного Владыки, или в дорогом костюме, сшитом вручную по нему.

Мундир, кажется, подошёл бы лучше. Но это впечатление вполне могло быть результатом наблюдений за его способностями.

Нельзя сказать, что без помощи Кверра я бы пропала. Да, эта атака застала меня врасплох, но дохлого глюма, как здесь говорят, стоила бы вся моя подготовка, если бы подобные мелочи могли меня остановить. Просто с Тараканом всё получалось как-то проще, уверенней и по-своему изящней, если так можно выразиться про путешествие через мусорный коллектор.

Но зато нынешнее нападение объясняло смысл моей миссии, целью которой был шпионаж не политический или военный, а экономический. Меня интересовали полезные ископаемые, места их разработки, координаты пока не пошедших в разработку месторождений, и иная технико-геологическая информация. И судя по тому, что война началась, интересующую информацию начальство уже получило по каким-то другим каналам. Или, может быть, она потеряла актуальность? Если слухи о готовящемся ударе Брата в этот раз не были слухами, Сестра могла нанести удар на упреждение.

Таракан отвалился от экранов где-то через полчаса, и развернулся на стуле в мою сторону. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Яра, расскажи мне, почему ты говорила про Землю? Ты действительно искала способ вступить с ней в контакт, или это была специально для меня придуманная версия?

— Честно говоря, здесь меня интересовали координаты месторождений и сведения о них, — не стала юлить я. Не в той мы всё-таки ситуации. — Почему ты об этом вспомнил?

— Потому что бежать на Сестру не имеет смысла, — улыбнулся он. Улыбка получилась не мерзкая, а жуткая, какая-то обречённо-звериная. — Война началась на обеих планетах. Учитывая, что силы равны, это будет война выдержки и терпения: кто первый перейдёт черту человечности и применит «неконвенционное» оружие уничтожения. Так что я уже не очень хочу лететь на Сестру. А вот драпануть куда подальше, в Свободные Колонии или за

грань к духам, это хорошая идея.

— Ты так уверен в худшем сценарии? — мрачно осведомилась я. — Обязательно применят?

— Да, — не стал вдаваться в подробности Таракан, выжидательно глядя на меня.

— Погоди. Мне надо подумать, — поморщилась я, и, опустившись на пол, вытянулась на спине, расслабившись и прикрыв глаза, чтобы ничто не отвлекало. Лучший способ принятия решений: успокоиться и всё взвесить, сосредоточившись только на мыслях.

— Время пока терпит, — пожал плечами мужчина и отвернулся обратно к мониторам.

И хотелось бы мне усомниться в словах Кверра, но не получалось.

Как всё просто и даже почти забавно. Брат и Сестра умудрились обмануть друг друга, и по иронии судьбы нанесли свои удары практически одновременно. Они не готовились защищаться, оба готовились нападать и пытались предупредить удар соседа. Лучшая защита — это нападение; так, кажется, говорит древняя мудрость. Вот они и напали. И там, и тут контрразведка оказалась слишком хороша, и сведения не утекли к врагам. И там, и тут удалось сохранить тайну.

Нам твердят об исключительности и величии наших народов, а между тем отличия между нами нужно искать под микроскопом. И вот оно, доказательство: Брат и Сестра думают синхронно, и даже время для нападения выбрали одно и то же.

Брат и Сестра. Какие точные названия, данные первыми поселенцами; они тогда, должно быть, надеялись на мирное соседство, на единое большое и сильное государство, а повторилась библейская притча о Каине и Авеле.

У нас другая вера, родившаяся в ту эпоху, когда наши далёкие предки пытались выжить во враждебном мире, не деградировать до первобытного уровня и остаться людьми. Самое смешное, вера одинаковая на обеих планетах; наверное, первое время между двумя мирами оставалась связь.

Но я читала Библию; эту странную книгу, принесённую колонистами с собой, которая древнее двух наших не самых юных цивилизаций. Испытываешь определённый трепет, прикасаясь к тексту, которому по самым скромным подсчётам не меньше пяти тысяч лет по Сестре. И познакомиться с древней мудростью всегда полезно. Она, говорят, способна уберечь от ошибок; только кому охота учиться на чужих примерах и глупых сказках бесконечно далёкого и мёртвого мира.

А что в итоге?

Худший из возможных вариантов. Потому что не надо знать этих людей лично, чтобы догадаться: и Вечный Владыка, и Матушка раздосадованы и рассержены. Как же так? Вот если бы на денёк раньше, вот если бы чуть-чуть повезло! Нет же, это не наша ошибка, это духи решили подшутить!

Война действительно не ограничится двумя пробными ударами, Брат и Сестра разнесут друг друга в клочья. А когда они ослабнут, этим воспользуются те, кто наблюдал за нашей грызнёй издалека, и пока ограничивался выгодными торговыми связями. Те самые Свободные Колонии; миры, произошедшие из одного с нами корня, но удалённые друг от друга гораздо сильнее, чем Брат и Сестра, до встречи с нами успевшие объединиться в союз, состоящий из пяти практически независимых друг от друга миров. Их союз, в общем-то, только регламентировал межмировые отношения, содержал договор о ненападении и соглашение о совместном противодействии внешним врагам и оказании взаимопомощи.

И что делать в сложившей ситуации мне?

Предложение Кверра о Свободных Колониях было заманчивым. В конце концов, я не буду бесполезным иждивенцем, я действительно очень хороший специалист во многих областях, и без труда найду себе место. Даже в условиях пренебрежительного и брезгливого отношения со стороны коренных обитателей нового дома.

Что я почему-то совсем не рассматривала, так это перспективу вернуться на Сестру. Как, оказывается, легко изменять присяге. В нас пытались вдолбить верность и преданность; пожалуй, если бы меня поймали, как шпионку, я бы действительно умерла героически, и даже ничего не рассказала под пыткой.

А сейчас я совсем не чувствовала себя обязанной возвращаться назад. Может, потому, что знала: меня, если я вернусь, тем более — в компании беженца с Брата, обвинят в измене и прикончат почти без суда и следствия. Как же так — не предугадала, не доложила, не предупредила; и плевать, что задание моё было не о том, должна была учитывать все варианты. По законам военного времени.

Или, может, всё было куда проще, и Сестра никогда не была моим домом, и мне просто некуда было возвращаться и не за что сражаться в этой войне?

Сынов и Дочерей, а в переводе на простой язык — элитных универсальных бойцов и разведчиков, воспитывали исключительно из сирот, причём лет так с двух. Так что кроме учебки и бесконечных заданий разной степени сложности меня с этим миром ничего и не роднило.

А Земля...

Мечта о семье, о родителях, о нормальной жизни, — такие естественные желания всех сирот, — конденсировались для меня в одну. В неё самую, мечту о Земле. Для меня это был далёкий дом, надежда, родина, мама с папой и всё, ради чего стоило жить. В моих мечтах она была тем самым раем, который обещался всем, кто хорошо себя ведёт, по другую сторону жизни.

Земля была моей мечтой, заветной и очень тайной. Я грезилась о ней, как иные грезят о дальних путешествиях, о выигрыше в лотерею или благосклонности любимого. С раннего детства; когда кто-то мечтал о новой игрушке, я бредила только Землёй. Всё моё свободное время было посвящено ей, я искала с упорством безумного историка. Сначала прочитала всю литературу, находящуюся в свободном доступе, потом — ту, на которую требовалось разрешение. А потом и вовсе ту, гриф на которой звучал почти как «перед прочтением — уничтожить».

Я твёрдо знала, что она есть. Я даже примерно предполагала, где она находится. Я изучала звёздные карты, и настолько хорошим пилотом стала, наверное, только благодаря своей несбыточной мечте когда-нибудь броситься очертя голову в этот сумасшедший безнадежный путь.

Я не верила, что те, кто отправил к далёким звёздам огромные и совершенные корабли колонистов, могли просто так умереть, ни за что, из-за какой-то мелочи вроде астероида или землетрясения.

Никому о своих мечтах я не рассказывала, потому что они даже мне самой казались глупыми и наивными. Я точно знала, что утопия из моей мечты не может существовать, и даже если Земля где-то есть, ничего хорошего я на ней не найду. Вероятно, это будет чуть живой, очень грязный и перенаселённый мир с погибающей природой и самыми обыкновенными людьми. Знала, но при этом всё равно продолжала верить; удивительный парадокс.

Так, может, стоит рискнуть? Довериться собственным мечтам, шагнуть в никуда. Скорее всего, без страховки прыгнуть в пропасть и свернуть шею. Но зато на том свете мне будет не стыдно смотреть в глаза справедливым и бесстрастным духам мира.

— Кверр, что ты скажешь, если я предложу тебе плюнуть на всё и рискнуть, но попытаться найти Землю? — садясь, обратилась я к спине увлечённого какими-то изысканиями мужчины. Он развернулся вместе со стулом, пару мгновений сверлил меня взглядом.

— Я скажу, что ты сумасшедшая, — хмыкнул Таракан. После чего расплылся в очень довольной и совсем не мерзкой улыбке, и проговорил: — Но мне нравится ход твоих мыслей, духи меня поберите!

И мне вдруг стало легко и весело. Как будто этого странного типа без прошлого я знаю не шесть часов, а полжизни, и всё это время он сражался со мной плечом к плечу и прикрывал мне спину.

Вот и не верь после такого в волю духов, которые иногда позволяют себе вмешиваться в дела смертных и подталкивать их под локоть в ключевые моменты жизни.

Сработаемся. Как есть — сработаемся! Страшная сила — люди, которым нечего терять, но есть, к чему стремиться. Особенно если эти люди хорошо подготовлены.

— Тогда нам нужен корабль. Небольшой, быстроходный, с двигателем последней разработки, со всем необходимым на борту, с большим запасом пищи, с анабиозными камерами, с...

— погоди, остановись, — со смехом перебил меня Кверр. — Я уже примерно прикинул, что за корабль нам нужен, даже нашёл подходящий, вот только добыть его будет непросто. Но, с другой стороны, чем не повод воспользоваться напоследок оружием? В конце концов, если мы погибнем при попытке угона, мы же ничего не потеряем.

И я не удержалась от ответной улыбки. Поберите меня духи, когда он вот так улыбается, прозвище «Таракан» кажется оскорблением для такого обаятельного и симпатичного парня.

— Ну, показывай, что ты там откопал? — предложила я, поднимаясь с пола и подходя к напарнику. Теперь уже, пожалуй, напарнику.

— Не нависай, терпеть этого не могу, — проворчал он, когда я одной рукой упёрлась в спинку кресла, а второй — в край стола, склоняясь к экранам. И подвинулся, освобождая мне половинку стула. Я насмешливо хмыкнула над такой галантностью, но послушно притулилась на краю стула. Даже великодушно не стала высказываться по поводу руки мужчины, тут же обхватившей мои плечи. Пусть его, так действительно удобней: для нас двоих этот стул явно маловат. — Смотри, вот он, красавец.

— Кхм, — выдала я через несколько секунд, сообразив, план какого здания развернулся на мониторах. — И этот человек меня назвал сумасшедшей! Ничего попроще найти не мог?

— Вы, моя леди, достойны самого лучшего! — патетично заявил он. Если бы ещё не ухмылялся при этом так пакостно... — Да ладно, не ворчи. Если ты подумаешь, то поймёшь, что это идеальный вариант. Во-первых, он всегда укомплектован по последнему слову всем необходимым, да ещё с запасами. Во-вторых, при всём моём неуважении к Владыке, трусом он не является, и с планеты вот так сразу сбегать не станет. В-третьих, Владыка отнюдь не дурак, поэтому во дворце его уже нет, как нет и большей части охраны, что нам на руку.

— Ладно, уговорил, — отмахнулась я, признавая его правоту. Угнать личную яхту Вечного Владыки — это настолько безумная идея, что она вполне может сработать. Я считаю, вполне достойное начало такого мероприятия, как путешествие к Земле.

Над планом действий мы спорили до хрипоты не меньше получаса. Тыкали в экран, били друг друга по рукам, ругались, переходя на личности: в общем, нормальный рабочий процесс. Просто душа радуется; мне довольно редко выпадало работать в команде.

— Из всего вышеизложенного я могу сделать только один вывод, — со вздохом оборвал моё ворчание мужчина. — У нас двоих просто не хватит рук, чтобы позаботиться обо всём.

— И что теперь? Не пытаться?

— Ну, почему? Просто добыть пару лишних рук, — невозмутимо ответил он.

— Замечательная идея! Ты хочешь повесить мне на шею ещё пару неуправляемых придурков вроде тебя? — я возмущённо всплеснула руками. — И что, они так просто и бескорыстно решат рискнуть своей шеей? Или они такие психи, что захотят отправиться на Землю? И ты уверен, что этим людям можно доверять?

— Не части, — поморщился Таракан. — Доверять можно, а с остальным разберёмся. Пары опытных бойцов нам же хватит, чтобы заткнуть все дыры?

— Таких, как ты? — уточнила я. — Думаю, вполне.

— Таких, как я, вряд ли; я всё-таки гений, не забывай, — усмехнулся Кверр. — Но приличных, да. Ладно, можешь отдыхать, а я пока пообщаюсь.

Я послушно перебралась обратно на пол, с интересом прислушиваясь. Причин не доверять Таракану у меня уже не было, но было очень любопытно, кого он собрался звать на помощь. Правда, первая же фраза мужчины отбила всякую охоту интересоваться подробностями и участвовать во всём этом мероприятии.

— Приветствую Разум Неспящий, — церемонно проговорил Кверр, склонив голову. — Как вы смотрите на то, чтобы изменить присяге?

— Малыш, ты... рехнулся? — очень спокойно спросил мягкий, вкрадчивый голос с хриловато-мурлычущими интонациями. Я с неизвестным собеседником Таракана была полностью согласна: Разум — это второе по старшинству командное звание, сразу после Первого Неспящего. Предлагать ему такое... По меньшей мере, идиотизм. — Сначала ты пропадаешь без вести на десять лет, а теперь появляешься с такими заявлениями? Ты в курсе, что меня за одно только выслушивание подобных предложений могут расстрелять?

— Не волнуйся, Толстый, я обезопасил канал, на несколько минут болтовни хватит, — с задиристой бесшабашной весёлостью ответил Кверр, будто разом помолодев в два раза. — И ты не ответил. Как ты смотришь на дезертирство?

— Ты, определённо, где-то растерял все мозги, — задумчиво проговорил таинственный собеседник. Таинственный, потому что с моего места его было не видно; но почему-то совершенно не хотелось попадаться ему на глаза. Знакомое что-то было в этом голосе. — И куда ты желаешь податься? К Свободным?

— Ты мне доверяешь? — напряжённо уточнил Таракан, даже слегка подаваясь вперёд.

— Нет, — без раздумий ответил его собеседник. — Ты вздорен, несдержан, неуправляем и часто думаешь не головой, а тем, что между ног. Но это не значит, что я могу отказать себе в удовольствии почесать кулаки о твою наглую морду.

— Ну тогда лови координаты, — с облегчением откинувшись на спинку стула, сообщил Кверр. — Форма одежды — последний поход.

— Буду через десять минут. Нет, через двадцать с учётом обстановки на улице, — с лёгким раздражением в голосе поправил себя незнакомец и, видимо, отключился. Меня так и подмывало задать Кверру десяток-другой вопросов, но я решила пока сдержаться, тем более что тот вновь выходил с кем-то на связь.

Впрочем, в этот раз всё было более мирно. Хотя и не менее странно.

— Привет, глюм! — бодро отрапортовал Таракан.

— Привет, глюм, — спокойно ответил высокий мужской голос. — Какими судьбами?

— Как ты смотришь на то, чтобы навсегда свалить с этой грязной планеты?

— Положительно, — хмыкнул собеседник. — Три билета найдётся?

— Смотря для кого.

— Ну, я, как настоящий семьянин, не могу бросить родню. Поэтому — беременная жена и её сестра.

— Сестра тоже беременная? — съехидничал Кверр.

— Нет, что ты. Ты же знаешь, Птичка ждёт только тебя, — с насмешкой ответил незнакомец.

— Ладно, а кроме шуток, жена глубоко беременная? Анабиоз перенесёт?

— Нет, слегка, — фыркнул тот. — Если бы был большой риск, я бы с тобой не разговаривал. Ну?

— Давай вот сюда подтягивайся где-нибудь через час со своим выводком.

— До связи. Отбой, — принял информацию незнакомец и отключился. А Кверр повернулся ко мне.

— Ну, вот и всё, команда собрана.

— Ты решил собрать табор беженцев? — не удержалась от ворчания я. — Или вывезти всех друзей?

— Ну, как видишь, друзей у меня не так много, — беспечно пожал плечами Таракан. — А специалисты они действительно классные.

— Особенно беременная женщина, я так и подумала, — продолжала ворчать я. Очень не хотелось тащиться в неизвестность не пойми с кем. С Кверром всё было ясно, к нему я уже более-менее приспособилась, а вот кого он может насобирать в команду — теперь уже большой вопрос.

— Можешь не верить, но лучшего снайпера на Брате нет, — насмешливо ответил мне мужчина.

А я только отмахнулась и, усевшись поудобнее, опять погрузилась в мысли. Надо было окончательно продумать маршрут.

Удивительно, сколько информации можно найти, если искать вдумчиво и в разных местах. Наши далёкие предки везли с Земли не только науку и технику; там были и обрывки истории, и книги откровенно развлекательного характера.

Последние почему-то никто не принимал в расчёт. Ни одно солидное исследование никогда не упоминало ни одной из них, хотя некоторые были довольно распространены, и даже порой пользовались популярностью.

Из этих книг я почерпнула массу полезной информации. Например, что Земля — третья планета от Солнца, своей звезды. Или что в системе этой звезды восемь (или в некоторых источниках девять) планет. Что Солнце — маленькая звезда жёлтого спектра свечения. Уже только эти факты здорово сокращали ареал поисков.

Чего я так и не смогла понять, почему никто так толком и не попытался добраться до Земли, не пытался всерьёз найти её.

Нет, отдельные энтузиасты были. Снаряжались даже экспедиции на частные средства, только корабли уходили в неизвестность, и назад не вернулся никто. А позиция официальной науки и политики что Сестры, что Брата, была удивительно единодушна:

никакой Земли уже нет.

Почему? Гадать можно было бесконечно, но меня это по большому счёту не интересовало.

Ни с чем не сравнимый опыт: видеть, как на твоих глазах рушится всё, во что ты верил и на что ты надеялся, и не иметь никакой возможности вмешаться, хотя бы даже попытаться изменить ход событий.

«Кварг Арьен, вы неблагонадёжны, и вы не можете быть допущены к планированию столь важной операции». Ур-роды, да поберут их духи!

Впрочем, поберут. Всех нас поберут, и очень скоро.

Странно, но это было почти приятно: наблюдать, как мир обращается в руины. Наблюдать лица коллег и армейских чинов; такие деловито-сосредоточенные, решительные. Надо было очень хорошо знать их, чтобы понимать то, что понимал я. Паника. Всеобъемлющая, судорожная, звериная паника. Если на Сестре сейчас происходит то же самое... Все мы обречены.

Наверное, я та самая самовлюблённая чёрствая скотина, которой меня порой имели наглость называть некоторые особы, но за новостями о потерях — неофициальными, разумеется, — я наблюдал с чувством глубокого удовлетворения. Меня грела одна-единственная подленькая мыслишка: «А я предупреждал!».

Я сидел в плетёном кресле в небольшом уютном саду, расположенном на крыше одного из небоскрёбов, покачивал в ладони бокал с вином, щурился на рассветное солнце, и с удовольствием наблюдал, как вокруг беснуется в агонии город. На серебристых обтекаемых тушах бомбардировщиков играли отблески солнца и пожаров. Это было красиво.

А, самое главное, меня совершенно не волновало, куда ударит следующий снаряд. Где-то там, за горизонтом? Чудесно, будет красивое зарево. Упадёт мне на голову? Что ж, это его право. А я сделал всё, что мог сделать, и от меня в этом мире больше ничего не зависит.

Какое восхитительно лёгкое ощущение: когда от тебя вдруг совсем ничего не зависит. Можно вот так сидеть, слушать отзвуки пока далёких взрывов, наслаждаться хорошим вином и ждать. Наверное, смерти.

В моём возрасте и при моей профессии её как-то стыдно бояться. Подняться по боевой линии Неспящих до Разума к тридцати годам — это весьма стремительная карьера, где-то в середине которой я по всем законам мироздания должен был подохнуть. А поди ты, живой. Сижу вот, люблюсь и пью брудершафт со смертью.

Красивый образ. Был бы поэтом, непременно написал бы что-нибудь торжественно-пафосное на эту тему.

«Слова — орудие слабаков», — вещал он мне. — «Сильный должен доказать свою силу раз и навсегда, доказать так, чтобы не возникло даже мысли о сопротивлении. И если придётся — раз за разом умывать врагов кровью, пока или их не останется совсем, или они не склонятся, забыв навсегда о своих поползновениях».

Кретин. Видел я его эдак полчаса назад, когда вся планетарная оборона сдулась после первого же удара. Рожа такая перекошенная, красная, злая; смешно.

Я ещё отпил из бокала, смакуя и катая на языке терпкую вязущую жидкость. Хорошее вино; самое то для конца света. Который я, к слову, встречал, как и положено гордому и несломленному, при полном параде. Что поделаешь, я люблю этот мундир; не просто же так я за него столько крови пролил, своей и чужой. Особенно трогательно смотрятся белые перчатки: вроде как руки мои чисты.

Приятный процесс ожидания прервал тревожный сигнал, говорящий о том, что кто-то жаждет срочно лицезреть мою персону. Я даже удивился; кому это я мог понадобиться в такой чудесный момент? Мне казалось, что семь месяцев назад, когда меня попросили отдохнуть, для окружающего мира я перестал существовать. Даже любовница без напоминаний с моей стороны и без скандала куда-то быстро и незаметно исчезла.

Когда я увидел физиономию вызывающего, едва не поперхнулся вином. Однако опыт — великая сила; не поперхнулся, и даже лицо сохранил.

Сегодня, однако, странный день. То сбываются предсказания, то покойники воскресают.

Младший как всегда в своём репертуаре: внезапный, непредсказуемый и не отвечает на вопросы. Но в этот раз он превзошёл самого себя. И, по-моему, прежде чем я смогу обрадоваться, что этот засранец жив, мне придётся его хорошенько избить. Разумеется, в воспитательных целях.

Однако, интересно, что этот тип задумал? И ещё интересно: он в курсе моего нынешнего положения, и потому сделал такое неожиданное предложение, или как обычно ляпнул не подумав? Пойдём да выясним, что рассуждать!

Переодеваться я высокомерно не стал. Да ну к духам эти мелочи; в таком виде мне вполне удобно делать всё, что угодно, так зачем тратить время?

Что касается «последнего похода», рюкзак со всем необходимым покрывался пылью где-то в оружейном шкафу. Это из глубокого детства; смешно сказать, но оно у меня всё-таки было. У детей военных было любимое развлечение: мы играли в военных, что довольно логично. А «последний поход»... Запас быстрого реагирования: то, что нужно взять с собой, когда нет времени на сборы. У отставных военных принято иметь подобный комплект на случай внезапной мобилизации. Я, в общем-то, не военный, но привычка с детства осталась. Раньше это были какие-то детские мелочи, пищевые концентраты, ещё что-то; я уже и не помню. А теперь — всё по правилам, набор для выживания и ведения боя практически в любых условиях.

В светлом парадном мундире и с рюкзаком за плечами я спокойно спустился на лифте вниз и двинулся пешком к точке, указанной Кверром. К моему удивлению это оказался — с точностью до десяти сантиметров — люк мусорного коллектора.

Наверное, стоило всё-таки переодеться во что-то менее маркое. А, плевать!

Но мальчишка точно получит по ушам.

Путешествие в недрах мусоросборной системы сложно было назвать приятным приключением. Такое чувство, что тебя съели, в данный момент быстро переваривают, чтобы в конце концов... да-да, оно самое.

Пока я с интересом озирался по сторонам, стоя на платформе, окружённой четырьмя стационарными роботами-сортировщиками, в данный момент выключенными, — с этой стороны на город я раньше не смотрел, — где-то сбоку открылся небольшой лаз, и знакомый голос крикнул:

— Эй, Толстый, иди на голос! Смотри, не застрянь в коллекторе, — под конец серьёзный тон он не выдержал и бодро расхохотался.

Первое, что я сделал, выбравшись через тесный лаз на свет (кажется, это была какая-то контрольная станция), с наслаждением и от души приложил собственный кулак к улыбающейся физиономии Кверра, склонившейся надо мной. Он, конечно, хорош; но я всё-таки быстрее, и всегда был быстрее. Зато, в отличие от него, мне никогда не давались

компьютерные системы. Так что всё в равновесии.

— Во имя духов, обязательно было ломать мне нос? — прогундосил он, держась за пострадавшую часть лица.

— Радуйся, что только нос, — отрезал я, озираясь.

Оп-па! Вот это новости.

— Ты решил прихватить с собой развлечение на дорогу? — усмехнулся я, разглядывая сидящую на полу женщину, взирающую на нас с рассеянной задумчивостью.

— Знакомьтесь, это...

— Мы знакомы, — иронично улыбнувшись, кивнула она. — Извини, но тебя я развлекать не буду: мне было ужасно скучно в нашу единственную встречу.

— Надо было лучше стараться, — хмыкнул в ответ я. — Как-никак, это всё-таки твоя профессия.

— Зато честный труд, никому не приносящий вреда, — пожала плечами красавица.

— Так, ну-ка, хватит, — нахмурившись, рявкнул Кверр. Ого, за время отсутствия он многому научился, как я погляжу!

— Малыш научился показывать зубы? — снисходительно улыбнулся я. Помнится, в детстве его это жутко бесило.

Хм, кажется, не только в детстве!

— Да уж была возможность, твоими молитвами, — огрызнулся он. А вот это запрещённый приём...

Я тоже стряхнул показное благодушие и расслабленность. Хочет поругаться — будет ему «поругаться».

— До твоего нелепого побега у меня всё было под контролем, — отрезал я. — Но кто-то же не может посидеть в комфортабельной камере пару недель, ему самоутвердиться надо: как же так, всеми забытый и брошенный, сам спасусь. А не спасусь и сдохну по дороге — пусть всем стыдно будет, что бедного Малыша довели. Доказал себе свою крутость? На семнадцать-сорок восемь тебе понравилось? — я и сам не заметил, как контролируемое спокойствие перешло в почти не контролируемую ярость.

— А ты-то чего злишься? — до крайности мерзко ухмыльнулся он. — Сложно осознавать, что ты не всемогущ?

— Сложно, — медленно кивнул я, пытаюсь взять себя в руки. Получалось плохо. — Сложно встать на следующий день после Пути К Трону и заниматься похоронами матери.

М-да. Это тоже был грязный приём. Кверр ошутимо побледнел и как-то весь сдулся, осунулся.

Вот почему меня даже Владыка в самом скверном расположении духа не бесит, а этот мальчишка выводит из себя так запросто парой фраз? Совершенно перестаю следить за тем, что говорю. Ужасно непрофессионально.

— Какой же ты идиот, Малыш, — проворчал я, первым идя на мировую. «Ты старше, будь умнее», — говорила мама. Получалось не всегда, но сейчас я чувствовал в себе силы поступить как умный. Подошёл, обнял одной рукой, от души хлопнув по плечу. Скандальить и выдираться он для разнообразия не стал. Правда что ли повзрослел?

— А ты чёрствый ублюдок, — хмыкнул он, неловко меня обнимая.

Не. Не повзрослел.

— Ладно, скажи мне, мягкий законнорожденный, какого духа ты потом прятался? — уточнил я, выпуская младшего из охапки, пока он не начал выдираться сам.

— Знаешь, твои коллеги очень хорошо умеют объяснять виды на будущее. Убедительно. Особенно на сорок восьмой хорошо получается, ложится на благодатную почву. Первые года полтора я вообще лишний раз чихнуть боялся и пытался поверить, что я на самом деле живой. Пусть в дерьме по уши, но живой. Потом-то конечно освоился, но всё равно проявлял разумную осторожность. А что с тобой не связался... Знаешь, мне кажется, мне было просто стыдно попасться тебе на глаза. Да и навредить твоей карьере мог; а сейчас вроде такая ситуация, когда особо терять нечего, — он пожал плечами.

И всё-таки — повзрослел.

— А что такое «Путь К Трону»? — прервала разговор реплика со стороны всё так же сидящей на месте женщины, наблюдавшей наше выяснение отношения как увлекательный спектакль.

— Шлюха должна молчать, пока не спросят, — я усмехнулся, переведя взгляд на синеглазую.

— Кварг, где твоё воспитание? — поморщился младший. — Яра...

— Да знаю я, кто твоя Яра, — хмыкнул я. — Ты хоть донесение своё отправить успела, сестричка? Кстати, ты молодец; удрать от натасканных охотников — это большой талант, редко кому удаётся.

— Откуда... — удивлённо вытаращилась на меня женщина. Так, отлично; хоть эту невозмутимость удалось расковырять, пребывая при этом в спокойном состоянии. А то я уже, было, начал подозревать, что теряю навыки.

— Милая, в тот момент, когда ты сможешь мне что-то незаметно подсыпать в вино, я уже буду старым, дряхлым, немощным и, скорее всего, мёртвым.

— Ну, тебе недолго осталась, — безмятежно повела плечом женщина.

— Больше, чем тебе бы хотелось, — ответил я ласковой улыбкой. Говорят, она у меня получается совершенно зверской.

— Почему ты тогда меня не остановил? — переключилась на более конструктивный лад она. Нет, положительно, правильно я эту девочку тогда отпустил! Умница какая: ругаться не стала, окончательно на личности переходить — тоже.

— Мне было немного обидно: меня обвиняют в неблагонадёжности, а я не совершил ни одного по-настоящему стоящего проступка, — честно ответил я, пожимая плечами. — Зато после этого и мне уже не хотелось доказывать, что я не глюмова слизь, и обвинения стали звучать вполне справедливо. Начал, можно сказать, получать удовольствие от жизни. И получал, пока кое-кто не воскрес из мёртвых, — с намёком посмотрел на Кверра.

— А, да! — он опомнился, правильно истолковав мой взгляд. — Если вкратце, мы планируем угнать яхту Владыки и на ней двинуться на поиски Земли.

Я посмотрел на эти сосредоточенные лица двух взрослых серьёзных людей с отличной боевой и психологической подготовкой, в их горящие нездоровым энтузиазмом глаза... и почувствовал себя младшим медицинским сотрудником в клинике для душевнобольных.

— И вы даже знаете, где она? — вопросительно вскинул брови я, переводя взгляд с одного на другую и обратно. Говорят, с сумасшедшими лучше не спорить, так?

— Есть несколько вариантов, — против ожидания, ответила Яра. Странно, я думал, самые бредовые идеи на этой планете приходят в голову непутёвого младшего. Ан-нет, у него появился конкурент! — Нужно как следует посмотреть карты. У меня появилась некоторая новая информация, которую я ещё не успела присовокупить к известным ранее данным, поэтому круг поисков несколько сузится, когда я буду строить маршрут.

— Предположим, — кивнул я. Духи с ними, идиотами. До прокладки маршрута на Землю ещё дойти надо; а там, может, их отпустит, и они согласятся на какую-нибудь из Свободных. — Раз уж начали с конца, продолжаю. Как нашу систему покинуть планируете? Вы на небо смотрели сегодня? — на всякий случай уточнил я.

— Я выведу, — серьёзно кивнула женщина. И была в её словах такая убеждённость, что я почти поверил. Если бы ещё не это ощущение, что я разговариваю с психами...

— Предположим, — вновь не стал спорить я. До этого момента тоже надо дожить. — Тогда ещё один вопрос, последний. Как вы собираетесь корабль добывать? Вы вообще представляете, что там за система защиты?

— Есть отличный специалист, мы встретимся с ним позже, — бесшабашно улыбнулся Кверр. — Да и я на что-то гожусь.

— На компост, например? — язвительно уточнил я. — Духи с вами, всё равно мы все здесь подохнем; сутками раньше, сутками позже, какая разница. Так даже веселее получится.

Наверное, это был самый геройский поступок в моей жизни, и решиться на него было ох как сложно. Скорее всего, я в итоге сумел побороть свои страхи просто потому, что осознавал: это последний шанс. Всё. Не решусь сейчас, и дальше не будет никакой возможности: не станет либо меня, либо его, либо нас обоих.

Старший — сложный субъект. Причём это даже не профессиональная деформация, просто характер такой сволочной. Вот, пожалуйста, наглядный пример: меня увидел, и даже бровью не повёл. Я понимаю, почему я могу держать себя в руках — я же готовился, настраивался, а для него это всё-таки сюрприз. И нате вам, пожалуйста: сдержан, ироничен, деловит. Не человек, а образец для подражания всех молодых Неспящих. Определённо, нельзя настолько хорошо держать себя в руках!

Вот этим он меня всегда особенно бесил. Сложно жить, когда перед глазами маячит эдакое непогрешимое совершенство без страха и упрёка. Сразу хочется сделать какую-нибудь гадость или доказать, что ты тоже что-то можешь. Его, по-моему, по той же причине никогда не любили сослуживцы. А десять лет разницы в возрасте делали его для меня вообще недостижимой величиной, что тоже смертельно раздражало.

«Раньше. Раньше раздражало», — с удивлением понял я. А сейчас я просто был рад его видеть.

Правда, ровно до того момента, как он явился во плоти. Потому что мы тут же поругались. Я не смог отказать себе в удовольствии попытаться вывести непробиваемого старшего из себя, — всегда искренне радовался, когда у меня это получалось, — а он...

Вышел из себя, собственно. И меня даже почти привычно приложили так, что стало не до скандалов. У него это всегда хорошо получалось: парой нужных слов наглядно продемонстрировать мне, какое я дерьмо. Причём так, что и возразить нечего; против правды не попрёшь, а к месту припомнить какой-нибудь неприглядный факт Кварг умел, и умением своим постоянно пользовался.

Мать... думая о ней, я чувствовал себя самым натуральным жалким глюмом, потому что тогда я о ней вообще не думал. Хотел просто досадить старшему; кто же знал, что начальство не ограничится снятием звания или каким иным взысканием. Не знал, что его за меня так наказали. Видимо, он слишком активно пытался исправить мою судьбу.

Путь К Трону — это наказание, совсем немного отличающееся от смертной казни, хотя и называется испытанием. Я не знаю подробностей; с ними знакомы только палачи да те немногие, кому повезло выжить и сохранить рассудок. Учитывая, что это долго, очень больно и после этого долго приходится лечиться, — надо полагать, какая-то изощрённая пытка. Считается, помочь выжить там могут только духи, а духи помогают только достойным; потому, собственно, и испытание.

Однако, получается, подставил я старшего по полной программе и очень жестоко. Это стало для меня неприятным открытием. Собственную-то дурость я осознал ещё в тюрьме, там вообще это хорошо удаётся, и понял, что Кварг мне желал добра и всячески прикрывал мою задницу. Всё познаётся в сравнении; когда меня посадили в клетку, я решил, что меня бросили, и разозлился. И только по-настоящему оставшись без прикрытия тени старшего понял, насколько многое он для меня до того момента делал.

А вот масштабы той кучи, которую я ему подложил, осознал только сейчас. Мои

выкрутасы чуть не стоили ему жизни, а он об этом проговорился только в порыве злости, и явно не собирался меня в чём-то обвинять и страшно мстить.

В общем, опять то же самое: нет у этого человека недостатков. И это ужасно раздражает и мешает жить окружающим, гораздо менее совершенным, людям.

Когда от скандала мы перешли к разговору, Кварг уже вполне взял себя в руки, поэтому понять, какие процессы происходят в его голове, не представлялось возможным. Я так и не научился вычислять настоящее настроение, скрытое за невозмутимой миной одного из лучших Неспящих. Из этой скорлупы он выбирался редко, по большей части — чтобы отчитать меня, что было определённым поводом для гордости.

— Ладно, давай к делу, — наконец я тоже сумел призвать к порядку собственные нервы и настроение. Присутствие и ощущение поддержки старшего одновременно привычно раздражало, но также вызывало неожиданные чувства, близкие к эйфории. Наверное, от облегчения, что я всё-таки завершил последнее важное дело на этой планете, и теперь меня уже точно совсем ничего здесь не держит. — Смотри, вот план здания...

Вместо эксплуатации старенького компьютера, я включил небольшой универсальный проектор, в который к тому времени уже перегнал все нужные карты и схемы. Над столом раскрылась красивая трёхмерная модель дворца.

Я коротко изложил план, который мы с Ярой успели набросать. Лицо Кварга по-прежнему оставалось непроницаемым.

— Ты закончил? — вежливо осведомился он. Я кивнул, подозревая подвох. — Твоя карта — полный бред, — точно также спокойно сообщил он. — Вот здесь, здесь и здесь отсутствуют переходы. Схема расположения охранных постов устарела лет на пять. Что касается систем защиты, тут нет по меньшей мере трети того, что имеется на практике.

— И что ты предлагаешь? — осторожно осведомился я. Старший хоть и ворчал, но не было похоже, что наше мероприятие представляется ему совсем уж безнадёжным.

Что касается достоверности карты, определённые подозрения на этот счёт у меня были; я потому и хотел призвать на помощь Тимула, специализирующегося как раз на охранных системах и бывшего в курсе абсолютно всех разработок, даже особо секретных. Но раз уж Кварг знает, в чём заключается проблема, может, он знает, как её решить?

— Пойдём вот отсюда. До внутреннего контура я вас доведу без проблем, а дальше придётся прорываться. Но здесь всяко ближе, да и начальник данного сектора — редкий раздолбай, даже хуже тебя. А там, где вы собирались пробираться изначально, заведует человек, у которого даже пыль ложится по графику и в строго отведённые для неё места, — хмыкнул старший.

— Тебе не кажется, что ты несколько непрезентабельно выглядишь для визита во дворец? — усмехнулся я.

— Не моя идея была собираться в мусорном коллекторе, — пожал плечами Кварг. Потом вдруг поморщился и проговорил: — Не делай так больше.

— Как? — озадачился я, хотя в этот раз предположение уже появилось, и я бросил взгляд на задумчиво молчащую и наблюдающую за нами Яру.

— Не строй такую рожу. Потому что я ещё немного потерплю, а потом ты не досчитаешься зубов.

— А тебе, значит, можно меня из себя выводить? — хмыкнул я.

— Можно. Я старше и сильнее, — невозмутимо отозвался старший.

— Скотина, — пробормотал я. Получилось ласково и совсем не зло.

Духи! Похоже, я действительно здорово изменился за последние годы.

«Какая ирония!» — только и подумала я, разглядывая мужчину, выбравшегося из того же лаза, через который сюда пару часов назад попали мы. Я была готова поклясться, что никогда в жизни больше не увижу этого типа, а оказывается — мне придётся идти вместе с ним к духам на поклон и, если всё получится удачно, лететь к Земле.

Про Кварга Арьена (его имя меня с самого начала заинтересовало; это же кем надо быть, чтобы назвать сына в честь популярного лёгкого наркотика?), благодаря ленивой самоуверенности которого я добыла солидную часть имевшихся у меня данных, я с момента расставания с ним не вспоминала. И не могла даже предположить, что мир настолько тесен, и мой новоприобретённый напарник окажется Разуму Неспящему... кстати, кем?

Фамилии у них разные, но стиль общения, некоторые выражения, да и внешность говорили о наличии близкородственной связи; скорее всего, сводные братья с разными отцами. Не просто же так Кварг мать вспоминал!

Сходство мужчин, стоило увидеть их рядом, бросалось в глаза. Похожие черты лиц, похожие глаза, примерно одинаковое сложение. Только Таракан представлял собой доработанную и улучшенную версию старшего: более симпатичный, обаятельный, гармоничный, живой. Черты лица Кварга были грубее, жёстче, глаза — тусклее, будто слегка выгоревшие, да и сам он был заметно тяжелее, массивней. Решительно невозможно было представить его в роли промышленника, управленца или какого-нибудь другого гражданского лица.

Разговор на повышенных тонах я слушала с интересом. Во-первых, из него мною были почерпнуты определённые сведения о прошлом этих людей, и на их основании сделаны некоторые выводы. Во-вторых, оба откровенно злились, что было весьма познавательно: ни от первого, ни от второго я подобного шквала эмоций не ожидала. Ну, и, в-третьих, как-то глупо лезть в семейный скандал; не моё дело.

Вмешаться я рискнула только тогда, когда общение перешло в стадию примирения. Уж очень было любопытно, что это за «Путь К Трону» такой. Я слышала о нём лишь краем уха; вроде бы это было какое-то наказание исключительно из среды Неспящих. Меня и тогда подобная таинственность заинтриговала, но повода копать не было: Неспящие на тот момент интересовали меня только в той мере, что позволяла держаться от них подальше.

Встреча с Арьеном была исключением; я поддалась искушению мелькнуть перед носом этой службы только потому, что данный конкретный офицер был в глубокой опале. Даже по случаю выяснила, что Разум у Неспящих — звание пожизненное, и либо он в этом звании выходит в отставку в положенный срок, либо умирает. Ну, или, когда повода для казни нет, а избавиться надо, вот так отстраняется от службы, и со временем такое состояние либо перетекает в помилование, либо повод всё-таки находится.

Меня совсем не обрадовала перспектива идти «на дело» в компании этого человека, а потом, возможно, отправляться в этой же компании в далёкий трудный путь. Но спорить, особенно после его замечаний о защите здания, я не стала. В конце концов, большую часть пути мы проведём в анабиозе, так что вполне переживу. При всех своих недостатках, он умён, обладает большим опытом, думает исключительно головой и будет весьма полезен, особенно — в деле «угона столетия».

На поверхность мы, к моему огромному удовольствию, выбрались гораздо более

традиционным путём, по вполне удобному и относительно чистому лазу с лестницей. Наличие подобного прохода не удивляло: должны же на эту станцию как-то попадать работники, проверяющие и ремонтирующие автоматику, и вряд ли они делают это по трубам коллектора.

К месту встречи со второй половиной нашего «отряда» (от которой я уже вовсе не ждала ничего хорошего) мы двигались цепочкой вдоль стены, быстрым шагом, порой переходящим в выжидательные паузы или лёгкий бег. В серой мгле над головами то и дело что-то взрывалось, шипело, ревело и грохотало. Порой виделись алые отблески, порой нам на головы что-то сыпалось и падало. Один раз мы чудом не попали под удар: бомба рухнула где-то в километре за нашими спинами, нас швырнуло на землю и едва не похоронило под обломками.

К моему удивлению, местом встречи оказался не очередной пункт сбора мусора, а какая-то дешёвая забегаловка. Входная дверь, впрочем, была гостеприимно открыта, хотя изнутри не доносилось ни звука, да и вообще место производило впечатление закрытого и заброшенного. Вывески, которым было положено зазывать публику, были погашены и радовали глаз тусклыми серыми в цвет стен потёртыми поверхностями.

— Эй, глюм? — сделав нам знак оставаться позади, спросил у тёмного проёма Кверр.

— Эй, глюм! — ответил проём уже знакомым мне высоким голосом, в котором, как показалось, прозвучало облегчение. — Заходи, и дверь за собой закрой.

Опять же по знаку Таракана сначала Кварг, за ним я нырнули в тёмное нутро помещения, следом шагнул сам «связной», и дверь с противным скрипом встала на место. В тот же момент небольшое грязное помещение озарилось всё тем же неприятным бело-голубым светом, который освещал и жильё Кверра.

— Слушай, ты кого вообще привёл? — не вставая с места, растерянно поинтересовался самого безобидного вида молодой белобрысый мужчина. Он всем своим обликом здорово напоминал какого-нибудь рассеянного учёного: высокий, худой как щепка, в нескладно сидящем на его костях сером комбинезоне, с вежливо-виноватой улыбкой на открытом почти детском лице и любопытным взглядом тёплых голубых глаз.

— А я предупреждала, нечего этого придурка слушать, — проворчала сидевшая рядом с ним девушка. Она была совсем на него не похожа: невысокая, миниатюрная, с длинными огненно-рыжими волосами, собранными в косу до талии. Зелёные большие глаза смотрели на нас с недоверием и неприязнью, но очень внимательно и пристально. Руки девушка скрестила на груди, и общий вид её был крайне недовольным и по-детски надутым.

— Их же должно быть трое? — поинтересовалась я у окружающего пространства, внимательно оглядываясь.

— А Лапка, наверное, на позиции, — рассмеялся Кверр. — Не нервничайте, всё под контролем, всем в этой комнате можно доверять. Лап, выходи!

Та, кого называли Лапкой, присоединилась к нашей неподвижной скульптурной группе через несколько секунд, вынырнув из какой-то неприметной щели сбоку. Это тоже была миниатюрная рыжая женщина, только пухленькая в отличие от первой; и кажется, она была старше. «Приказ-М»^[31], выглядывавший из-за спины своим характерным серебристым стволом с косыми насечками и дульным тормозом, очень не сочетался с её тёплым домашним обликом.

— Таракан неподражаем, — просияла улыбкой она. — Никогда бы не подумала, что ты знаком с Кваргом; рада тебя видеть, — обратилась она к Неспящему.

Данное заявление удивило всех, пожалуй, кроме самого Кварга.

— Взаимно, — со своей обычной невозмутимостью кивнул он. — Малыш, ты всё-таки действительно поумнел, — тонкие бледные губы сложились в снисходительную усмешку. — Не ожидал от тебя такой прыти и таких знакомств.

— Малыш? — хором переспросили обе женщины, почти испуганно переглянувшись.

— Так, если выяснится, что ты — его жена, я точно пойду и убьюсь об стену! — всплеснула руками младшая.

— Кого из них? — невозмутимо уточнила я.

— Кого-нибудь. А что, это принципиально? Правда что ли жена? — вытаращилась на меня она. Я в ответ неопределённо повела плечами.

— Ладно, заканчивайте балаган, — неожиданно строго проговорил белобрысый. — Давайте действительно спокойно познакомимся и определимся с дальнейшими планами.

Прут, он же Тимул, оказался специалистом в области защитных систем, причём, судя по всему, основной его профессией была их разработка. Лапка, она же Ридья, была великолепным (по отзывам всех мужчин сразу) снайпером, но свернула карьеру по семейным обстоятельствам. А младшая, Птичка, она же Птера, была представлена как толковый и даже почти гениальный техник.

— Слушай, Яра, а у тебя хотя бы имя настоящее? — любопытствовал Тимул.

— Я слышал версию «Ньяра», — вставил реплику Кварг. Он относился ко мне со странной насмешливостью и почему-то постоянно пытался зацепить или спровоцировать. Хотелось бы знать, зачем ему это? Ладно, если бы мне удалось его тогда провести, он вполне мог пытаться таким образом отомстить. Но мстить ему, оказывается, не за что!

— Это не моё имя, это её имя, — хмыкнула я. А смысл прятаться, если скоро мне всё равно придётся снять эту маску! — За основу был взят реальный человек.

— Она хотя бы недолго мучилась? — язвительно уточнила Птичка.

— Она была счастлива сбежать с Брата, отдав мне своё место, — опять же не стала выдумывать я.

— А мне, главное, заливала про предателей, которых никто не любит, — не удержался от комментария Кверр.

— Это другая ситуация. По-моему, желание довольно умной женщины, которую используют в качестве постельной игрушки, сбежать от этой участи и заниматься тем, что ей действительно нравится и получается несравнимо лучше, сложно назвать предательством. Она всё-таки не госслужащий, и никому на верность не присягала, — пожала плечами я. За что к собственному удивлению удостоилась заинтересованного взгляда от Птеры.

На говорильню ушло добрых полчаса. После представления перешли к планам и тактической части. Идею с полётом на Землю эта троица восприняла с нездоровым (даже на мой взгляд!) энтузиазмом, причём сильнее всего радовалась младшая.

План Кварга существенных изменений не претерпел, разве что решили использовать на малой мощности маскировочный полог. Нам ведь не надо было полностью скрыть людей, а просто привести в порядок внешний вид: безликие серые одежды жителей нижних районов мало подходили для визита во дворец. Оба компьютерщика клялись, что охранные системы на такой мизер не отреагируют.

Проверив оружие, снаряжение и определив порядок движения, мы пошли на дело.

Всё оказалось даже проще, чем я предполагал. Сложнее было добраться до дворца и не попасть под шальной осколок по дороге, но нам везло. Младший умудрялся находить какие-то странные тесные закоулки, местами даже тоннели под домами, и интуитивно выбирать безопасную дорогу.

Во дворце, закрытом автономными силовыми полями, было тихо, гулко, пусто и тревожно. Куда разбрелась вся охрана, я так и не понял, но по дороге к внутренним контурам защиты нам попались только две смутно знакомые бледные и напуганные девушки, которые при виде нашей компании с испуганным писком шарахнулись куда-то в боковой проход.

Вот потом уже пришлось поработать. Во-первых, во внутреннем контуре действовали гораздо более серьёзные охранные системы, и тут себя очень достойно показал этот нескладный молодой человек, Прут. Во-вторых, здесь охрана присутствовала на положенных местах, и пришлось выступить мне, младшему и «сестрёнке». К счастью, что один, что другая, действовали точно, быстро и слушались беспрекословно, и из нас даже без тренировок получилась неплохая боевая группа. Впрочем, эти двое и без моих приказов обошлись бы: чувствовалась хорошая выучка.

В итоге прошли мы как сгусток плазмы через стекло — быстро, тихо и с огоньком.

«Вольная птица» в полупустом ангаре выделялась на фоне остальных аппаратов как кадровый офицер выделяется в строю новобранцев. Я никогда прежде её не видел, но сейчас она понравилась мне с первого взгляда. У младшего губа не дура!

На вскрытие и перенастройку систем корабля у Малыша и его друга ушло не больше пары минут; я так понял, что именно этот друг эти самые системы и придумал.

Яра двинулась через корабль уникальной планировки так, будто знала его назубок. Или так, как Кверр шёл через город: на высшем чутье, по указанной духами дороге. Мне самому когда-то доводилось испытывать подобное, но наблюдать со стороны — пожалуй, впервые. Это было красиво, но почему-то грустно. Может, я просто завидовал?

Рубка имела полукруглую форму. Вдоль стены располагалось множество информационных экранов и ряд из четырёх кресел: навигатор, пилот, второй пилот, стрелок. Вдоль плоской стены притулилось ещё несколько сидений (вероятно, пассажирских), а посередине на некотором возвышении стояло капитанское кресло, из которого можно было наблюдать сразу за всеми экранами.

Яра с разгона плюхнулась в кресло пилота, тонкие пальцы замелькали над сенсорами и пультами, пробуждая корабль. Младший занял место второго пилота, остальные расселись где придётся; мне попался пульт стрелка.

Особого смысла в кого-то стрелять я не видел. В конце концов, это просто яхта, а на орбите нас встретит боевой флот, толку-то с наших двух турелей. Но машинально начал обживать временно предоставленное судьбой место. Вывел всю нужную информацию, раскидал в порядке значимости по центру и периферии рабочего места, подготовил прицелы.

Механическая работа не мешала мыслям. А мысли как назло были сплошь невесёлые, хотя и довольно простые. Я чувствовал себя... старым. Безнадёжно, невообразимо, безвозвратно старым и совершенно бесполезным хрычком, которого всё ещё уважают, но скорее по привычке, чем за фактическую значимость.

Не нужна была Кверру моя помощь, они бы и так прошли. Ему было нужно моё прощение.

Сейчас я был уверен, что эти ребята доберутся до Земли. Вот только теперь я сомневался, что мне там найдётся место. В этом пути, среди этих увлечённых своей идеей людей, на этой духами проклятой Земле. Наверное, было бы лучше, если бы один из снарядов упал мне на голову до того, как Малыш решил выйти на связь. Логичнее, что ли?

В общем, меня грызло ощущение собственной ненужности и бессмысленности. Учитывая, что подобное пессимистичное трагическое самоедство никогда не было мне свойственно, я решил копнуть глубже. Понять психологию и подоплёку собственных поступков порой бывает куда важнее, чем поступки других. Вернее, без понимания первого сложно добиться понимания второго.

Решение загадки оказалось простым и лежало на поверхности.

Я терял ориентиры. Вообще все, какие были. Наверное, потому, что никогда не был мечтателем, не верил в чудеса, не верил в человеческое благородство, верность, преданность и другие столь же старинные, сколь расплывчатые понятия. Сейчас мой привычный устоявшийся мир, в котором я ориентировался лучше подавляющего большинства, остался где-то там, в прошлом. А вокруг было нечто новое и непривычное.

Странно было ожидать от Дочери такой огромной и искренней веры в чудо. Странно было видеть тёплую ласковую улыбку на лице Ридьи Крайм (или как там сейчас звучит её фамилия?). Странно было видеть младшего таким спокойным и собранным. Странно было наблюдать юную и удивительно искреннюю Птеру; я очень давно не сталкивался с подобными людьми, так что успел отвыкнуть.

Вот и не верь потом в рассказы об извращённой психике Неспящих. Наблюдать гибель родного мира изнутри было легко и приятно, а вот неожиданно покинуть его и увидеть всё это со стороны — уже дико, странно и непривычно.

Впрочем, мысль о верном лекарстве от хандры и самоуничтожения тоже пришла быстро. Близкая к летальной доза этилового спирта, принятого перорально, — и станет ни до чего. Это меня один из первых командиров научил, да будут к нему духи благосклонны. И практика показывала: ничего более надёжного и радикального, чем древнее примитивное средство, человечество ещё не придумало. Это также просто и эффективно, как удар дубиной по голове.

Тот же, кстати, командир внедрил в моё тогда ещё юное неокрепшее сознание и другую ценную логичную мысль. Разведчик в свободное от службы время вполне может выпить и расслабиться, но делать это он должен в одиночестве: во избежание неприятностей.

Корабль был хорош. Даже не так; он был идеален. Послушный, стремительный, вёрткий; он принял меня мгновенно и безоговорочно, как будто только меня ему для полного счастья и не хватало. И сейчас я не просто верила, я знала: у нас всё получится.

Правда, стоило выбраться из-под защитного купола, и эйфория вместе с ощущением беспечного всемогущества отошла на второй план. Небо Брата горело. Оно кишело разнокалиберными кораблями, — не только атакующими, но и защищающимися. Наверное, во всём этом была какая-то система и логика, но на взгляд стороннего наблюдателя, которым сейчас являлась я, здесь был лишь хаос, и каждый сражался против каждого. По спине пробежал мерзкий холодок от липкого навязчивого ощущения обречённости, возникшего при виде этой картины.

Остро захотелось поскорее оказаться как можно дальше. Лучше безразличная и безжизненная пустота космоса, чем это огненное безумие, пусть даже она будет последним, что я увижу в жизни.

Те двадцать три минуты, что мы выбирались с поверхности планеты до относительно безопасного пространства, стоили мне, пожалуй, нескольких лет жизни. А кораблю — нескольких не прямых попаданий, одно из которых едва не угробило один из двигателей. На обзорных экранах была такая круговерть при изрядной болтанке внутри, которую не было способно погасить даже совершенное оборудование яхты, что даже меня под конец начало укачивать.

Тимула, занявшего место навигатора слева от меня, и Кверра, сидевшего в кресле второго пилота справа, я порой ещё видела периферийным зрением: мужчины, похоже, были заняты исключительно фиксацией себя в пространстве, и органы управления старательно не трогали. Что происходит с остальными, я не знала, но надеялась, что они это переживут.

Единственный, кто кроме меня участвовал в полёте, это, как ни странно, был Кварг. Неспящий, — или, скорее, уже бывший Неспящий, — демонстрируя чудеса реакции, управлялся с обеими оружейными установками, прикрывая наш отход. Даже умудрился сбить какой-то погнавшийся за нами истребитель.

Вытащив корабль из-под огня, я на всякий случай сразу увела его в короткий прыжок к ближайшей практически пустой звёздной системе. Там вокруг красного карлика крутилось три небольших планетки, на которых имелись только автоматизированные добывающие комплексы с минимумом персонала.

— Всё. Можно расслабиться, — я в кресле повернулась лицом к центру рубки, с интересом наконец-то вглядываясь в лица остальных при нормальном освещении.

Ридья, откинувшись на спинку кресла, что-то тихонько бормотала себе под нос сквозь зубы, зажмурившись. Её муж был бледно-зелёным и смотрел на меня дикими глазами, обеими руками вцепившись в кресло. Оба братца были спокойны и сосредоточены, хотя Кверр казался бледноватым. Зато глаза Птички сияли восторгом.

— Это было круто! — первой высказалась она.

— Пожалуй, — хмыкнул рядом Кверр. — Хорошо, что я перед этим не поел.

— Мы что, вот прямо в сторону Земли уже стартовали? — несколько придушенно выдавил Тимул, с третьей попытки поднимаясь на ноги.

— Пока нет, — хмыкнула я. — Мы крадёмся в тихое спокойное место, где можно

подлатать пробоины.

— И сильно нас потрепали? — озадаченно уточнил Таракан. — Я в этой круговерти вообще ничего не смог разглядеть и понять.

— Не очень. Вроде правый двигатель задело, да защитное поле надо глянуть, — ответила Птера. — Поможешь? — обратилась она ко мне.

— Да, конечно, — с облегчением согласилась я.

Я не то чтобы вообще в этом не понимаю, но специалист довольно посредственный. Подозревала, что ковыряться в двигателе придётся самой; но раз эта девочка без всяких приборов определила, куда нам попали, надо думать, с техникой она на «ты».

— Лап, очнись, страшное позади, — добравшийся до жены Тимул потрепал её по макушке. Женщина, шумно вздохнув, не открывая глаз, обхватила мужчину за пояс, уткнувшись лицом ему в живот.

— Да лучше бы я там осталась! — глухо простонала она. — А я всегда наивно полагала, что у меня хороший вестибулярный аппарат... Рулевые тяги из этих людей надо делать! И головки кумулятивных плазменных снарядов! Как можно в такой безумии ориентироваться?

— Надеюсь, такое больше не повторится, — улыбнулась я.

— Все мы на это надеемся, — иронично фыркнул Кверр. — Ладно, сколько нам до этой стоянки лететь?

— Часа два, не больше, — уверенно сообщила я.

— Вот и отлично. Предлагаю рассредоточиться, найти себе по каюте, освоиться, успокоиться, прийти в себя и где-нибудь чрез час собраться в кают-компанию. Здесь она, кажется, есть.

Предложение было принято единогласно.

Кают оказалось девять; четыре пассажирских и пять — для членов экипажа. Кверр гордо занял капитанскую, хотя потом кусал локти и просил об обмене, когда увидел каюты пассажирские. Но мы дружно решили, что он сам дурак, и надо было думать, для кого этот корабль проектировался. Поэтому спокойно разделили четыре каюты между собой, выделив супругам самые просторные покои, видимо, предназначавшиеся лично для Владыки.

Сбросив вонючий комбинезон прямо возле двери, я решительно направилась в ванную комнату. Осматриваться буду потом. Прежде чем вливаться в новую реальность и искать в ней своё место, надо сначала стащить с себя чужую шкуру.

В нормальных условиях вся эта высокотехнологичная ужасно сложная материя снималась опытными скульпторами тела в лабораторных условиях. Но мне почему-то редко везло на «нормальные условия», поэтому предстоящая операция не вызывала у меня тревоги, только брезгливость.

Маска оказалась качественной, даже очень. Провозилась я с ней часа полтора, не меньше, но в итоге всё-таки одержала победу за свой натуральный облик, и даже рассмеялась от облегчения, разглядывая в зеркале лицо, от которого успела отвыкнуть.

Во всех заданиях мне всегда больше всего нравился именно этот момент: возможность стащить с себя чужое лицо и хоть ненадолго стать собой, почувствовать себя живой и свободной. То же самое, наверное, чувствует бабочка, вылезая из своего кокона.

Ждать, пока автоматика почистит одежду, не хотелось, но влезать в её пропахшее потом и помоями нутро не хотелось ещё больше. Я на удачу открыла шкаф в поисках какого-нибудь халата, и обомлела: полки были забиты одеждой, как будто это не яхта для прогулок, а дорожный магазин.

Растерянно хмыкнув при виде всей этой неопределимой пестроты, я из любопытства потянула на себя тряпочку красивого ярко-голубого цвета, оказавшуюся при ближайшем рассмотрении лёгким летним платьем. Представив, как я в этом по уши в смазке ковыряюсь в полуразобранном двигателе, снова хмыкнула и, закинув случайную находку обратно, закопалась обратно в шкаф уже более целеустремлённо. Мне нужен был простой комбинезон, лучше всего — идентичный тому, что я одолжила у Кверра.

Мужская одежда тут, к слову, присутствовала в не меньшем ассортименте, чем женская, и я не уставала задаваться вопросом, зачем кому-то понадобилось хранить тут столько одежды.

Через некоторое время я таки добыла в дальнем углу подходящий комбинезон. Он, правда, был не серый, а чёрный, но по сравнению с голубеньким платьицем — идеальный вариант.

Поскольку скрываться тут было не от кого, я утянула комбинезон до приемлемого вида (не люблю, когда что-то болтается и цепляется за окружающие предметы, поэтому предпочитаю облегающие вещи), насмешливо потрепала свой слегка отросший и под маской закучерявившийся белоснежный ёжик волос, и бодро двинулась в сторону точки сбора. И так уже задержалась; скоро мы финишируем, и мне хорошо бы в этот момент занимать своё рабочее место.

Впрочем, как оказалось, не одна я не торопилась прибыть к назначенному часу. Наш и без того небольшой экипаж присутствовал в кают-компании (очень уютной гостиной в зелёно-золотых тонах с мягкими диванами вокруг журнального столика, обеденным гарнитуром, несколькими тяжёлыми вычурными шкафами) в усечённом составе: Птичка, Прут и Таракан.

Нет, всё-таки, что за дурацкая идея — обзывать людей странными кличками?

— Глюмова пасть, а это кто?! — удивлённо воскликнула Птера, первая заметившая меня на пороге.

— Ну, вот теперь можно действительно познакомиться, — проговорила я уже своим собственным голосом, только чуть более сиплым, чем он бывает в норме. Самая неприятная часть избавления от маски — это отхаркивание чужого голоса. Ну, то есть, голосового модулятора, изменявшего форму голосовых связок. Ощущения омерзительные, потом горло полдня дерёт. — Я же предупреждала, что это не моё лицо было, — я с некоторой долей растерянности пожала плечами: уж больно ошарашенными выглядели присутствующие.

— Яра? — осторожно попробовал угадать Кверр. Как будто у него было много вариантов! Я только с усмешкой кивнула. — Вот же дорога духов!

— Круто, — оценила Птичка, с любопытством меня разглядывая. — Ты симпатичней, чем та была, — неопредёленно тряхнула она головой.

— Спасибо, — слегка кивнула я, улыбаясь. Не столько потому, что было забавно наблюдать вытянутые от удивления лица спутников, сколько от общей эйфории: как здорово снова быть собой! Теперь, надеюсь уже, навсегда.

— Нет, я, конечно, слышал, что это примерно так делается, и Кварг что-то такое упоминал, и даже, кажется, в подобной шкуре бывал, но... это действительно потрясающе! — покачал головой Таракан. — Как будто впрямь другой человек: походка, осанка, сложение...

— Это ещё что, — ухмыльнулась я. — Твоему брату повезло больше: он крупный, его в женщину переодеть не получилось бы. Знал бы ты, как «прекрасно» жить полтора года в

шкуре мелкого и шуплого престарелого ловеласа!

— Эти технологии и такое могут? — удивлённо вскинул брови Тимул. — В том смысле, что... совсем ловеласа, в полном смысле?

— А кто бы мне поверил, если бы не в полном, — поморщилась я. — Ладно, закрыли тему, это не то воспоминание, которое можно назвать приятным. Хотя и забавно, да. Я с тех пор начала философски и с сочувствием относиться к мужчинам, — я рассмеялась. — А где остальные? Ну, про Ридью я догадываюсь, она могла прикорнуть, но почему твой родственник от нас прячется?

— Кхм, — несколько смущённо выдал Кверр. Отмытый и переодетый, в тёмных свободных брюках и такой же рубашке, он как будто помолодел, даром что седина из волос никуда не делась. Да и я себя, честно говоря, сейчас чувствовала лет на десять моложе; то ли из-за привычной эйфории возвращения в родную шкуру, то ли от облегчения, что наш побег удался. По крайней мере, первая его часть. — Я пытался его позвать, но он меня сквозь дверь послал далёким и не очень приятным маршрутом. Мне кажется, он весьма не рад, что связался с нами, и пытается это пережить, — улыбнулся он.

— Да мы тоже не слишком рады, — проворчала Птера. — Если перед Ярой я хоть сейчас готова извиниться за первую реакцию, то этот ваш Кварг — та ещё мерзость, и мы с ним огребём проблем.

— Ты к нему несправедлива, — неожиданно вступился за обсуждаемого Тимул. — Арьен не так уж плох, это просто влияние ближайшего окружения.

— Какого ещё окружения? — возмутилась Птичка. — По-моему, он просто моральный урод. Вон, насколько я понимаю, у них с Ярой одинаковая работа была, но она явно адекватнее, это невооружённым взглядом видно!

— Не скажи, — возразила уже я. — Он уже лет двадцать как не полевой агент, а старший офицер, а я — простая шестёрка. Ладно, не простая, козырная, но всё равно разменная монета. Он же — фигура, и чтобы не свернуть шею, свалившись с такой высоты, обычно приходится приспособливаться.

— А вот ты его сейчас перехвалишь, — хмыкнул опомнившийся Кверр, наливая в один из чистых бокалов вина из початой бутылки, стоявшей тут же. — На, держи, мы тут решили немного отметить; отличное вино, сто лет такого не пробовал. Так вот, что касается старшего, правда где-то посередине. То есть, он в глубине души не такая уж сволочь, но белым и пушистым даже в детстве не был. У него есть своё представление «как надо правильно», и к этому «правильно» он и стремится. Учтывая, что лет так с двенадцати он стремился стать идеальным Неспящим, результат додумайте сами.

— Ладно, вы тут отдыхайте дальше, а я пойду проконтролирую выход из прыжка, — отхлебнув из бокала, я махнула рукой и встала. Вино действительно оказалось очень приятным, и мягкой целительной волной скользнуло по моему саднящему горлу. Замешкавшись на секунду, я всё-таки решила прихватить бокал с собой.

— Да что уж там, пойдём вместе, — улыбнулся Тимул. — Во-первых, особой разницы, здесь или там сидеть, я не вижу. А, во-вторых, нам, как чует моё сердце, не светит просто лечь в анабиозные камеры и ждать прибытия в тёплые руки дружелюбно встречающей нас колыбели разума, поэтому лучше всё-таки познакомиться поближе. А из здесь присутствующих я не знаю только тебя.

— Ишь, как загнул, — качнула головой, насмешливо улыбаясь, Птера. — Так и скажи — вязываться в грядущие неприятности лучше сплочённой компанией. Так что ты от нас не

отвяжешься, пойдём сплочаться дальше. Или сплачиваться? В общем, знакомиться, — решила она, вперёд всех выскакивая из кают-компания. — Кстати, а как тебя зовут на самом деле? — поинтересовалась она, усаживаясь рядом со мной в кресло второго пилота.

— Яроника. Яроника Верг, — представилась я, проверяя показатели приборов. До выхода оставалось минут десять, так что пока можно было расслабиться.

— Серьёзно?! — прозвучал сзади удивлённый возглас Тимула. — Тогда ты очень скромничаешь, называя себя шестёркой!

— Да ну тебя, — фыркнула я. — Ну, пусть я не рядовой оперативник, а даже самый лучший. Я, конечно, польщена, что ты меня знаешь; хотя мне и интересно, откуда. Но любая информация обо мне никак не противоречит базовому утверждению. Ладно, пусть я уникальная и невероятно крутая, но всё равно шестёрка: я ничего не решаю, — я насмешливо покосилась на чуть искажённое отражение Прута в одном из временно погашенных экранов и сосредоточилась на технике.

«Верное средство» на корабле нашлось. Более того, за ним даже не надо было выходить из каюты, что меня полностью устраивало. Выбрав в мини-баре ёмкость побольше и попроще, я, как и заповедовал мудрый Ивар Бьерен, закрыл все двери, расположился в кресле и принялся вдумчиво и методично надираться.

Я не ставил себе целью «утопить проблему» или отрешиться от реальности; смысл всего мероприятия был несколько проще. Мне надо было отключить сознание. Причём как-нибудь радикально, грубо, в стрессовом режиме. Не знаю, насколько это универсальное средство, но мне всегда помогало; как перезагрузка засбоившей программе.

Помимо алкоголя я знал всего один способ добиться нужного результата: хорошая драка, в которой ты оказываешься проигравшей стороной. Но этот второй вариант имел ряд существенных недостатков. Во-первых, и это главное, потом приходится значительно дольше восстанавливать собственную работоспособность. А, во-вторых, надо же ещё найти оппонента; не об стену же головой биться, в самом деле. В принципе, для этого мог сгодиться младший, особенно если вдвоём с «сестричкой», но я здорово сомневался, что он согласится отделать меня до нужной кондиции. Более того, боюсь, после предложения набить мне морду до состояния полного нестояния, он решит, что я псих.

А, может, и правда псих. Насколько я знаю, остальные люди (подавляющее большинство, во всяком случае) в подобной ситуации принимают совсем иные меры. Горячая ванна там, разговор с психологом...

В общем, хорошо, что в мире существует алкоголь.

За собственное поведение в состоянии опьянения я не волновался. Меня никогда не тянуло под воздействием спиртного на подвиги. Более того, наоборот, хотелось забиться в дальний угол, и чтобы меня вообще никто не трогал и не беспокоил. Наверное, это тоже показательно, и тоже говорит о каких-то проблемах; но меня такое положение вещей полностью устраивало. А что, вполне гармонично: в любом состоянии я хочу одного.

Самой неприятной, но самой терапевтически значимой частью всего мероприятия было похмелье. При настолько паскудном самочувствии на душевные метания сил не остаётся совсем, очнуться бы.

Проснувшись через совершенно неопределённое время в том же кресле, в котором и отключился, я попытался проанализировать своё состояние. Голова была пустая, тяжёлая и больная, во рту было сухо и противно, по телу разливалась тошнотворная слабость, подкатывающая комом под горло.

Отлично. Теперь стадия реабилитации, и, глядишь, жизнь покажется не такой уж плохой штукой.

Способ приведения себя в порядок тоже был давно отработан. Для начала я долго, очень долго стоял под ледяной водой и её же жадно пил, потом ещё несколько минут потратил на контрастный душ. Потом обратился за помощью к аптечке, избавившей меня от головной боли, и ещё полчаса потратил на интенсивную разминку, выгоняя из мышц слабость. Потом снова душ, чтобы смыть с себя пот. И — пожалуйста! — я снова живой мыслящий человек. Морда, правда, слегка опухшая, внимание рассеянное, реакция заторможенная. Ещё мысли были вялые, но, по крайней мере, более здравые, чем вечером.

Натянув чистые штаны и рубашку, обув мягкие лёгкие ботинки, забросив грязную форму

в очистительную систему (надеюсь, я ничего не перепутал, и это всё-таки не утилизатор), я замер посреди совмещённой с кабинетом гостиной (каждая пассажирская каюта содержала две просторных комнаты плюс санитарный блок), оглядываясь. Что-то я ещё... А, да!

Запустив с пульта фильтрацию воздуха, я вновь осмотрелся, но уже удовлетворённо. Ещё бы рюкзак разобрать, но это можно будет сделать потом; не так много в нём вещей. Пока мне интересней было выйти на разведку и внимательно осмотреть корабль.

Вчерашнее уныние, как я и рассчитывал, растворилось в алкогольных парах. Настоящее больше не казалось тоскливо-печальным; в конце концов, я жив, неплохо себя чувствую, нахожусь в весьма комфортных условиях и никто не пытается меня убить, и всё это — уже повод для радости.

Да и будущее не виделось в мрачно-безнадёжных тонах; летим мы к несуществующей планете, и что? Можно воспринимать это как свободный поиск, и всё сразу становится просто и понятно. Во-первых, вдруг она правда существует? А, во-вторых, мы вполне можем вернуться на какую-нибудь из Свободных. Если, опять же, выживем. А если не выживем, то какая разница?

Судя по освещению в коридорах, на корабле по местному времени была ночь. Мой детский сад, судя по всему, преспокойно спал по комнатам, потому что ни в одном из мест общественного пользования никого из них я не обнаружил.

Упомянутых мест оказалось не так много. Уютная элегантная кают-компания, камбуз-столовая, рубка, медблок и, к моей огромной радости, небольшой прекрасно оборудованный спортивный зал. Взяв последнее место на заметку, я покинул пассажирский отсек яхты и углубился в хвостовую часть со всяческими техническими помещениями. Там нашлось ещё несколько кают, гораздо более скромных, чем остальные; наверное, для прислуги и менее ценных членов экипажа. И, кроме того, довольно вместительный трюм, забитый к моему удовольствию разнообразными продуктами, ангар со спасательными капсулами, несколько технических помещений разного назначения (включая доступ к обеим оружейным турелям).

В одном из них, кстати, неожиданно для меня обнаружилась жизнь. Да ещё какая!

Судя по всему, это был третий и последний из двигательных отсеков. Узкое длинное помещение, вытянутое в обе стороны от двери и загибающееся чуть назад, за пределы видимости, большей частью занимал собственно сам двигатель. Сюда помещалась в лучшем случае одна восьмая часть огромной махины, но, с точки зрения конструкторов и механиков, этого было достаточно. Именно отсюда осуществлялся доступ к контрольным системам, и, кроме того, отсюда можно было добраться до большинства уязвимых и ремонтпригодных частей одного двигателя. Точнее, так это бывало на всех кораблях, виденных мной ранее, и у меня не было повода заподозрить конструкторов данной яхты в слишком уж альтернативном подходе.

Но, о жизни. Прямо передо мной, стоило открыть дверь, предстало крайне увлекательное зрелище. А именно — весьма аппетитная женская попка, соблазнительно обтянутая плотным эластиком чёрного комбинезона. К упомянутой части тела прилагалась пара красивых стройных ножек, на носочке одной из которых их хозяйка ловко балансировала, а второй, чуть отставленной назад, помогала себе сохранить равновесие. Вся остальная часть тела терялась где-то в недрах двигательного агрегата. Я прислонился плечом к дверному проёму и, периодически склоняя голову к плечу для изменения угла обзора, начал наслаждаться неожиданным развлечением.

— Пи, проверь семнадцатый поток, всё ещё коротит на четвёрку? — прозвучал из недр

агрегата голос таинственной женщины в чёрном. Что характерно, голос был совершенно незнакомый, но на мой вкус крайне приятный; довольно низкий, бархатистый, грудной, очень чувственный.

— Сейчас, — точно так же приглушённо донеслось откуда-то слева, из-за поворота. Голос был тоже женский, и, кажется, принадлежал той рыжей девочке; как её, Птичка, что ли? Потом послышалась возня, какой-то шорох, звук удара металла по металлу, приглушённые проклятья, скрежет и, наконец, тихий противный писк контрольной системы. — Да, коротит.

— Тьфу, духи поберите, — процедила себе под нос обладательница аппетитной попки. — Отключи восьмую линию, или перебрось куда-нибудь на резерв, а то меня тут поджарит. Я поглубже влезу; там, кажется, какие-то осколки валяются, гляну поближе, — обратилась она опять к своей собеседнице.

Слева в ответ послышался громкий треск, проклятья, снова треск, часть осветительных приборов мигнула и погасла, по двигательной установке прокатился звук, похожий на стон.

— Я только восьмую просила, — проворчало моё развлечение. — Ты там живая?

— Да живая, живая, — отозвалась в ответ «Пи». — Ладно, вылезай оттуда, это была плохая идея — обойтись без разбора обшивки. У меня тоже не получается подлезть, так что я всё отключила, сейчас кран запущу.

Незнакомка активно заёрзала, сдавая назад. Выглядело это весьма волнующе, я с трудом удержался от того, чтобы протянуть руку и всё-таки пощупать объект наблюдения. Но не замечавшая меня женщина, можно сказать, не оставила мне выбора: слишком сильно подалась назад, и в условиях ограниченного пространства налетела на меня всем телом. Я совершенно машинально прихватил её за талию, удерживая от возможного падения.

Дальнейшие события уложились в какую-то секунду, не более того. Рефлексы у неё оказались очень хорошие, но совсем не женские, и я за своё любопытство поплатился, получив неожиданный и очень сильный удар локтем в живот.

Правда, к счастью, за время неторопливой прогулки по кораблю из головы окончательно выветрился хмель, поэтому мои рефлексы тоже сработали отлично.

И через упомянутую секунду женщина оказалась плотно вжата лицом в стену со скрученными за спину в болевом захвате руками.

— Ну, может, теперь познакомимся? — насмешливо предложил я. Хотя предположение о личности незнакомки у меня, — из соображений логики и здравого смысла, — появилось с самого начала.

— Да знакомы уже, — проворчала она. — Пусти, мне ещё этими руками в двигателе дальше ковыряться. Я Яра. Говорила же, маска!

— Я так и подумал, — хмыкнул я, выпуская женщину из захвата. Правда не удержался и всё-таки воспользовался возможностью якобы случайно потрогать то, за чем пару минут наблюдал.

— Слушай, а ты в двигателях понимаешь? — поинтересовалась она, массируя свои плечи.

В своём истинном облике она была гораздо... интересней своей маски. Нельзя сказать, что она была красивее; уж точно не с точки зрения канонов красоты обеих планет. Смуглая кожа, на фоне которой контрастно выделялись белые ресницы, брови и короткие волосы; внешность, для уроженцев Сестры довольно типичная, но для того, кому примелькались обитатели Брата, весьма экзотичная. Пожалуй, безоговорочно красивыми в ней были только

глаза: ярко-голубые, даже скорее бирюзовые, широко открытые и с каким-то почти детским выражением доверчивого любопытства. Даже обидно, что остальное этому образу не соответствовало. Как будто природа начала планировать её лицо именно с глаз, а потом пыталась компенсировать их эффект. Результатом стал острый подбородок, тонкий нос с лёгкой горбинкой, чуть нахмуренные брови, высокие резкие скулы и тонкие бледные губы. Каждая черта в отдельности могла бы казаться отталкивающей, но в целом они собирались в необычную картину, вызывающую желание внимательно и долго рассматривать её. Кроме того, Яра обладала живой мимикой, что усугубляло данный эффект.

Что касается фигуры, у оригинала шпионки она была более изящная, гибкая и спортивно-подтянутая.

В общем, по результату осмотра я сделал вывод, что приди она ко мне тогда в своём натуральном виде, и так быстро я бы её не отпустил. Красивых как Няра женщин довольно много, особенно с учётом достижений пластической хирургии, и они, честно говоря, быстро приедаются. А вот необычных как Яра гораздо меньше, и лично мне они всегда нравились больше.

— Немного, — я усмехнулся. Сложно было не понять, к чему она клонит.

— Точнее, главное даже не двигатель, тут мы с Пи разберёмся. Нам бы ещё пару рук, чтобы с краном управляться да переключателями щёлкать, — оживилась женщина, явно намереваясь привлечь меня к участию в ремонте.

— Показывай, — не стал спорить я, и Яра, издав странный ликующий писк, почти бегом ломанулась в ту сторону, откуда доносился голос Птеры.

— Пи, я нам ещё руки нашла! — на ходу сообщила она.

— Я уже поняла, — недовольно проворчала Птичка. — Я только не поняла, почему это должны быть именно эти руки? Ты только стрелять и убивать умеешь, или ещё на что полезное способен? — с неприязнью покосившись на меня, уточнила она.

Если «сестричка» погрузалась в двигатель верхней половиной организма, то рыжая этой самой половиной из него торчала. Точнее, сидела на краю люка с пультом управления в руках. Белая маечка, обтягивающая ладную фигурку, была художественно заляпана чем-то чёрно-бурым, чёлка воинственно топорщилась, а растрёпанная коса то и дело сползала по ссутуленной спине вперёд. Я неожиданно понял, что рыжая язва значительно старше, чем кажется на первый взгляд; если лицо у неё было почти детское, то фигура принадлежала уже совершенно взрослой привлекательной женщине. Интересно, сколько ей лет?

— Я вообще много чего умею. Руками в том числе, — прозвучало гораздо ехидней, чем планировалось изначально, ну да ладно. Птера недовольно наморщила курносый нос, но пульт мне сунула и молча сползла вниз, исчезнув в люке целиком.

— Вот сейчас и покажешь, что ты там руками умеешь, — безмятежно улыбнувшись, Яра хитро сверкнула на меня своими бирюзовыми глазами. — Вон, видишь, кресло? Садись туда, это как раз пульт управления краном. Надеваешь...

— Разберусь, — отмахнулся я, втискиваясь на узкое жёсткое сиденье, пристраивая на колене небольшой тускло светящийся планшет пульта управления контрольной системой, нацепляя очки оператора и запуская ладони в сенсоры управления краном, представляющие собой два сгустка гелеобразной субстанции, реагирующей на движения пальцев.

Управиться с краном, — двумя пучками независимых друг от друга гибких щупалец, — действительно оказалось несложно. Сложнее было ориентироваться в командах Яры, называвших детали их исконными именами. Но когда мы сообща пришли к другой

терминологии, вроде «вон той гнутой фигни» и «вот этой приبلуды», стало гораздо легче жить, и дело пошло веселее.

— Вот вы где! — вдруг разнёсся по двигательному отсеку голос младшего. — Яра, у нас катастрофа: Кварг, по-моему, сбежал.

— Куда сбежал? — рассеянно уточнила практически не слушающая его женщина. Через окуляры крана я видел, что она сидит на какой-то балке, пристроив на коленях кособокую сферу регулятора потоков, и что-то в его недрах ковыряет. — И откуда вообще такая информация? — не отрываясь от своего занятия, продолжила она.

— Так ведь его нет нигде!

Младший... он иногда такой младший!

— Вер, ты бредишь, — вздохнув, Яра подняла на него взгляд. Дальше я наблюдать не мог, потому что Птера попросила приподнять какой-то громоздкий блок; но зато мог слушать. — Во-первых, он что, пешком ушёл в открытый космос? Я сильно сомневаюсь, что мы успели настолько его довести, — хмыкнула она. — Я вообще сомневаюсь, что его можно до такого довести. Во-вторых, вы точно везде смотрели? — с иронией продолжила женщина, выделив голосом это «везде». — А, в-третьих, корабельные системы могут определить с точностью до миллиметра положение всех людей на борту. Вы у них спросить не могли?

— Могли, — недовольно согласился он. — Просто кое-кто отключил питание от нескольких систем внутреннего контроля. Мы, конечно, хорошие электронщики, но без питания жизни нет.

— Мы не отрубали питание, — ошарашенно проговорила она. — Пи, ты слышала?

— Слышала, — недовольно проворчала почти рядом со мной Птичка из недр двигателя. — Я тогда даже знаю, какой у нас блок сгорел! Докопаться бы теперь до него... Кар, гони сюда второй манипулятор, эта фигня чуть ли не на другой стороне сопла. Не хочу компенсаторы снимать, так что будешь держать отводные каналы. И меня заодно, — обречённо добавила она. — Ярь, а ты тоже бросай там всё, будешь ассистировать!

До фамильярного «Кара» они сократили меня практически в самом начале совместной работы. Точнее, не они; Яра, а Птера просто подхватила. Если у друзей младшего какая-то странная склонность придумывать всем клички, то у этой девочки обнаружилась страсть всех сокращать. Звучало довольно непривычно, но я не стал заострять внимание. В конце концов, если им так удобнее, какая разница?

— А как же Кварг?

— Оставь ты его в покое, лучше займись чем-нибудь полезным, — отмахнулась Яра и двинулась в нашу сторону.

— Легко сказать — полезным, — хмыкнул младший, судя по голосу, двигаясь за женщиной в мою сторону. — Может, вам тут помочь чем-нибудь надо? Опа! — вдруг изрёк он, видимо, заметив меня. Я не стал отвлекаться подробное рассмотрение младшего, сосредоточенный на почти ювелирной работе по прокладке норы для Птеры. — Ну и за какими духами ты мне уши чесала? — возмутился он. — Сложно было сразу сказать, что он у вас?

— Сложно было сразу понять, что при наличии всех шлюпок в ангаре предполагать исчезновение человека с корабля — полный бред? — проворчала в ответ Яра.

— Всякое бывает, — проворчал недовольный младший. — У нас, может, паника уже началась!

У меня возникло очень странное ощущение, если точнее — чувство дежа-вю. Как сейчас

помню; мне семнадцать, я ковыряюсь во внутренностях первого в моей жизни гравилёта, — старенького, ободранного, но зато своего и купленного на собственные деньги! — и пытаюсь двумя руками удержать сразу восемь деталей, четыре из которых надо при этом установить в один из узлов агрегата. В сервисе такие вещи выполняются специалистами, у которых имеются несложные приспособления, существенно упрощающие операцию; но на такое стипендии точно не хватало.

И вот руки у меня заняты, а вокруг бегают семилетний мелкий, тыкает во всё пальцами, сыплет вопросами из разряда «а это что?» и «а это зачем?» и пытается что-нибудь отковырять. И мне натурально хочется его убить, но руки заняты, и даже послать не получается, потому что зубы тоже заняты в качестве вспомогательной руки...

Впрочем, я быстро сообразил, что сейчас-то рот у меня не занят, и я могу по крайней мере высказать бубнящему младшему всё, что о нём в данный момент думаю, и что с ним сделаю, когда освобожусь, если он не перестанет выносить занятым людям мозг. Цензурных слов в тщательно выстроенной конструкции было немного.

— И всё-таки, ты гад, — не обиженно, а как-то удовлетворённо заключил Кверр, но, главное, ушёл.

— Кхм. Грубовато, но всё равно спасибо, — вздохнула Яра. — Вообще, странное с ним что-то происходит, он поначалу казался мне гораздо более сдержанным. А сейчас кажется, что Кверр — совсем мальчишка.

— Из-за меня, — нехотя признался я. — Это у него с детства привычка осталась, что когда я рядом, можно ни о чём не задумываться. Пока меня не было, приходилось думать своим умом. А сейчас он по привычке расслабился.

— Избаловал ты его, — пропыхтела откуда-то из недр двигателя Птичка. — Ярь, залезай сюда, будешь инструменты подавать. А ты, Кар, держи меня аккуратно за ноги и медленно-медленно опускай... Во, вот так, самое то! Так вот, ты его избаловал! Вон, посмотри на Лапку; вполне себе самостоятельное существо, а всё оттого, что я на неё правильно влияла!

— А ты старше что ли? — хмыкнула Яра, лишь немного опередив меня.

— На четыре года. Мы с Малышом ровесники, — захихикала она. Чувствую я, припомнит мне младший это детское прозвище. — Ты мне лучше вот что скажи, откуда ты мою сестрёнку знаешь?

— Она принимала у нас нормативы по стрельбе, — не нашёл нужным скрывать что-то я.

— Так. Всё. Поболтали, и хватит. Ярь, лезь ближе, операция начинается! Так что все молчим, дышим через раз и молимся духам, чтобы у меня не дрогнула рука.

В итоге с двигателем мы провозились ещё несколько часов, пока дамы наконец не пришли к выводу, что все повреждения устранены. В общем-то, быстро управились.

Я снял очки и десяток секунд привыкал обратно к человеческому восприятию и собственному телу. После чего с трудом поднялся, морщась от ощущений в одеревеневших в неудобном кресле в неподвижности мышцах.

— Ладно, Кар, можно сказать, реабилитирован, — Птера хлопнула меня по плечу. — А сейчас я хочу есть. Нет, не так; я хочу ЖРАТЬ! Пойдёмте? Ярь?

— Можно, но я сначала в душ.

— Кар? — перевела на меня взгляд Птичка.

— А я сначала разминаться, — отмахнулся я. Ощущения в теле были отвратительными,

и очень хотелось от них поскорее избавиться.

— А тут есть, где? — оживилась Яра. — Тогда я с тобой, показывай!

— Тьфу, послали же духи компанию, — скривилась Птера и ушла в сторону камбуза.

Говорят, общее дело сплачивает. Не знаю, каково это со статистической точки зрения, но для нас с Птерой сработало. При ближайшем рассмотрении она оказалась удивительно серьёзной, но при этом крайне жизнерадостной и любящей авантюры девушкой. Очень быстро мы нашли общий язык, и понимали друг друга без малого с полуслова.

Уточнять, почему она так в штыки сразу восприняла старшего брата Кверра, да и меня заодно, я не стала. Но немного поболтав с ней на отвлечённые темы (правильная подготовка истинной Дочери — сильная вещь), я выяснила, в чём была проблема.

Птичка патологически не любила военных и приравненные к ним категории людей. Насколько я могла понять, в основе этого отношения лежала судьба её родителей; точную дату я уточнять не стала, но по разговору поняла, что они с сестрой в довольно юном возрасте оказались на улице после их смерти как раз по вине военных.

Впрочем, логическое обоснование этой неприязни у Пи тоже имелось, и было оно вполне убедительным: Птера не любила тех, кто умеет только разрушать. Поэтому, выяснив, что я разбираюсь в технике и хорошо летаю, она смягчилась в мой адрес и перенесла меня в разряд «нормальных людей». Своё дело сделала и моя безумная мечта найти Землю, которая привлекла склонную к авантюрам Птичку. Так что по крайней мере с одним из членов команды мы нашли общий язык.

Что касается повреждения двигателя... Попадание было плёвым и незначительным, но очень неудачным. В результате замкнуло несколько цепей, и во внутренностях двигателя погорело много мелких частей. Хуже всего было то, что части эти располагались в совершенно разных местах, и отловить все мелочи было очень сложно.

В общем, когда после выхода в заданной системе и посадки на пустой и никому не нужный спутник одной из планет (никаких ценных минералов в нём не нашли) весь экипаж корабля разбрёлся отдыхать, Птера, а за ней и я, пошли работать.

Когда меня вдруг кто-то схватил, рефлексy оказались быстрее разума. Это потом я вспомнила, что на корабле вообще-то нет посторонних, да и схватили меня без угрозы. Боль вообще почему-то стимулирует мыслительный процесс; в этот раз сопротивляться я не стала, спокойно терпя неудобство. На корабле было два человека, теоретически способных повернуть подобный фокус, — то есть, опередить мой удар, — и осталось выяснить, который из братьев развлекается. Впрочем, я была почти уверена, что это старший; и он не заставил меня долго мучиться подозрениями.

— Ну, может, теперь познакомимся? — тёплое дыхание пощекотало ухо, и по спине пробежали мурашки. Не люблю щекотку.

Хотя, стоило признать, голос был приятный, и низкие мягкие тона его ласкали слух. Да и не только слух; гормоны резко разбушевались от интимности позы и голоса. Человеческий организм — довольно предсказуемая штука. Пришлось напомнить себе, что рядом не просто эффектный и привлекательный мужчина, а мужчина с богатым и разнообразным опытом. По части охмурения женщин в том числе; через постель вообще очень удобно добывать нужные сведения.

Кварг выпустил меня со своей неизменной ничего не значащей улыбкой. И попробуй пойми, то ли он меня нарочно провоцировал и желал полапать, то ли это привычка и рефлекс.

Ещё интересно, он на самом деле спокойный и сдержанный человек, или это выработанная годами стратегия поведения? С высокими чинами никогда не угадаешь. Порой действительно попадаются самодуры, подчиняющие всё своим желаниям и не считающие нужным что-то скрывать; порой — наоборот, никогда не показывающие своё истинное лицо люди. Было любопытно, к какой категории относится бывший Неспящий. Почему-то веры Кверру в вопросах, касающихся его старшего брата, не было. Оставалось выяснять самостоятельно.

Кверр меня, кстати, вообще почти пугал. Арьен, конечно, выдвинул довольно справедливое обоснование поведения младшего, но всё равно было неожиданно наблюдать такое резкое превращение вроде бы взрослого мужчины в мальчишку. Нельзя сказать, что новая версия Лерье вызывала у меня неприязнь или иные негативные чувства. Скорее, подобный внезапный переход заставлял подсознательно насторожиться и заподозрить наличие каких-нибудь ещё сюрпризов. Наверное, нужно было просто привыкнуть.

Идею Кварга размяться я восприняла с искренним восторгом: от пребывания в тесноте в скрюченном положении спина ныла и требовала разминки. Наличие оборудованного зала для этих целей оказалось приятным сюрпризом, и очень хотелось проверить, насколько ответственно подошли создатели корабля к оформлению данного помещения.

— Ого, — только и сумела высказаться я, разглядывая новейшие универсальные тренажёры. — Оборудование для лентяев? Ты сидишь, а аппарат сам тебя готовит? — хмыкнула, вопросительно покосившись на Кварга.

— Это здорово экономит время, — пожав плечами, невозмутимо ответил он. — Кроме того, вся эта блестящая красота способна только мускулатуру поддерживать в тонусе, но нормальную тренировку с живым противником они не заменят. Так что, коль уж вызвалась... Сейчас разминка, а потом спарринг? — с насмешливой ухмылкой уточнил он.

— Я не уверена, что хочу выходить против тебя даже в тренировочном бою, — честно призналась я, наблюдая, как Арьен устраивается в странной конструкции со множеством манипуляторов и пристяжных ремней, вызывающей ассоциации со сложным пыточным приспособлением.

Готовясь к встрече с этим типом тогда, несколько месяцев назад, я сделала для себя один важный вывод: Арьена можно только обмануть. В чём мне его ни в коем случае не стоило даже пытаться победить, так это в открытом противостоянии. В рукопашной схватке он был лучшим из лучших, и это был объективный факт. Не стоило и надеяться, что за время опалы этот мужчина растерял форму.

Не то чтобы я думала, что он меня убьёт или отделает до бессознательного состояния; но мне всё-таки хотелось просто размяться, а не бороться за выживание.

— Не волнуйся, я буду нежен, — мужчина многообещающе усмехнулся. Кажется, я начинаю понимать, откуда у Кверра навык выводить окружающих из себя одним только выражением лица. С кем поведёшься...

Как оказалась, напрасно я подозревала Арьена в недостойном. Надо почаще напоминать себе при общении с ним мнение Кверра о стремлении старшего к идеалу; вряд ли избиение женщины, не являющейся врагом, в его представлении о мире могло соответствовать идеальному поведению.

Тренироваться с ним оказалось не просто хорошо — потрясающе. Этому человеку надо было преподавать, а не заниматься политическими интригами. Он подробно и спокойно объяснял все ошибки, показывал, как лучше действовать в том или ином случае, сам

действовал чётко и спокойно, не пытался меня подло подловить или воспользоваться своими преимуществами. Но все мои финты и манёвры разгадывал с такой лёгкостью, будто сам мне их подсказывал.

В итоге, я его так ни разу и не смогла серьёзно достать, а он в случае победы просто обозначал удары. В конце концов я уверилась в мысли, что Кварг, во-первых, действительно лучший, а, во-вторых, на самом деле очень спокойный и сдержанный человек, а не по необходимости.

— Спасибо, — совершенно искренне поблагодарила я партнёра, когда тренировка закончилась. — Я, конечно, слышала, что ты хорош, но не подозревала, что настолько.

— Мне тоже было приятно, — хмыкнул он. — Надо будет обязательно повторить. Ну, что, пойдём перекусим? Я, признаться, так хочу жрать, что больше ни о чём думать не могу.

— Я бы предпочла душ. До того, как ты сказал о еде, — поморщилась я. — Пойдём. Слушай, а можно задать тебе личный вопрос? — обратилась я к своему спутнику, когда мы вошли в столовую, и Кварг запустил синтезатор.

— Насколько личный? — хмыкнул он, насмешливо на меня покосившись.

— Тебе судить. За что ты впал в немилость у Первого Неспящего и Владыки?

— Ты мне не поверишь, — лицо Кварга вдруг озарила искренняя, какая-то совершенно мальчишеская улыбка, омолодившая его разом лет на двадцать. Я едва удержалась от того, чтобы тряхнуть головой, отгоняя наваждение.

— Почему? — уточнила я, справляясь с удивлением. Тем более что улыбка как появилась, так и пропала, и я поспешила убедить себя, что мне показалось.

— Мне даже мои учителя и друзья не поверили, — хмыкнул Арьен. — Я, видишь ли, был категорически против военного решения конфликта.

— Неужели? — озадаченно вскинула брови я. Он был прав: верилось с трудом.

— Я же говорил, не поверишь, — мужчина пожал плечами. — Неспящий не должен сомневаться в приказах, а я вот усомнился. Я был больше склонен согласиться с определёнными слоями гражданского населения, утверждавшими, что конфликт не принесёт выгоды ни одной стороне.

— М-да. В последнюю очередь я ожидала подобного от Кварга Арьена, — хмыкнула я. — Легендарного и лучшего из лучших.

— Никто не ожидал, — отмахнулся он.

Дальше нам на некоторое время стало не до разговоров: синтезатор пикинул, сообщая о готовности.

Установленная здесь модель была гораздо лучше своего собрата, из которого потчевал меня Кверр. Подумать только, это было меньше двух суток назад! А такое ощущение, что по меньшей мере месяц.

Продукты, синтезированные прибором из концентратов, мало чем отличались на вкус от нормальной несинтезированной еды. Даже консистенция была похожа.

— Твой брат всё-таки молодец. Он выбрал лучший корабль, — хмыкнула я, когда смогла оторваться от еды хотя бы на несколько секунд. — Никогда не думала, что возможно синтезировать из какого-то порошка продукты. Нет, понятное дело, что их химический состав никто не отменял, но всё равно это здорово.

— Насколько я знаю, эта штука может синтезировать почти любую органику вплоть до искусственных органов, надо только правильно составить программу. И, самое главное, в качестве исходного материала можно использовать нужное вещество, полученное из

абсолютно любого сырья. Специально для дальних полётов разработка. Стоит таких денег, на которые можно купить треть Брата, — пояснил мужчина. — Здесь всё по высшему разряду. Мне кажется, этот корабль готовился специально для чего-то подобного тому, чем сейчас занимаемся мы.

— Думаешь, Владыка тоже собирался удрать на Землю?

— Не исключено, — он пожал плечами. Кажется, хотел сказать что-то ещё, но в последний момент передумал. А потом и вовсе к нашему разговору присоединился третий.

— Мне показалось, или я слышал название конечной цели нашего пути? — поинтересовался Тимул, входя в камбуз.

— Не показалось, — я качнула головой.

— Отлично. Яра, у нас тут к тебе небольшая просьба назрела. Можешь всё-таки объяснить, куда мы летим, и почему ты уверена, что это место — обязательно Земля? Насколько я помню, все предыдущие экспедиции успехом не увенчались.

— Во-первых, это нам неизвестно, — начала я, почуяв любимую тему, но вовремя осеклась. — Так, стоп. Думаю, мне действительно надо многое объяснить, а то в мою идею, по-моему, толком поверили только Кверр и Пи как два самых склонных к авантюрам существа. Предлагаю сейчас собраться всем в рубке, и обо всём поговорить.

— Ты просто читаешь мои мысли, — улыбнулся Тимул.

Духи бы побрали эти проклятые детские привычки. Проведя десять лет жизни без опеки старшего, я привык к мысли, что окончательно стал самостоятельным человеком, избавился от его влияния и никогда больше не услышу этого его снисходительного «Малыш», которое в пять лет было терпимо, но начиная лет с двенадцати злило необычайно. Сейчас я, конечно, уже не бесился как тогда, но всё равно было неприятно.

Оказалось, нет. Стоило ему опять вернуться в мою жизнь, и десяти лет как не бывало. Я опять ориентировался на него, ждал его команды, одобрения или недовольства, напрочь забыв о своей самостоятельности.

А ещё неприятней было ловить себя на тех самых глупых и детских поступках, которые я неоднократно зарекался совершать. Тысячу раз была права Яра, назвавшая бредом моё предположение о побеге Кварга. И я вынужден был признаться, — хотя бы самому себе, — что это была... паника? Мне вдруг стало очень страшно, что старший куда-то исчез, и я как полный идиот побежал его искать, и здорово перепугался, когда не смог найти. Хорошо, свою гениальную мысль высказал только ей и Птичке; хотя бы двое человек на этом корабле не узнают о моём падении.

С этим надо было бороться, но я понятия не имел, как. Подойти и попросить «не влиять на меня больше»? Большой бред придумать сложно, а меньший... Меньший тоже не торопился посещать мою голову и осенять её гениальными идеями. Самая здравая мысль, которая посетила меня, сводилась к минимизации контактов с Кваргом, но и её реализовать в условиях маленького коллектива внутри небольшого кораблика было крайне трудно.

Да, теперь я несколько поумнел, и понимал причины собственного подобного отношения, и уже не обижался на старшего: это, в конце концов, была не его вина. Просто Кварг тогда, в моём детстве, практически заменил мне отца, годами пропадавшего в командировках где-то на Свободных, и одновременно служил примером для подражания. Сейчас, оглядываясь на то время с позиции полученного жизненного опыта, я понимал, что старший сделал для меня действительно очень много. Возился со мной, когда я был совсем маленький, хотя для мальчишки-подростка такой маленький младший брат — большая обуза. Учил, поддерживал, опекал; со всеми проблемами я в детстве шёл именно к нему, а не к матери, тоже днями пропадавшей на работе. Потом я подрос, Кварг по привычке продолжал меня опекать, я злился, но... упорно продолжал все свои проблемы сваливать на него. По-хорошему, это именно старшему стоило на меня обижаться и злиться, потому что крови я ему попортил изрядно ещё до своего побега и заключения в дальней колонии особо строгого режима, откуда достать меня не получилось даже у него.

Но понимание причин проблемы совсем не помогало в поиске её решения.

В итоге я вовсе впал в апатически-унылое состояние полной обречённости, из которого тоже пришлось срочно искать выход. Но с апатией справиться было проще, чем с влиянием авторитета старшего брата. В таких ситуациях мне всегда помогала работа до полного одурения. На семнадцать-сорок восемь помогала, после неё на Брате помогала; так почему не поможет сейчас? Тем более что девочки восстановили подачу питания на основные блоки, и я получил возможность как следует поковыряться в мозгах нашей замечательной яхты, сразу занырнув в самые глубокие и далёкие дебри, чтобы мозг завязался в узел, и остались в нём одни только цифры и команды нижнего уровня.

И через некоторое время я нарыл такие интересные факты, что напрочь забыл о причинах, подвигших меня на раскопки.

Из мира криптологии, логики и цифр меня извлёк глас свыше. Приятный женский голос объявил общий сбор всей команды в рубке.

Озадаченно оглядев рубку, в которой я сидел сейчас на месте навигатора, я уже задумался, а не я ли случайно нажал что-то не то, как в помещение друг за другом вошли Яра, Тимул и старший.

— Ты уже тут? — удивился Прут.

— Я тут и сидел, — я пожал плечами. — Кстати, я тут такое нарыл; тебе будет интересно. Да всем, пожалуй...

— Сейчас, погоди, у нас как раз минута политинформации, — с улыбкой сообщила Яра, плюхаясь в кресло первого пилота. — Я толкну лекцию о дальних мирах, а ты расскажешь свои новости.

Я неопределённо хмыкнул в ответ; лекцию — так лекцию. Вполне, кстати, своевременно. Раз двигатель полностью восстановлен, пора бы уже покидать это гостеприимное место и выдвигаться к дальним берегам. Через пару минут подтянулась Ридья и недовольная сонная Птера в совсем детской футболке с весёлым рисунком и свободных штанах, явно поднятая с постели. В таком виде Птичка сильнее всего соответствовала своему прозвищу: взъерошенная, нахохлившаяся, надутая и обиженная на весь свет. Как есть — маленькая птичка, жмущаяся к ветке под проливным дождём.

— Ну, коль все в сборе, я начну, — кивнула Яра, и помещение рубки заполнила огромная карта, изображавшая в объёме нашу галактику. Ярко-зелёным засветился небольшой участок карты, в котором располагался Дом и остальные знакомые нам и обжитые миры. — Вот это наша галактика, и где-то здесь живём мы. А теперь, собственно, о Земле. Считается почти незыблемым постулатом, что Солнце и все его планеты расположено ближе к центру галактики, чем мы. Существуют определённые записи и изыскания, множество аргументов за эту теорию, и они кажутся вполне правдоподобными и объяснимыми. Основным доказательством считается тот факт, что в местах посадки кораблей колонистов что на Сестре, что на Брате были обнаружены следы присутствия определённого вещества, существующего только в зоне звездообразования нашей галактики, в её центре. Но я нашла другое объяснение этого факта, и оно представляется мне более правдоподобным: помимо колонистской функции корабли наших предков были ещё и исследователями, и вещество это просто было подобрано по дороге, возможно, из хвоста какой-то кометы, где оно тоже иногда встречается. Тогда спектр поисков существенно расширяется. Но сузить его обратно довольно просто. Во-первых, время полёта установлено с точностью до пары лет по Сестре, и точно также установлена скорость движения кораблей колонистов, что позволяет очертить определённый радиус, — красная полупрозрачная сфера на этих словах охватила пузырь эдак с четверть галактики. — Во-вторых, в системе Солнца присутствуют, по разным источникам, восемь или девять планет, среди которых имеются газовые гиганты; таких систем довольно немного, всего несколько десятков тысяч. В-третьих, Солнце является жёлтым карликом, и это легко сокращает спектр поиска всего до нескольких сотен. А дальше мы просто начинаем искать стабильную кислородную атмосферу на третьей от звезды планете, и звёзд остаётся всего шесть, — алая сфера погасла, и в разных концах галактики осталось гореть шесть зелёных огоньков. — Вот этот мир я вычёркиваю, потому что он находится очень близко к центру.

— Почему? — любопытствовала Птичка, слушавшая рассказ с большим интересом.

— Всё просто, — очень радостно и искренне улыбнулась Яра. — Почему-то никто из исследователей не интересуется чисто художественной литературой, привезённой нашими предками с Земли. А между тем абсолютно все авторы, описывавшие ночное небо родного мира, сходились на его непроглядной черноте с редкими бриллиантами звёзд. Ночное небо же миров в центре галактики должно быть очень светлым — звёзд поблизости слишком много.

— Действительно, — насмешливо хмыкнул Тимул. — И на какой из пяти звёзд мы остановимся?

— Вот на этой, — неожиданно для самого себя влез я, и по моей команде компьютер подсветил звёздочку, расположенную на самом краю галактики.

— Я выбирала между ней и ещё двумя, — озадаченно вытаращилась на меня Яра. — Почему именно сюда?

— Потому что этот рукав галактики закрыт для посещений, — ответил я насмешливой ухмылкой. — Поясняю. Я тут, задумавшись, влез в базовые настройки нашего компьютера. И совершенно случайно натолкнулся на ма-аленькую процедуру с непонятной функцией. Убил полтора часа на разбор, но в итоге пришёл к выводу, что процедура эта предназначена для устранения тех талантливых ребят, которые пытаются добраться вот до этой местности. Прыжок в ту сторону автоматически выносит корабль куда-нибудь в ближайшую звезду.

— То есть, получается, кто-то очень не хотел, чтобы этот корабль туда добрался? Учитывая, что о нашем на нём полёте никто не знал... — задумчиво заговорила Яра. — Кто-то хотел убить Владыку, намеревающегося бежать на Землю? — неуверенно хмыкнула она.

— Кверр, один вопрос, — медленно начал Тимул, глядя куда-то сквозь меня: верный признак гениальной идеи, посетившей этого человека. — Ты случайно не проверял, имеются ли штатные средства отключения этой процедуры?

— Случайно, проверил, — кивнул я. Настроение неуклонно повышалось; очень полезно для него и для собственной самооценки совершить что-нибудь грандиозное и общественно полезное. — Способ есть, штатный и довольно простой, хотя и весьма неожиданный, — сообщил я, не вдаваясь в подробности. — Если хочешь, я покажу.

— То есть... — пробормотала Яра и замолчала. Все остальные тоже выглядели озадаченными и подавленными; да и я почувствовал себя очень неудобно, разобравшись, что же такое могло не понравиться создателям корабля в одном-единственном секторе. Один только Кварг выглядел как обычно непрошибаемым и спокойным.

— То есть, тот, кто создавал корабль, не хотел, чтобы в ту сторону летали посторонние, — кивнул он с таким видом, как будто давно об этом знал, и теперь великодушно пояснял окружающим. — Это многое объясняет.

— Например? — подалась вперёд Яра.

— Например, огромное нежелание наших правителей искать Землю, — пожал плечами Кварг, хотя у меня создалось впечатление, что это был не ответ, а уход от ответа, и имел в виду старший что-то другое. Но уточнять я не стал: если он не хочет о чём-то говорить, выбить из него нужную информацию невозможно. Во всяком случае, для меня.

— Мне уже стыдно, что я втянула вас в эту историю, — вздохнула Яроника, напряжённо хмурясь и со странным выражением лица косясь на старшего. — Наверное, я всё-таки должна это предложить. Если кто-то передумал и не желает лететь неизвестно куда, мы вполне можем сделать крюк, например, через какую-нибудь из Свободных Колоний.

— Шутишь? — возмущённо фыркнула Птера. — Теперь, после того, как стало совершенно ясно, что Земля всё-таки существует, да ещё наши правители почему-то очень не хотят контакта с ней, у нас просто других вариантов нет, кроме как полететь именно туда и выяснить, откуда у проблемы ноги растут!

— Птичка, как всегда, категорична, но сейчас я склонен с ней согласиться, — пожал плечами Тимул. — Путешествие становится гораздо интересней и осмысленней. И сколько нам в общей сложности туда лететь?

— С учётом дозаправки — полгода, — пожала плечами Яра. — Нам не хватит топлива, чтобы дотянуть дотуда одним прыжком, да и двигатель бы не выдержал. С дозаправкой, хвала доктору Пьерко, на этих двигателях проблем не бывает, достаточно найти звезду подходящего спектра. Вариантов много, но мне больше всего нравится звезда ВФР781. Там помимо всего прочего есть одна планета с условиями, близкими к тем, что имеются на Брате и на Сестре. Учитывая, что дозаправка займёт почти месяц, можно будет провести их на орбите этой планеты. И при желании даже осмотреть её поближе.

— В таком случае предлагаю сваливать с этого гостеприимного тела и прыгать к новым звёздам. Я не знаю, как я доживу до встречи с новой планетой, — едва не подпрыгивая на месте, сообщила Птичка.

— Только, я тебя умоляю, взлетай плавно, — подала голос Ридья.

— Ри, ты мне это до конца жизни вспоминать будешь? — проворчала Яра, уже отвернувшись к пульту. — Там была нештатная ситуация, неужели сложно понять?

— Не сердись, — вздохнула Лапка. — У меня просто, похоже, теперь стартофобия. Уж очень меня предыдущий впечатлил, учитывая, что дальше атмосферы Брата я никогда не выбиралась.

— Вылечим мы твою фобию, — с улыбкой ответила Яра. — Пристегните ремни и попрощайтесь со знакомыми звёздами.

Я сидел в своей каюте и гипнотизировал стену. Вроде бы о чём-то думал, но бессмысленно и неконкретно.

Меня терзали смутные нехорошие предчувствия, и это раздражало. Собственная интуиция никогда не вызывала у меня доверия, потому что слишком часто ошибалась, поэтому я предпочитал, чтобы она вообще помалкивала. А так приходилось мучиться сомнениями, не то действительно всё кончится плохо, не то это фантазия в очередной раз разыгралась.

В принципе, хорошим выходом из положения было завалиться в анабиоз по меньшей на сотню дней, или сразу до прибытия на промежуточную остановку, но пока эта идея меня не слишком радовала. Не люблю попусту терять время, а тут получается почти полгода. Конечно, анабиозные камеры для того и созданы, чтобы организм это время не потерял, а как бы отложил, но... в общем, зависит от точки зрения. По мне так это возможность сделать что-то полезное; тем более, что запасы продовольствия тут весьма внушительные, а экипаж сильно недоукомплектован. Вопрос только, что именно?

От сосредоточенного ничегонеделания (и этот человек рассуждает о потере времени в анабиозе!) меня отвлек сигнал двери, сообщающий о посетителе. Пульт у меня был под рукой, поэтому я отдал команду на открытие, не интересуясь, кто там. Кого, кроме младшего, ко мне вообще может принести?

— Привет. Не отвлекаю? — улыбнулась Яра, появившаяся на пороге.

— Я похож на невероятно занятого человека? — иронично хмыкнул я, вопросительно вскинув бровь. — Проходи. Чем обязан?

— Честно говоря, я хотела с тобой кое-что обсудить, — чуть нахмурилась женщина, усаживаясь в соседнее кресло. — Не стала спрашивать при остальных. Что именно тебе не понравилось в том блоке, который нашёл Кверр?

— Почему сразу не понравилось? — я пожал плечами. — Вино будешь?

— Наливай, — усмехнулась женщина. — Только от ответа не уходи. Ну, или сразу скажи, что ты категорически не согласен обсуждать эту тему, и я пойду. Не будем терять время.

— Да я не то чтобы не согласен, — поморщившись, я поднялся и пошёл к бару. — Привычка. Информацию гражданскому населению нужно строго дозировать. Но, однако, какой специалист всё-таки собирал эту коллекцию, — опять уходя от заданной женщиной темы, пробормотал я, зависая над выбором вина. Его здесь действительно было много, и оно было хорошим. Даже, не побоюсь этого слова, великолепным. — Предпочитаешь синее или рыжее?

— Синее сухое, — сообщила она.

— Отлично, я тоже, — наконец, сделав выбор, я достал бутылку и, гулять — так гулять, достал к ней в комплект пару бокалов, каждый из которых стоил целое состояние. Охотно верю, что яхту делали лично для Владыки и его самых доверенных гостей.

Яра с задумчивым видом наблюдала, как я открываю бутылку, неспешно разливаю вино.

— Что, всё настолько плохо? — иронично улыбнулась она. — Ты упорно пытаешься уйти от темы. Это действительно настолько плотно вбитый рефлекс, или тебе тема настолько не нравится?

— Всего понемногу, — я протянул ей бокал. — За хороший исход нашего путешествия, — предложил я тост, и бокалы с тихим мелодичным звоном соприкоснулись. Отпив немного и несколько секунд насладившись букетом и ароматом, я понял, что начинаю безобразно и бестолково затягивать разговор, и мысленно дал себе подзатыльник, настраивая на конструктивный лад. — А ты сама не догадываешься, что мне не понравилось?

— Догадываюсь, но предпочту сначала услышать твою версию. Я умею собирать и систематизировать информацию, но, во-первых, я была занята немного не той темой, и, во-вторых, в этом вопросе ты, как и в рукопашном бою, должен дать мне серьёзную фору, — с улыбкой ответила она.

— Да, в общем, всё просто, особенно если поставить правильные вопросы. А самый правильный вопрос — почему Матушка и Владыка проводили настолько одинаковую внешнюю политику, не слушая никаких доводов против, включая доводы разума? На мой взгляд, ответ, если мы откинем как несостоятельную версию о глупости или неадекватности этих людей, очевиден: они сознательно хотели стравить и ослабить два мира. Прежде у меня было подозрение, что за этим стоят Свободные Колонии, потому что в первую очередь это выгодно именно им. Но со всеми этими рассуждениями об истории я вдруг понял ещё один очень важный и очевидный, но почему-то не вызывающий ни у кого чувства противоречия факт. Что Брат, что Сестра, что все пять Свободных — это очень густо населённые миры. У нас довольно развитые технологии, мы гораздо быстрее можем перемещаться между звёзд, чем первые колонисты, основавшие наши цивилизации. И при этом нет ни одного проекта по колонизации каких-то ещё планет, точно так же как нет проектов по попыткам поиска Земли. Хотя она представляет большую историческую ценность даже в том случае, если цивилизация погибла. Максимум, что мы себе позволяем — это добыча полезных ископаемых на каких-то пустых и непригодных к заселению планетах. И снова напрашивается один весьма очевидный вывод: кто-то тщательно следит за тем, чтобы этих проектов не было. Кто-то третий, со стороны, кому не выгодно развитие всех наших миров. В свете того, что накопал младший, есть у меня подозрение, что это именно Земля. Что она всё-таки не погибла, и, более того, давно знает о нашем существовании, и по какой-то причине категорически не хочет быть найденной нами. Об этих причинах можно гадать бесконечно, но почему-то ни одна из них мне не нравится. Как-то так, — подводя черту, я опять приложился к бокалу.

— Я примерно так и подумала, — медленно кивнула Яра. — Может, зря я всё это предложила, и надо было лететь одной?

— Это не худший вариант развития событий, — я пожал плечами. — В войне много способов погибнуть, и, на мой вкус, если выдалась такая возможность, лучше сделать это в бою с превосходящими силами противника, чем под завалами. Ты зря полагаешь, что остальные не понимают опасности. По-моему, ты подхватила вирус неуверенности в себе от Кверра; также, как он, внезапно переменилась.

— Я, в отличие от него, переменилась не внезапно, а когда маску сняла. У меня железное правило: без маски надо быть собой, — отмахнулась женщина. — У Яроники с Ньярой очень мало общего помимо сокращения, — она насмешливо хмыкнула. — И это не неуверенность, я бы в любом случае полетела. Это просто неумение работать в команде и нежелание нести ответственность за чужие жизни. К тому, что окружающие вполне могут отвечать за свои поступки, ещё привыкнуть надо. Пытаюсь всех опекать.

— И меня тоже? — уточнил я.

— Нет, опекать тебя мне не приснится и в страшном сне, — улыбнулась Яра. — Видишь, пришла вот к тебе консультироваться, какая тут опека. Я всё никак не могу придумать, как именно с тобой общаться, потому что не могу понять, какой ты.

— В смысле — какой я? — искренне удивившись формулировке, уточнил я.

— Ну, действительно такой же спокойно-флегматичный, как Ридья, или это привычная линия поведения? Пока против первого факта только тот скандал с Кверром да какие-то недооформленные предположения; первое сложно считать весомым аргументом, уж очень ситуация неординарная, тут духи бы озверели, а второе — тем более. А ещё мне безумно интересно, кому пришло в голову так тебя назвать.

— Первый вопрос я, с твоего позволения, оставлю открытым, чтобы не портить тебе развлечение, — улыбнулся я. — Хотя Ридья подтвердит, снайпер из меня никакой. А на второй отвечу; мне тоже было в своё время очень интересно, за что матушка так меня приголубила. Она утверждала, что это была идея отца, который являлся офицером и пропал без вести. Но позже, когда появилась такая возможность, я всё-таки выяснил, что никаким офицером мой отец не был. Просто у матери была крайне бурная юность среди музыкантов, благодаря одному из которых на свет появился я. Подозреваю, назвала она меня в честь наступившего в мозгах прояснения, — я не удержался от насмешливой ухмылки.

— Ты странно отзываешься о матери. Она была такой плохой? — нахмурилась Яра. Не сказал бы, что история моей жизни была той темой, которую я любил обсуждать, но смысла что-то скрывать не видел. Лучше разговаривать о личном, чем о профессиональном; тем более, если это личное — давно никому не нужная история.

— Я говорю о ней правду. Мне она была больше старшей сестрой, чем матерью, да и характер у неё был тот ещё. Лундра была чем-то похожа на тебя или Птеру: такая же решительная авантюристка, только гораздо более шумная и бесшабашная. Она даже погибла, разбившись на гравилёте, и по результатам экспертизы причиной этой смерти стало превышение скорости почти в три раза.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Подожди, но ты же сказал тогда Кверру... — озадаченно уставилась на меня Яра.

Ну, всё. Кончилась нормальная беседа. Сейчас меня опять назовут сволочью и покинут, громко хлопнув дверью.

— Я дословно сказал ему, что тяжело, поднявшись на следующий день после Пути К Трону, хоронить мать. Что он или ты подумал в связи с этим — ваше дело. Если он действительно начал винить себя в её смерти — это его выбор. И тот факт, что он даже не спросил, как именно она умерла, тоже его выбор, — решив сразу расставить все точки, в лоб сообщил я.

Однако, Яроника почему-то не спешила со мной ругаться; только смотрела со странно-задумчивым выражением лица.

— Я теперь понимаю, почему Кверр так бесится при общении с тобой, — усмехнулась она в конце концов. — Переносить воспитательные методы места службы на младшего брата — это всё-таки жестоко. Непонятно только, почему до него ещё не дошло? Он же тоже прошёл эту школу.

— Потому что я пытаюсь воспитывать его с детства, а с этими методами он познакомился значительно позже, — пояснил я. Реакция Яры оказалась сюрпризом; впрочем, приятным сюрпризом. Люблю ошибаться в людях в худшую сторону: всегда

приятней обнаружить, что некто оказывается лучше, чем ты ожидал, чем наоборот.

— Кар, а что такое Путь К Трону? — любопытствовала она.

— Наказание, — пожал плечами, ответил я. — Исторически восходящее к Суду Духов, родившемуся в тёмный период колонизации. Я, честно говоря, не уверен, что на Сестре имеются аналоги.

— Это я знаю, мне больше любопытен процесс. Я натыкалась на упоминания об этом, но почему-то никогда не было подробностей, и даже никаких воспоминаний очевидцев.

— Потому что те, кто это пережил, очень не любят его вспоминать, — я вновь пожал плечами. — Да и ничего особо примечательного в нём нет. Это просто пытка; ладно, не просто, очень продуманная и долгая, не только физическая, но и психологическая, и моральная. Фактически, человека всеми силами пытаются сломать. Окажешься недостаточно крепок в вере в собственную правоту и собственное желание выжить — умрёшь или сойдёшь с ума. Ничего особо экзотического там нет, сплошной учебник, — я усмехнулся. — У вас же, насколько я знаю, теория пыток тоже входила в программу?

Она медленно кивнула, задумчиво разглядывая меня и потягивая густое сапфирово-синее вино. Я отвечал ей почти тем же, за тем только исключением, что не пытался разобраться в мотивах и причинах, а просто погрузился в созерцание.

— Неужели ты действительно настолько спокойно на всё реагируешь? — через несколько секунд всё-таки задала вопрос женщина.

— А чего ты от меня ожидала? — я соорудил вопросительно-удивлённое выражение лица. — Истерики, что ли?

— Зачем так вульгарно, — недовольно поморщилась она. — Просто чего-то более... эмоционального. Я ещё одного человека знала, который прошёл через это ваше наказание, и его только при воспоминании о названии передёргивало, и уж точно он бы не стал так спокойно рассуждать о теории пыток.

— Может, он просто не сумел в полном смысле пройти испытание, — насмешливо хмыкнул я. — Выжить — не значит победить, ты же знаешь.

— Мне кажется, или моё любопытство тебя забавляет? — чуть улыбнувшись, уточнила она.

— А сама подумай, как я должен к этому относиться? — я, не удержавшись, насмешливо фыркнул. — За мной по пятам ходит привлекательная женщина и очень хочет познакомиться так близко, как это вообще возможно. Глупо от подобного отказываться, согласись.

— Да уж, — она искренне рассмеялась; тихо, мягко, бархатисто, будто лаская слух изысканнейшей музыкой. И я почувствовал, как по спине от этого звука пробежали мурашки.

М-да. Пожалуй, самое потрясающее, что в ней есть, это всё-таки не глаза, а голос. И мне уже вполне всерьёз хочется ознакомиться с его возможностями в иных ситуациях. Например, было любопытно, как он звучит, когда его очень разумная и сдержанная хозяйка злится, не контролируя себя. Или тоже не контролирует, но уже в другой, гораздо более приятной ситуации: в постели в моих руках.

— Либо злиться, либо терпеть, либо получать удовольствие, — резюмировала тем временем она. — Ты, я так поняла, предпочитаешь последний вариант?

— Всегда, когда он имеется в наличии. Как любой здравомыслящий человек, — усмехнулся я.

— Ладно, с тобой, конечно, хорошо, но чувствую я, что сейчас с недосыпу да от вина до

чего-нибудь лишнего договорюсь, — вздохнула Яра. — Пойду завалюсь спать, а потом в анабиоз. Буду дальше в тебе копать потом, на ясную голову.

— Яра, а ты помнишь сказку про мальчика и волшебный ларец? — иронично поинтересовался я.

— С моралью «за каким духом надо лезть в непонятные ларчики с надписью «опасно для жизни»?» — весело улыбнулась женщина, поднимаясь с кресла. — Намекаешь, что лучше не рисковать?

— Риск — дело благородное, — философски отозвался я. — Просто предупреждаю, что результат тебе может не понравиться.

— Спасибо, — серьёзно кивнула она и вышла.

Я только хмыкнул ей вслед, разглядывая оставшийся на столе пустой бокал.

Пожалуй, я тоже начинаю задаваться вопросом, а какова эта сестричка на самом деле. Слишком уж она неправдоподобна. Точнее, кажется мне, что продемонстрированная мне сейчас сдержанная рассудительность — штука очень эфемерная. Слишком быстро Яра переключается с открытой эмоциональности на логичное спокойствие и обратно, чтобы это было естественной чертой характера.

Ладно, уговорила, кошка любопытная. В эту игру можно играть вдвоём, и я не против познакомиться поближе. Сыграем. А там... духи решат!

С этой мыслью я пошёл в санблок, вымыл бокалы и, убрав со стола, отправился укладываться в анабиоз. Развлечений до прибытия в ту безымянную систему, похоже, не предвиделось.

Вот интересно, кой дух дёрнул меня поговорить с Кваргом? Нет, поговорить — ладно, это мелочи. В конце концов, стоило разделить свои опасения с умным человеком, и жить стало значительно легче. Кой дух потянул меня с ним флиртовать?!

Причём название собственному поведению я нашла только чуть позже, уже добравшись до своей каюты и устроившись в кровати. Сон, стоило мыслям споткнуться об это открытие, позорно сбежал, и я, накрывшись мягким уютным одеялом, зарылась лицом в подушку и принялась за анализ собственного поведения и поведения Арьена. Не только сейчас, а глубже, пытаюсь найти источник проблемы и момент её возникновения. Потому что собственный интерес к этому человеку представлялся мне по трезвом размышлении серьёзной проблемой.

К выводам я в конце концов пришла неутешительным. Разум Неспящий Кварг Арьен заинтересовал меня давно, ещё в шкуре Ньяры, уже одним только своим запоминающимся именем, так подходящим к званию. Тогда это было опасливое любопытство, побороть которое мне с лёгкостью помог долг и задание: после кражи не стоило попадаться ему на глаза. Да, я была уверена, что он ничего не заметил, но рисковать всё равно было глупо.

Или даже ещё раньше, когда на какой-то «летучке», — регулярном цикле лекций, посвящённых последним важным событиям в мире, за которыми не всегда удавалось следить, — приводили этого удивительного и даже в своей области гениального мужчину в пример.

А вот по наклонной плоскости всё покатилося потом, когда он оказался братом Кверра и направился с нами. Мне было интересно за ним наблюдать, когда представлялась такая возможность, и я порой ловила себя на том, что, подобно, Таракану, начинаю заглядывать в рот его старшему брату и ждать его внимания или одобрения. Сдаётся мне, сейчас к нему в каюту я потащилась именно за этим одобрением. Чтобы услышать, что Кварг Арьен разделяет мои подозрения и считает меня умненькой девочкой.

Духи бы побрали этого типа; я теперь, кажется, понимаю, почему он был вдохновенным бабником, и никогда не знал у женщин отказа (эту сомнительную поначалу информацию мне предоставила одна из коллег Ньяры, когда я собирала информацию на Арьена). С древних времён, когда люди всё ещё верили в привезённого с собой бога, и даже ещё раньше, существовал такой фразеологизм: «дьявольское обаяние». Так вот, это, похоже, как раз про Кварга. И, похоже, вляпалась я в это самое обаяние, что называется, по уши, и как теперь спастись, совсем не понятно.

В общем-то, даже непонятно, а стоит ли? Если откинуть привычные шаблоны и всё-таки вспомнить, что мы сейчас совсем даже не враги, и никакой опасности для меня близкое знакомство с этим человеком не представляет, ситуация не выглядит трагичной. Ну, понравился мне этот мужчина, да. И что с того? Вроде большая уже девочка, в какой только шкуре бывать не доводилось! Да что за примером далеко ходить, я последние месяцы вообще-то работала шлюхой. И теперь вдруг опасаюсь сблизиться с мужчиной.

Бред? Бред. Глупость? Глупость. Но, тем не менее, факт: мне действительно здорово не по себе. И это при том, что от подобной игры я получаю огромное удовольствие, флиртовать и заигрывать с ним мне нравится, да и всё остальное по отдельности не вызывает никаких нареканий. А вот вместе...

Ещё немного поворочавшись, я вроде бы решила для себя и эту загадку. Проблема была в том, что сейчас я была в собственной шкуре, которой нечасто доводилось иметь дело с мужчинами, и то всё больше в юности, в учебке. И в той самой юности, до превращения девочки Яры в Дочь Яронику Верг, эта девочка была очень влюбчивой, за что и страдала.

Духи бы побрали мою контуженную (кстати, неоднократно) психику со всеми этими масками и чужими личностями! Так для собственной личности раздвоение схлопотать недолго, или ещё какие отклонения.

В общем, по результатам размышлений я грубыми пинками загнала робкую девочку Яру обратно в подсознание, вытряхнула оттуда многоопытную и уверенную в себе Яронику Верг и с облегчением погрузилась в сон.

Идее анабиозных капсул столько же лет, сколько идее о космических перелётах, а может, даже больше. В принципе, логично: как ещё можно сэкономить ресурсы, нервы и силы экипажа в долгих перелётах? Странно только, что долгих перелётов корабли наших колоний никогда не совершали, а камеры — были. Они упорно ставились на всех более-менее приличных кораблях, дотошно, по числу членов экипажа.

Разумеется, яхта Вечного Владыки не могла быть исключением из этого правила, и камеры здесь присутствовали; ровными рядами они стояли в дальнем конце медицинского блока. И были они не новейшей модели, а самой проверенной и надёжной, что не могло не радовать.

Укладываясь в сон последней, я на всякий случай проверила все настройки не только у себя, но и у остальных членов нашего маленького экипажа. Выкрутила уровень тревожности на максимум: автоматика должна была пробудить экипаж по тревоге при любом минимальном отклонении в работе любой из внутренних систем. И всё равно не могла отделаться от иррационального страха не проснуться.

Хорошо, никто не видел, как грозный и бесстрашный полевой агент на трясущихся ногах забирается в прозрачную капсулу: это был бы страшнейший позор в моей жизни. Что поделаться, ненавижу, когда от меня ничего не зависит, а моя жизнь, в свою очередь, зависит от какой-то техники. А тут, можно сказать, апогей бессмысленности всей подготовки: меня могут убить, а я даже не замечу этого, просто не выйдя из анабиоза.

В таком мерзком подавленном состоянии я закрыла капсулу и прислонилась к стене, позволяя фиксирующим повязкам самостоятельно меня окутать.

С колотящимся сердцем я ждала, пока случится это. Как выглядит погружение в анабиоз, я знала только теоретически, но сама эту процедуру никогда не проходила. Поэтому, когда через мгновение лёгкой слабости и темноты перед глазами фиксаторы вдруг выпустили меня из своего плена, и приятный женский голос пожелал мне приятного пробуждения, я подумала, что что-то не сработало.

Паниковать, правда, не стала. Подумаешь, трагедия, и без анабиоза переживу сто с небольшим дней! И выбираться из капсулы не спешила, для начала проверив прямо изнутри неё окружающее пространство (умные люди конструировали: такую полезную функцию предусмотрели!). Каково же было моё удивление, когда я выяснила, что путь наш близится к концу, и дни проскочили как одно мгновение.

Вот теперь я уже на всякий случай поспешила выбраться наружу. Мало ли, что там может заклинить; решит техника, что я не выспалась, и уйдёт в рекурсию.

Получив свободу, я сразу почувствовала себя гораздо уверенней. Никаких симптомов, кроме лёгкой слабости и некоторой заторможенности реакции не наблюдалось, что не

могло не радовать.

На всякий случай проверив оборудование, я обнаружила, что те, кто планировал проснуться до меня, действительно проснулись, а именно — Кверр, Кварг и Тимул. Капсулы же с Птичкой и Ридьей были в полном порядке, и прятали в своей мутной глубине двух сестёр, не замечающих сейчас течения времени.

Первым делом я направилась в рубку, осматривать корабельные системы. Пусть система анабиоза и показала себя с лучшей стороны (я же проснулась!), но проверить своими глазами никогда не бывает лишним.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ПУТЬ

*И в голове смешались мысли,
И босиком с бутылкой виски
Мы изучаем этот берег.
Волна бежит и что-то бредит.*

*Вокруг вода, песок и камни,
И время меряем глотками.
И всех вокруг как ветром сдуло;
Нас как магнитом притянуло*

*Друг к другу. И теперь на берег
Волна бежит и что-то бредит,
И звёзды падают за ворот,
И ковш на небе перевёрнут.*

Группа «Сплин», «Ковш».

Последние часы перед выходом из прыжка прошли в предвкушении и вдохновенном ничегонеделании. Некоторое время я с мужчинами играла в карты, потом читала какую-то ерунду и с трудом боролась с мыслью на несколько часов опять нырнуть в анабиоз, чтобы убить время.

Но время — это такая субстанция, которая не умеет останавливаться на месте, и в конце концов счастливый момент настал: на обзорных экранах появилась система чужой звезды, над плоскостью эклиптики которой нас выплюнуло пространственное искажение. Планет было шесть, и нас сейчас интересовала вторая, кислородная. Активировав зарядные системы прыжкового двигателя, я малым ходом двинулась к космическому телу, орбита которого должна была приютить нас на ближайшие несколько недель. На такой скорости лететь до него было около получаса, и торопиться было совершенно некуда.

Аналитические корабельные системы тем временем начали сбор информации о планете назначения: состав атмосферы, вероятность наличия жизни разумной и неразумной, вероятность наличия полезных ископаемых (меня это мало интересовало, но входило в стандартную программу).

Собственная жизнь на планете была, разнообразная и многочисленная. Что касается жизни разумной, анализатор не выявил никаких инородных объектов на орбите и ничего похожего на искусственные сооружения на поверхности. Так что, если там что-то и было, по всему выходило, в космос оно ещё не выбралось, и вряд ли действительно в полном смысле этого слова разумно.

— Мы же будем высаживаться, правда? — подала голос со своего места Птера. Я обернулась, глядя на неё с некоторым недоумением. — Мне не терпится ступить на неизвестную планету!

— Да, я бы тоже с удовольствием, — мечтательно улыбнулся Тимул. — Там же, вроде бы, атмосферный состав и климатические уровни недалеки от привычных, да?

— Ну, в целом, да, — кивнула я, скашивая вопросительный взгляд на Кварга. Однако тот сидела со своей обычной невозмутимой физиономией и спокойно слушал планы товарищей.

— Да можно, наверное, сразу корабль посадить, — тихо предложила Ридья. — Яр, ты сможешь? Ведь атмосфера вроде не помеха зарядным системам.

— Посадить-то я смогу, только я не уверена, что стоит это делать, — наконец, «порадовала» я рвущихся в бой товарищей собственным видением происходящего. — Я понятия не имею, что там внизу водится, и не согласна в случае гибели корабля остаться там навечно. Если уж организовывать разведку, то на капсулах; они это умеют.

— Ну и ладно, — потёрла ладони Птичка. — Надо только выбрать место посадки.

— Пи, мне кажется, нам не стоит вот так всей толпой вылезать на поверхность, — осторожно попыталась я остановить полёт её фантазии и достучаться до разума.

— Да ладно, что с нами может случиться? Там исследовательские скафандры глубокой защиты есть, можно воспользоваться ими.

— И всё-таки. Кварг, а ты чего молчишь? — наконец, не выдержала я. — У тебя, насколько я знаю, единственного из нас есть практический опыт подобных высадок.

Он бросил на меня странный сочувственно-насмешливый взгляд, но смилостивился и всё-таки проговорил со снисходительной усмешкой:

— Есть два варианта. Во-первых, мы можем поступить как полные идиоты из дешёвых приключенческих фильмов. То есть, так, как вы предлагаете: десантироваться на планету всей толпой. Но в этом случае предупреждаю сразу, лично я никого спасать не буду. И если кто-то из естественных обитателей этого мира решит попробовать на зуб постороннюю органику, пожелаю ему приятного аппетита. Ну, а, во-вторых, мы можем поступить так, как и положено действовать в подобных ситуациях. По-хорошему, туда бы вообще не стоило соваться, но торчать нам тут целый месяц, поэтому разведку произвести всё-таки было бы неплохо. В разведку на планету может отправиться небольшая группа лиц, обладающих соответствующей подготовкой. Из здесь присутствующих нас трое: я, Кверр и Яроника. И лично я готов доверить прикрывать себе спину именно Яре. Как более рационально мыслящей, надёжной и разумной.

— И кто ты после этого? — проворчал Таракан.

— Я? — нарочито удивлённо переспросил Кварг, вопросительно вскинув брови. Даже мне очень захотелось хорошенько его стукнуть; оставалось лишь посочувствовать Кверру. — Я взрослый человек, отвечающий за свои поступки. Как я могу судить из произошедшего только что разговора, нас здесь таких, собственно, всего двое, — и он слегка кивнул на меня. — Мне только интересно, вы всегда такие, или иногда думаете головой? И вы действительно считаете нормальным всей неподготовленной толпой вываливаться на совершенно незнакомую планету с неизвестными формами жизни, или это была шутка?

— М-да, — первым сдался Прут. — Раньше я полагал себя разумным человеком. Погорячились, согласен. Это от незнания. Кар, может, нам тебя капитаном назначить, как самого разумного? — с виноватой улыбкой предложил он.

— А почему не Яронику? — насмешливо поинтересовался тот.

— С тобой спорить опасно, — ехидно фыркнула Птичка. — Ярь тактичнее, а у тебя очень доходчиво получается объяснять окружающим, что они идиоты.

— И вообще, не надо меня в это впутывать, — изобразила недовольную гримасу я. — Я скромный пилот, им и предпочту остаться. Пусть уж за вас, то есть за нас всех ответственность несёт Кварг. Он старший офицер, ему привычно командовать, — не выдержав серьёзный тон, я в конце концов расплылась в довольной ухмылке и показала мужчине язык.

Новопровозглашённый капитан смотрел на наши народные выборы с ироничной усмешкой, и только головой слегка качнул в ответ на мои гримасы. И было непонятно, не то он одобряет такое решение, не то смиряется из чувства ответственности.

Духи бы побрали этот детский сад...

Что я там говорил о взрослении младшего и разумности его товарищей? Беру все свои слова назад. Похоже, единственный думающий человек на борту этого корабля (помимо меня) — Яроника.

Они ведь всерьёз собирались всей толпой выйти на поверхность незнакомой планеты, как будто это курорт!

По-хорошему, нам вообще не надо было туда соваться. Это не увеселительная прогулка, к высадке на незнакомую планету, на которой имеется собственная жизнь, долго готовятся, собирают информацию автоматизированными зондами. Люди идут сразу только в случае спасательной экспедиции, когда каждая минута на счету.

Но по-хорошему — это когда тебя окружают нормальные здравомыслящие люди, а не коллектив детского сада. И я был уверен на двести процентов, что если им сейчас запретить любые мысли на заданную тему, то как минимум младший и Птичка в конце концов сбегут туда самостоятельно, и вот тогда уже наша дозаправка превратится в ту самую спасательную экспедицию.

В принципе, лучшим вариантом было бы скрутить всех и распахать по анабиозным камерам. Но тогда о нормальных взаимоотношениях с коллективом можно было бы забыть. Нет, я, в принципе, переживу и такое, но — смысл?

Я не был уверен, что на Земле нас ждёт что-то хорошее, особенно в свете последних рассуждений о причинах конфликта Брата и Сестры, поэтому особой цели доставить экипаж к Солнцу у меня не было. Если разобраться, у меня сейчас вообще никакой цели не было. Так почему не рискнуть шкурой во имя развлечения неплохих, в сущности, людей?

Подойти к этому вопросу с безалаберностью спутников, как к развлечению и удовольствию, не получалось. Что поделать: если я когда-то и был склонен к авантюрам, жизнь давно и основательно выбила из меня эту черту.

Вот и получалось у нас по закону жизни: кто-то мечтает о приключениях, но эти самые «приключения» предпочитают компанию тех, кто с гораздо большим удовольствием обошёлся бы без них.

Разведслужба, война и исследование новых миров — очень романтические на взгляд обывателя занятия, полные подвигов, свершений и приключений. На практике же это — тяжёлая и опасная работа, и те, кто её выполняет, относятся к ней именно так. Если же по воле случая в подобную среду попадает авантюрист, охочий до острых ощущений, он обычно долго не живёт. Или, хлебнув тех самых «приключений» в реальной жизни и по самые ноздри, старается оказаться от них как можно дальше.

В итоге я всё-таки настоял на том, чтобы отложить высадку на некоторое время, необходимое на сбор исследовательскими зондами (на борту этой яхты были даже они) хотя бы первичной информации. Наградой мне были недовольные взгляды всего экипажа и благодарный — Яры.

К сожалению (уточню: к моему сожалению), никаких вредоносных излучений, газовых примесей и опасных для человека организмов и микроорганизмов зонды к урочному часу не нашли, поэтому мы всё-таки направились готовиться к десанту.

Упомянутые Птерой скафандры глубокой защиты брать не стали. Они всё-таки больше

предназначены для работы на безжизненных планетах, чьи условия для человека смертельно опасны. А в условиях инопланетных лесов, где водится не пойми что неизвестного вида, от этой громоздкой неповоротливой туши может быть больше вреда, чем пользы. В итоге ограничились стандартными защитными костюмами и разгрузками с оружием и прочими полезными мелочами.

— Значит, так, — начал я, когда вся команда собралась в рубке на заключительный инструктаж. — Ридья, ты нас ведёшь. Не из разряда «ой, смотри, какой цветочек вон там слева!», а как снайпер прикрытия боевую группу. Надеюсь, ты ещё помнишь, как это делается?

— Не ругайся, — мягко улыбнулась она, глядя на меня снизу вверх из кресла пилота. — Согласна, вчера я сглупила, но сейчас можешь на меня положиться.

— Надеюсь, — поморщился я. — Кверр, на тебе — контроль периметра. Накладок не будет? — я перевёл строгий вопросительный взгляд на младшего. Тот в ответ состроил недовольную гримасу.

— Сделаем в лучшем виде, — нехотя откликнулся он.

Обиделся, что не его взял в напарники. Чем только укрепил меня в мысли, что собственную шкуру в опасной и незнакомой ситуации я ему доверить не готов.

— Птера, на тебе — зонды; Тимул — наше оборудование. Докладывать о малейшем изменении, даже если оно укладывается в допуски и не представляет опасности. Маршрут все помнят? Движемся по спирали от места высадки, осматриваем радиус в пару километров, а там видно будет. Двинулись!

— А для Яры инструкции повторить? — весело поинтересовался Тимул.

— А в ней я и без инструкций уверен, — отмахнулся я.

— Он их ей лично вчера весь вечер выдавал наедине, — ехидно ухмыльнулся младший.

— А ты не завидуй. Будешь хорошим мальчиком, тоже разрешу мне что-нибудь выдать, — томно проворковала Яроника и, проходя мимо, легонько похлопала его по груди.

Я поддержал их шутки соответствующей улыбкой и вышел из рубки вслед за женщиной.

Самое смешное, мы ведь действительно весь вечер занимались именно планированием будущей высадки. Причём даже без намёка на флирт и какие-то подобные поползновения; ни у меня, ни, кажется, у неё даже мысли об этом не возникло на фоне предстоящих неприятностей. «Перед боем офицеру не до баб», — как метко на эту тему высказывался один мой товарищ по учебке.

Изучали карты, температурные кривые, предполагаемые составы почв и атмосферы, выбирали место. С последним было особенно сложно: ни я, ни будущая напарница не представляли, на кой ляд нам вообще нужно туда идти. Поэтому старательно пытались найти что-то, что могло представлять хоть какой-нибудь интерес, и при этом — минимальную опасность.

В итоге с горем пополам выбрали пяточок скального выхода между морем и лесом, где присутствовали все тридцать три удовольствия на любой вкус: живописные скалы, что-то похожее на пляж, лес неподалёку и остатки непонятной воронки, похожей на метеоритный кратер. Причём выбрали его, отчаявшись найти хоть какие-нибудь внятные аргументы «за» или «против» в адрес того или иного клочка поверхности, банальным методом тыка. То есть, Яра с закрытыми глазами ткнула пальцем в карту, а я на этом участке выбрал более-менее удобное со стратегической точки зрения место. С которым нам сейчас предстояло

познакомиться поближе.

Спасательные шлюпки вообще-то считались одноместными. Но, осмотрев их вчера, мы решили не разбрасывать ценными ресурсами: мало ли, что с ней может случиться. Уж очень просторно в них было, не пожалели конструкторы места для своего Владыки.

В итоге улеглись мы вполне комфортно. Хотя если бы лететь предстояло, скажем, с Кверром, я бы настоял на индивидуальном транспортном средстве. Потому что одно дело — когда у тебя на плече лежит взъерошенная головка симпатичной женщины, и совсем другое — ютиться вот так с мужиком, вероятнее всего, созерцая перед носом чужие ноги, потому что плечом к плечу мы бы уже не влезли. То есть, для дела тоже можно было бы потерпеть, но я бы предпочёл обойтись в жизни без подобных впечатлений.

— Ну, мы отстыковались, — сообщила Яра, правая рука которой была погружена в сгусток сенсора, подобного тому, через который осуществлялось управление краном в двигательном отсеке, а левая — периодически тыкала в ещё какие-то переключатели перед лицом. — Полетели, что ли?

— Полетели, — согласился я, левой рукой пытаюсь поправить упёршийся в бедро каким-то острым углом «Вершител», находящийся в креплении справа. Закон подлости неудачно подогнанного снаряжения: у любого даже самого эргономичного и округлого предмета обязательно найдётся острый угол, который больно вопьётся в самое неподходящее место в самый неподходящий момент.

— Что ты там вошкаешься? — через пару мгновений недовольно проворчала Яроника.

— Извини, — я хмыкнул. — Забыл разгрузку под левую руку переделать, машинально оружие справа сунул. Тебе не мешает что ли? — я озадаченно (и, кстати, совершенно машинально, без всякой задней мысли) пощупал её бедро.

Женщина в ответ недовольно ткнула меня локтем в живот, но попала как раз в пластину защиты и недовольно зашипела.

— Вот-вот, у меня там то же самое. Духи, как неудачно-то, как раз в нерв попала, — процедила она, пытаюсь разработать конечность. Благо, к тому времени мы, похоже, легли на нужный курс, и особого внимания управление пока не требовало.

— Нечего было драться, — назидательно сообщил я, перехватывая свободной рукой её локоть и массируя.

— А нечего было руки распускать, у меня рефлекс, — совсем уж обиженно проворчала она, но тут же захихикала. — Духи, чувствую себя дурой. Не серьёзная боевая операция, а балаган какой-то.

— С кем поведёшься, — сочувственно согласился я. Может, и зря мы забились в одну шлюпку; удобно-то оно удобно, но настроиться на серьёзный рабочий лад у меня тоже никак не получалось. — Откуда такие рефлекс могут быть у опытного полевого агента?

— Это не у агента, это у меня, — вздохнула Яроника, почему-то не спеша отнимать у меня локоть. Который я продолжал массировать, хотя последствия удара, надо думать, уже прошли, да и пришлись они совсем не на то место, которое сейчас осторожно разминали мои пальцы. — Я же, кажется, говорила уже. Или я это не тебе говорила? В общем, я старалась всегда разграничивать маски и себя. Если в них полностью погружаться, изменяя собственное мировосприятие, так недолго и умом тронуться. Или, как минимум, лишиться собственного характера и личности. Меня всегда пугал такой исход; может, потому и получилось так долго работать. Тебе же это должно быть знакомо, разве нет?

— Я больше по боевой части, меня довольно сложно заgrimировать, да и характер не

тот. Мне об этом сразу, ещё в учебке сказали, когда я во время очередной летней увольнительной вытянулся сразу сантиметров на двадцать. Так что в полевые агенты я особо и не готовился, — я слегка пожал свободным плечом.

— Ага, значит, характер у тебя всё-таки не вот такой сдержанно-невозмутимый? — невесть чему обрадовалась Яра.

— Как и у тебя, — хмыкнул я в ответ. — А какой именно — ещё предстоит вспомнить, если будет такая возможность. Не мне тебе рассказывать, как эта работа сгибает и кроит под себя. Но с такой командой это будет трудно.

— Профессиональная деформация, — философски хмыкнула Яра. — А мне кажется — наоборот, такое окружение должно только помочь. Когда никто не притворяется, и самому легче быть собой. Слушай, а что, Кверр вообще по направлению Неспящих не работал? Как-то не похож он на нормального специалиста. И за что его, кстати, посадили?

— Посадили его за дурость, — не удержавшись, недовольно скривился я. — Первый раз. А потом уже за дело. Сначала он переспал с дочкой крупного чиновника, дочка же сообщила, что беременна, и папаша — он. Этот олух, вместо того, чтобы как нормальный человек провести генетическую экспертизу, в грубой форме высказал той дочке, кто она есть на самом деле. Спору нет, против истины не погрешил, потому что дочку эту очень близко знали очень многие, но можно было выбирать выражения попримичней. Или хотя бы не оскорблять её громко и при толпе народа. Или хотя бы не при её папаше. На крайний случай, можно было бы не бить этого папашу по лицу. Кверра, естественно, посадили за оскорбления и побои. Но даже это были мелочи. Вот чего точно не стоило делать, так это пытаться бежать, убив при этом конвоира. Убивать он его, насколько я понимаю, не планировал, просто силу не рассчитал; но это уже не мордобой на светском приёме, это серьёзно, и тут я ему уже ничем не смог помочь.

— И за это тебя по Пути К Трону послали?

— Нет, — я, не удержавшись, рассмеялся. — Точнее, не совсем за это. Просто я себя повёл не намного лучше Малыша; ты только ему об этом не рассказывай, а то все мои воспитательные методы окончательно отправятся в утиль.

— Не расскажу. Даже запись с внутренних камер сотру, — захихикала она и действительно закопалась в какие-то настройки. — Ну, рассказывай о своём падении, мне любопытно.

— Да, в общем, всё просто. Я долго и упорно давил на мозги всем, кому мог, пытаюсь вытащить этого балбеса. В какой-то момент здорово достал одного из высоких начальников. Слово за слово, дошло до мордобоя. Я тогда уже не очень хорошо отдавал себе отчёт, где нахожусь и что происходит, — на четвёртые сутки непрерывной беготни оно и не удивительно, — так что был повод поблагодарить охрану за своевременное вмешательство. Да и самого этого начальника за то, что не прикончили на месте. Хороший, на самом деле, был мужик. Умный. Мне до сих пор за себя стыдно, когда я всё это вспоминаю.

— И за чью же морду так наказывают? — озадаченно хмыкнула Яра. — Или он так сильно пострадал?

— Пострадал он не сильно. Может, даже простил бы меня и вошёл в моё положение, если бы у драки не было столько свидетелей, а так я ему сам выбора не оставил. За покушение на Правую Руку обычно вообще казнят, так что я, считай, легко отделался.

— Ого, — присвистнула собеседница. — И после этого ты называешь себя сдержанным человеком?

— Когда это я себя так называл, напомни? — хмыкнул я в ответ.

— О-о, вот это я уже запомнила, пытаться тебя подловить бесполезно, — насмешливо отмахнулась она.

— Правда — оружие подготовленных, — ответил я старым афоризмом и нехотя выпустил руку Яроники в ответ на сигнал о входе в атмосферу. Отвлекать пилота во время посадки — верный способ самоубийства.

Спрашивается, чем я думала, когда с энтузиазмом соглашалась лететь в целях экономии на одной шлюпке?

Нет, разместились мы вполне удобно, спору нет. Но вот рабочее настроение, в котором я пребывала с момента принятия решения о высадке, приказало долго жить буквально за считанные секунды. Ну, не могла я это безобразие воспринимать как боевой вылет, и всё тут! Не летают на служебные задания нежно обнявшимися парочками!

Лежать было приятно и удобно, и я с огромным трудом удерживалась от того, чтобы полностью бросить управление на автоматику, а самой повернуться на бок, уткнуться носом в шею мужчины, и... иди оно всё дорогой духом!

К концу пути я приняла для себя важное решение: к духам флирт. Вернёмся на корабль, и буду я Кварга соблазнять. Ведь решительно невозможно нормально существовать, когда мысли то и дело сползают на то, как эффектно мужчина смотрится в защитном комбинезоне и разгрузке, как не подходят строгие хищные черты его лица образу спокойного и рассудительного человека, и какая необычная у него всё-таки мимика. Кажется, это первый на моей памяти человек, который так странно улыбается: либо одними губами, и тогда это просто сообразная случаю маска, либо одними глазами, что очень сложно заметить, но я уже почти уверена, что именно в такие моменты ему действительно весело.

В общем, надо было срочно избавляться от навязчивых мыслей о нашем новоявленном капитане. Способов было несколько: потерять его из виду, переключиться на что-то более интересное или заработать себе передозировку общения с ним до той степени, чтобы данная компания всерьёз надоела. И реализовать первые два варианта из этого списка совершенно не представлялось возможным.

А потом мы вошли в атмосферу, и посторонние мысли покинули мою голову совершенно самостоятельно. Развлечения развлечениями, но сила привычки — великая сила.

Перед посадкой я на всякий случай ещё раз проверила то место, которое мы с Кваргом вчера присмотрели, и не нашла ни отличий, ни внезапно возникших нареканий. И шлюпка, повинаясь моим командам, плавно соприкоснулась с поверхностью чужого мира. Поверхность, если верить приборам, представляла собой надёжную и монолитную гранитную скалу.

К счастью, праздная расслабленность на этом моменте ко мне не вернулась, и действовать мы начали как по учебнику, чётко и быстро.

Первым ловко выскользнул наружу Кварг и замер у выхода, контролируя периметр, следом за ним — я. Наверное, со стороны это могло бы выглядеть забавно; пустынный скалистый мыс, нависающий над серебристым песчаным пляжем, чуть в стороне виднеется густой вполне мирный лес, и тут вдруг — мы. Настороженные, напружиненные, с оружием наготове, как перед боем.

И я бы, может, даже поиронизировала над этим фактом, если бы могла быть уверена в отсутствии в окружающем мире неучтённых опасностей.

Тем временем как раз установилась связь с «базой», и в ушах прозвучал негромкий голос Ри.

— Как слышно меня? Кар, Яра, приём!

— Слышу тебя хорошо, — практически одновременно с Кваргом проговорили мы, после чего вскользь обменялись насмешливыми взглядами.

— Тогда двинулись. Кар, на два часа от тебя треугольный камень, обойдите его, там какая-то подозрительная трещина, — исправилась Ри, обращаясь уже к одному из группы.

И мы двинулись. Вдумчиво, неторопливо, тщательно выверяя каждый шаг и настороженно ощупывая взглядами окружающее пространство.

Кверр периодически унылым тоном сообщал об отсутствии в поле зрения хоть чего-нибудь интересного. Пи, зевая, подтверждала эти заключения, периодически разбавляя их замечаниями вроде «а вон там какая-то зверушка забавная... ой, нет, оно ещё и летает!» или «хм, а деревья у них на деревья похожи». Тимул спокойно и невозмутимо сообщал, что все системы работают в штатном режиме, никаких неприятностей не предвидится.

Никто этого не говорил, но в воздухе буквально висело пренебрежительное «перестраховщики» в наш адрес.

Мы же с Кваргом расслабляться не спешили, и в благосклонность чужого мира не верили. Даже, скорее, тревога наша и нехорошие предчувствия росли; правда, вслух мы это не высказывали, но порой обменивались настороженными взглядами. Мужчина ко всему прочему напряжённо хмурился и явно с трудом сдерживался от команды «сваливать отсюда, пока целы».

— С юга гроза надвигается, — впервые разнообразила свою сугубо информативную речь посторонним наблюдением Ри. — Мне кажется, надо потихоньку сворачиваться.

— И ты туда же? — не выдержав, недовольно фыркнула Пи. — Вижу я эту вашу грозу, далеко до неё. Подумаешь, дождик...

— Ридья права, — раздражённо начал Кварг. — Нам...

— Шлюпка! — вдруг оборвал его резкий возглас Кверра. Мы стремительно обернулись на месте; только затем, чтобы увидеть воочию, как наш транспорт с тихим «бульк!» исчезает в недрах скалы.

Более того, то, что было пару минут назад недвижимым гранитным монолитом, вскипело какой-то аморфной буро-коричневой массой. Масса эта растекалась по побережью, пляжу и довольно быстро ползла в нашу сторону.

— В лес! — рявкнула Ри, но мы и без её команды уже бегом припустили в ту сторону. Просто потому, что больше бежать было некуда.

Растительность здесь была довольно необычная, но в целом вполне походила на знакомые образцы. Разве что оттенки были побогаче, не только привычные и распространённые на Сестре и Брате синий и бурый. Под ногами колыхались под ветром нежно-розовые стебельки травы с чёрными соцветиями (или чем-то похожим), а близкий уже лес пестрел всеми оттенками красного, жёлтого и зелёного.

— Всё, стоп, оно к лесу не поползло, — скомандовала Ридья, когда мы уже прилично удалились от кромки леса.

— И что это было? — задал сакраментальный вопрос Кварг. И надо было быть глухим, чтобы не заметить сквозящего в его голосе ехидства.

— А духи его знают, — раздражённым голосом буркнула Пи.

— Птичка хочет сказать, что понятия не имеет, что это было, и как его существование вообще возможно, но она будет продолжать наблюдение, — более развёрнуто ответил Кверр. — Даже когда оно начало шевелиться, оно оставалось монолитным куском камня. Оп-па! А у вас гости.

— Где? — хором рывкнули мы, мгновенно занимая круговую оборону спина к спине.

— Сейчас, попытаюсь определить, — быстро затараторил он. — Я их не вижу в оптическом диапазоне и в тепловом, но ультрафиолет они не пропускают. Пи! А, всё, вижу, спасибо. Присутствует излучение, характерное для человеческого мозга; я, собственно, по нему и заметил. Окружают вас редким кольцом диаметром метров в пятьдесят, восемнадцать существ, по очертаниям — вполне гуманоидных. Кварг, на три часа от тебя от компании отделился один и движется в вашу сторону. Двигается медленно и спокойно. Десять метров... восемь... пять...

Было жутковато пялиться в пустоту и точно знать, что к тебе движется что-то живое и, возможно, опасное. Но стрелять мы не спешили: глупо стрелять в кого-то, если рядом с ним есть ещё полтора десятка таких же невидимых и непонятных существ. Кроме того, пока никто из них не пытался напасть, что тоже не могло не радовать.

Когда до невидимки оставалось около двух метров (по данным Кверра), он вдруг решил перестать прятаться. Перед нами будто из воздуха возник... человек.

Ну, или, по крайней мере, что-то весьма на человека похожее. Очень невысокий, где-то мне по плечо, мужчина с зеленоватой кожей, серо-зелёными волосами и густой бородой. Вся эта растительность перемежалась косичками, какими-то верёвочками, камешками, пёрышками и чем-то ещё более непонятным. Одет он был в узкие потёртые штаны бурого цвета и такую же безрукавку, щеголяя при этом босыми ногами. В руках загадочный абориген держал вроде бы копье, но какое-то странное, похожее на подарок дикарям от современного человека. То есть, оно как будто было изготовлено не кустарным способом на коленке, как вся одежда аборигена, а на высокоточном современном оборудовании с микрометрической точностью.

Палкой своей тыкать, однако, он не спешил. Просто стоял, опираясь на неё, и внимательно нас рассматривал; без откровенной агрессии, со спокойным любопытством. Как патрульный на военной базе, задержавший вместо шпиона нерадивого грибника, случайно просочившегося на охраняемую территорию.

В конце концов абориген разразился серией рычаще-шипящих звуков. Где-то под шлемом тихонько мелодично тренькнуло, и из переговорного устройства, — о, чудо! — зазвучал синхронный перевод. Немного кривой, но вроде бы вполне ясный.

— Звёздные люди падают случайно? Звёздные люди заблудиться?

— Наш корабль утонул в камне, — хмыкнув, ответил Кварг, и умница-переводчик что-то прочирикал на незнакомом языке. В ответ незнакомец разразился длинной-предлинной речью, на протяжении которой переводчик молчал. А потом коротко и неуверенно булькнул:

— Где?

М-да. Перехвалила.

— Там, — плавным движением мужчина повёл рукой в ту сторону, откуда мы пришли. — Возле большой воды.

— Звёздные люди уходить домой сейчас.

— Не уходить, — захихикал в динамиках Кверр. — Там гроза уже очень близко, мы за вами сейчас не полетим.

Внутренние переговоры, к счастью, на внешние динамики не выводились, поэтому комментарий остался за кадром.

— Погода портится, гроза. Мы идти домой когда гроза кончатся, — сообщил Кварг.

— Звёздные люди два? — о чём-то немного подумав, спросил абориген.

— Два, — не стал спорить капитан.

— Два вместе? — уточнил бородач с несколько озадаченным видом.

— Вместе, — покладисто согласился Кварг.

— Два вместе один? — снова уточнил абориген. Причём даже механический голос переводчика последнее слово выделил интонацией; видимо, оно значило что-то важное.

— Не понимаю, — пару секунд подумав, решил не рисковать и не соглашаться на непонятные вопросы мой спутник.

— Летать два один? — тоже подумав, переспросил местный.

— На звёздах другие ждать. Другие забрать нас, когда кончится гроза, — неуверенно пояснил Кварг. Бородатый поморщился и качнул головой.

— Два вместе один?

— Слушай, может, он имеет в виду, что вы двое на одном корабле прилетели? Может, к ним просто уже кто-нибудь падал на одноместной шлюпке? — неуверенно предположила Ри.

— А, может, он буквально спрашивает? — возразила Пи. — Мол, что эти двое — один человек? Откуда мы знаем, как они тут живут и кто они вообще такие. Но лучше соглашайтесь.

— Солидарен. Даже если он вас в сожительстве обвинил, вряд ли согласие грозит большими неприятностями, чем отказ, — подал голос до сих пор молчавший Тимул.

— Пожалуй, — тихо хмыкнул Кварг. — Да, — обратился он к аборигену. — Мы — один.

Почему-то при этих словах незнакомец ощутимо подобрел. То есть, внешне это никак не выразилось, просто поза стала несколько более свободной; но изменение настроения я буквально почувствовала кожей.

Пока мы разговаривали, неоднократно помянутая уже гроза, похоже, подкралась к нам вплотную. Потому что наполненный шелестом и шумом лесной воздух вдруг разорвал пронзительный грохот, заставивший нас всех вздрогнуть и тревожно оглядеться.

— Огонь-вода рядом, — сообщил абориген. — Вы идти за мной, глубоко прятаться. Огонь-вода грозный лето, ветер лес ломать и жечь.

Мы, переглянувшись, без разговоров согласились. Надо думать, если местные тут живут давно, они имеют точное представление о грозах и знают, где от них лучше прятаться.

— Глюмова слизь, вот это светопредставление, — рассеяно хмыкнула Пи. — Вы там проводника своего поторопите, тут такое идёт!

— А подробнее? — недовольно уточнил Кварг. — Это же был «просто дождик»?

— Ураган с сильным ветром. Там воздух настолько электричеством напитан, что у меня аппаратуру замыкает, а она, между прочим, по всем описаниям электроустойчивая, — пояснила Птера, игнорируя сарказм капитана.

— Кстати, остальные идут с вами, развёрнутой цепью по лесу. Контролируют, надо думать, — вспомнил о возложенных на него обязанностях и Кверр. — Несколько только отсеялись, а остальные так и идут.

— Может, вам не стоит туда соваться? — осторожно предложила Ри.

— Нам вообще на планету соваться не стоило, — ехидно парировал Кварг. — А сейчас выбор небольшой, либо переждать шторм в лесу, либо пойти с ними. Раз уж совершать глупости, то все подряд. Я, может, только начал получать удовольствие от процесса, — фыркнул он.

— Ага, а мы тут сидим и завидуем! — возмутилась Пи.

— Вы смотрите уникальное кино в реальном времени с возможностью удалённого воздействия на реальность, — утешила её я. — Не знаю, что там начал получать Кварг, а мне это всё не нравится. Станные какие-то ребята. Вроде дикари дикарями, а вы их копыя видели? К тому же, «людей со звёзд» они явно неплохо знают, и относятся к нам как сельские жители к городским туристам: со снисходительным раздражением. То есть, мы тут наверняка не первые. А вот откуда взялись наши предшественники — это большой вопрос. А самый важный вопрос, это...

— Что с ними стало, — поддержал меня Тимул. — Все ли они спокойно улетели домой, или кого-то прикопали тут.

— Или не прикопали, а съели, — хмыкнула Ри. — Вы там лучше по сторонам внимательней смотрите; Ярь, осторожно, там яма какая-то подозрительная, ты лучше за Каром след в след иди. А эти ребята вроде и человеки, но кто знает, что у них в генном коде зарыто. Волосок у кого-нибудь оторвите потом на анализ, интересно же.

Тем временем мы как раз подошли к... видимо, убежищу. Выглядело это как сравнительно широкая нора у корней одного из деревьев.

— Я, ты, ты, — бородатый проводник сначала ткнул пальцем в себя, потом в нору, потом в меня, опять в нору, и потом уже на Кварга. Мы только кивнули; мол, очередность понятна, поползли потихоньку.

Правда, насчёт «поползли» я погорячилась. Абориген шёл, лишь чуть-чуть втянув голову в плечи, мне приходилось здорово сутулиться, но, в общем, тоже довольно комфортно. Хуже всего приходилось Кваргу, но тот стоически и молча терпел.

Между нами затесалась пара исследовательских зондов, направленных предусмотрительной Птерой. По счастью, они были крошечные, с ладонь размером, и тщательно замаскированные. Не настолько тщательно, как аборигены-невидимки, но тоже весьма неплохо, и местные не обратили на них внимания. Или — просто не обратили внимания, независимо от маскировки.

Недлинный лаз, ощутимо ведущий под уклон, вышел в небольшую круглую пещеру с точно такими же земляными стенами и свисающими с потолка корнями. У нас с Кваргом в шлемах присутствовали приборы ночного видения, а вот как ориентировался в окружающей темноте бородатый, было неясно.

— Половина половина, половина половина, — глубокомысленно изрёк он, остановившись на площадке.

— Чего? — озадаченно переспросил Кварг. Абориген терпеливо повторил то же самое. Не встретив на наших лицах ни толики понимания, перешёл на уже неплохо зарекомендовавший себя язык жестов.

— Половина — половина, — и кончик копыя попеременно указал на меня и какой-то лаз сбоку. — Половина — половина, — повторил он тот же жест в адрес моего спутника и другого лаза, ровно напротив моего.

— Мальчики налево, девочки направо, — захихикала Пи.

В этот момент из того лаза, в который следовало идти мне, вынырнула ещё одна человеческая фигурка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся женской. Новое действующее лицо было под стать своему сородичу: совсем уж крошечного роста, на голову ниже не самого высокого бородача, изящная, с такими же длинными волосами и в похожей одежде. А подробно её рассмотреть не позволяли приборы, не рассчитаны они на такое.

Несколько секунд аборигены о чём-то экспрессивно разговаривали (или не экспрессивно, а просто очень быстро), после чего женщина хорошо понятным жестом всплеснула руками, выражая раздражение. Потом, опять же обеими руками, отмахнулась от каких-то возражений бородача и, прихватив меня тоненькой ладошкой за запястье, потащила в нору.

Сопротивляться я не стала; в конце концов, местность я запоминала прекрасно, обратный путь нашла бы без труда, а напарник вместе с базой оставался на связи.

Этот ход оказался несколько длиннее предыдущего, да ещё ко всему прочему мы миновали несколько развилок и перекрёстков. В итоге путь привёл нас в очень живописное местечко; это было подземное озеро, окружённое какими-то светящимися лишайниками. Пейзаж был невероятно красивым, будто северное сияние замерло и растеклось по стенам и полу.

— Долгая дорога, в конце — вода, — непререкаемым тоном заявила женщина, показывая ладонью на озеро.

— Я чистая, — попыталась возразить я.

— Надо, — строго сказала она, качнув головой.

Я на несколько секунд замешкалась, задумавшись. А потом всё-таки решительно принялась разоблачаться. Правда, не до конца; расставаться с разгрузкой я была категорически не согласна.

— Снять, — очень удивлённо глядя на меня, моя проводница указала пальцем на плотные эластичные ремни.

— Нет. Если снять, умирать долго и больно, — пояснила я, закрепляя возле уха блестящий плоский диск переводчика. Собеседница в совершеннейшем недоумении нахмурилась.

— Амулеты?

— Да, — не стала спорить я. Похоже, такое объяснение её устроило, и, стянув одежду, хозяйка первая подала пример и полезла в воду, оказавшуюся очень тёплой.

— Ты и тот — один? — спросила она, отодвинувшись к краю довольно мелкой, мне по пояс, купели, и натирая кожу лежащей прямо здесь грязью. Экспресс-анализатор, выглядевший как широкий браслет на моём запястье, сначала подтвердил безопасность воды, а потом дал добро на обтирание.

К этому вопросу я уже была готова, поэтому спокойно ответила:

— Да, один.

— Хорошо, — благосклонно кивнула она, явно довольно ответом.

— Почему? — уточнила я.

— Правильно, — собеседница пожала плечами.

— Почему неправильно, если я и он — не один?

Она нахмурилась и задумалась, видимо, пытаясь сообразить, что я имею в виду.

— Женщина со звёзд — плохо, — наконец, резюмировала она. — Если женщина со звёзд один с мужчиной со звёзд — хорошо.

— Почему женщина со звёзд без мужчины со звёзд — плохо? — продолжила допытываться я.

— Давно, — после короткого раздумья, со вздохом изрекла она. Несколько секунд помолчала, после чего всё-таки печально продолжила. — Давно падать женщина со звёзд. Красивая. Мужчины спорить, много умирать, — добавила она ещё печальней. — Долго

спорить, потом женщина убивать.

— А мужчина со звёзд без женщины — плохо? — любопытствовала я.

— Плохо, — кивнула она. — Наши женщины спорить. Мужчина со звёзд сильный, красивый. Мужчины убивать.

На этом разговор наш затих, и я активировала переговорное устройство ближней связи.

— Кар, приём.

— Всё в порядке? — мгновенно среагировал он. Видимо, тоже когда-то успел его нацепить. Тоже что ли разделся?

— Да, вполне, меня вот купают.

— Да, меня тоже в воду загнали, угрожая копьём, — хмыкнул напарник.

— Слушай, ответ про то, что мы с тобой «один» оказался правильным, — поспешила обрадовать его я и поделиться свежей информацией. — Мы тут немного посплетничали; Тимул угадал. В смысле, это «один» означает что-то вроде замужества. А хорошо это потому, — поспешила продолжить я, не давая возможности вставить ехидный комментарий, — что «люди со звёзд» у них тут пользуются бешеной популярностью. Как мне пояснили, была тут одна девица, из-за которой все передрались, убили кучу народу, а потом в конце концов решили и её убить, чтобы соблазна не было. И с одинокими мужиками что-то подобное происходит.

— М-да, — хмыкнул в ответ Кар. — Забавные традиции, ничего не скажешь. Не отключай связь, пусть лучше разговаривает в фоновом режиме.

— И не собиралась даже, — почти возмутилась я. — Так, меня тут требуют, погоди.

Пока мы разговаривали разговоры, меня попытались лишить защитного костюма и подсунуть вместо него местную жилетку со штанами. Пришлось немного поругаться, но в итоге собственную одежду я отстояла, даже отстояла возможность надеть её обратно. Хотя, кажется, проводница посчитала меня редкостной неряхой.

После мытья мы опять куда-то пошли, и довольно скоро выбрались в ещё одну просторную пещеру. Здесь было довольнолюдно, я насчитала четырнадцать человек аборигенов, а ещё имелось такое же слабое освещение, как в купальне.

Все сидели на земле на каких-то подушках вокруг дощатого настила, уставленного непонятными плоскими. Проводница опять ухватила меня за запястье и, провожаемая любопытными взглядами мужчин, подтащила к монументально возвышающемуся среди аборигенов Кваргу. После чего повелительно ткнула в напарника пальцем и, подавая пример, под села к соседу капитана. Точнее, устроилась прямо перед ним и чуть боком, между его коленей. Я артачиться не стала; не самая худшая альтернатива расстрелу.

— Двигайся, расширенный мой, — фыркнула я, перешагивая через ногу Кварга и прикидывая, как бы половчее угнездиться.

— Почему расширенный? — озадаченно уточнил он, пододвигаясь.

— Потому что есть такое понятие — суженый. И ты явно не он, — захихикала я, устраиваясь на плоской жёсткой подушке.

Стоило мне произвести данный манёвр, как остальные присутствующие потеряли к нам обоим всякий интерес.

— Смотри-ка, и правда работает, — качнул головой Кварг. — Давай сюда, — он забрал у меня из рук шлем и пристроил рядом со своим, лежавшим у него за спиной и до сих пор мной не замеченным. После чего, глянув на что-то тихонько воркующую между собой парочку рядом, решительно подгрёб меня вместе с подушкой поближе, так что моё плечо

упёрлось ему в грудь.

— Вы там не увлекайтесь, — захихикал из динамика Кверр. К несчастью, прибор связи с кораблём находился не в шлеме, а в его основании, внутри защитного костюма.

— Зависть — низкое чувство, — наставительным тоном ответила Пи. — Мы тут, кстати, решили на ночь разделить вахты. Сейчас мы с Кверром вас пасём, потом Ридья с Тимулом сменят. На всякий случай.

— Это вы правильно догадались, — одобрительно хмыкнул Кварг.

— Интересно, спать вас тоже вместе положат? — не унимался младший.

— Малыш, поищи в памяти корабля, там не может не быть порнухи, — устало вздохнул Кар.

— Да ну, так не интересно. Там участники на комментарии не реагируют, — расхохотался он.

— Это, между прочим, психическое отклонение, ты в курсе? — поинтересовалась я. — Вуайеризм называется.

— Скучные вы. Не задорные, — притворно вздохнул Кверр. Мы переглянулись, и Кварг молча пожал плечами; мол, что тебя удивляет!

Я нервничал. Причём нервничал — это слабо сказано; я с ходу не мог вспомнить случая, когда мне было настолько же не по себе.

Мне категорически не нравилось происходящее. Именно своей безобидностью, умиротворённостью и благолепием. Мирные аборигены, чистая пригодная к употреблению вода, съедобная (и даже вкусная) пища... Я ждал подвоха, и ничего не мог с собой поделаться. Мне не давала покоя навязчивая мысль о неправильности происходящего.

Мы не должны были высаживаться на планету. Мы не должны были идти куда-то с непонятными зелёными аборигенами. Мы не должны были у них купаться и ужинать. Мы, в конце концов, не должны были оставаться на ночлег в этих пещерах.

Если с самого начала всё идёт хорошо, то это очень плохо. Это означает, что дальше ждёт какая-то грандиозная, просто феерическая подстава. Исключения из данного правила порой случались, но крайне редко и по мелочам, и их наличие совсем не успокаивало.

Одно радовало, спать нас с Яроникой действительно уложили вместе. Но радовало это не из-за приятности подобного времяпрепровождения, а сугубо из утилитарных соображений: так было удобнее и драться, и отступать.

То есть, нет, не одно. Ещё несказанно порадовала внезапно проклюнувшаяся сознательность экипажа, догадавшегося непрерывно приглядывать за нами всеми доступными средствами.

Дёргаться было бесполезно; по сведениям свыше, снаружи всё ещё бушевала гроза, и пока даже не планировала идти на убыль, обещая затянуться до утра, а то и дольше. Вот только задремать я физически не мог. Лежал на спине, вглядывался в темноту и нервно прислушивался. Тишину нарушало только мягкое дыхание чутко дремлющей рядом Яры.

Где-то к середине ночи я совершенно извёлся, и тревога моя достигла апогея. От того, чтобы вскочить и прямо сейчас отправиться наружу, и плевать на непогоду, я удерживался только силой воли. Может быть, зря, и надо было довериться собственному жизненному опыту, и сбежать отсюда, пока не поздно...

В какой-то момент в тишину вплёлся лёгкий едва уловимый гул, сопровождающийся такой же еле заметной вибрацией.

— Что это? — очень тихо спросила Яра.

— Видимо, оно самое, — в том же тоне ответил я. Женщина плавно и бесшумно перетекла в сидячее положение, нащупывая в изголовье шлем, и я последовал её примеру. — Предлагаю всё-таки потихоньку выбираться на поверхность, или хотя бы поближе к ней. Ненавижу тупики, а мы сейчас именно в нём.

— Поддерживаю, — шепнула она. — Сваливаем.

— Кверр, ты тут? — обратился я к группе поддержки.

— А? Да тут мы, тут, — откликнулся он после небольшой паузы. — Что за паника?

— Мы решили понемногу отступать. Что там за периметром?

— Хм. Буря, похоже, потихоньку отползает в сторону, так что через час-другой можно будет...

— Вот глюм! — перебил его тихий возглас Пи. — Смотри!

— Ох... — Кверр поддержал её куда менее цензурным выражением.

— Что там? — раздражённым шёпотом рявкнул я. Мы в это время уже осторожно

кralись по коридорам.

— Я даже не знаю, что тебе на это ответить, — вздохнула Птера. — Короче, у местных какая-то сходка. Здесь, в глубине, есть большая пещера, заполненная корнями какого-то дерева. И вот эти ребята все сидят в этой пещере, оплетённые этими самыми корнями, причём похоже, что корни в них не то врастают, не то просто втыкаются; некоторым пролезают в естественные отверстия организма... в общем, зрелище мерзопакостное. И вся эта масса монотонно что-то мычит на одной ноте и мелко трясётся, как будто их током бьёт.

— Короче, шевелитесь быстрее, — резюмировал Кверр. — Минут через двадцать нас сменят Ридья и Тимул, а мы с Пи попробуем вас вытащить. Стоять! — вдруг резко скомандовал он. Мы с Ярой послушно замерли в тех позах, в каких находились. — Видишь, корни сверху свисают? Не трогайте их. Очень похожи на те, что в зале. Может, конечно, это просто совпадение, но лучше не рисковать. Так, и шустрее, они, кажется, просыпаются.

Некоторое время мы на полусогнутых скользили в полной тишине. Недолго, не больше пары минут, но по ощущениям прошла бездна времени. Предчувствие беды было почти материальным; оно висело в воздухе, как горький запах близкой грозы.

— Налево, — тихо прозвучал голос младшего в динамиках. — Они выползли из своей норы и, похоже, хотят вас отрезать от знакомого выхода. Но там есть ещё один. Направо! Сейчас, немного осталось. Что за...?

Это было последнее, что я услышал. Точнее, нет, не последнее; последним был шелест вдруг потёкшей куда-то вниз земли. Последнее же, что я успел сделать, — подхватить вскрикнувшую рядом от неожиданности Яру.

А потом совершенно неожиданно навалилась кромешная темнота забвения. Тем более странная, что не было ни ожидаемого удара, ни боли, ни удушья.

Вот кто бы мне объяснил, почему старший всегда бывает прав?

Нет, что идея посадить на незнакомую планету корабль и пойти гулять всей толпой была полным бредом, я и сам быстро понял. Думаю, понял бы, даже если бы не высказался старший. И все остальные бы тоже поняли. Это было просто какое-то временное массовое помутнение, что-то вроде «зова приключений». Эйфория от резких и неожиданных перемен в жизни, которой оказалась подвержена даже рассудительно-спокойная Ри и совсем уж далёкий от авантюриности Тим.

Не подействовали чары свободны только на Яру, что меня искренне удивило; уж она-то как раз производила впечатление человека рискованного и бесшабашного, чего стоил один этот маршрут на Землю. Ну, и Кварга, да.

Вообще, глядя на него теперь, я всё никак не мог поверить, что это тот самый человек, которого я помнил, особенно по детским впечатлениям. Когда он на меня ругался в мусорном коллекторе, это было знакомо и понятно, тогда он был похож на себя. А сейчас это был какой-то совершенно чужой человек; спокойный, сдержанный, рассудительный. В пору радоваться, что из меня так и не получился Неспящий, а то превратился бы я в такого же правильного, но катастрофически занудного типа. И непонятно, не то старший действительно так изменился с возрастом, не то подобное поведение просто вошло в привычку.

Впрочем, то самое так бесившее меня свойство, — быть всегда правым, — имелось у него столько, сколько я его помнил, и теперь никуда не делось.

Начать хотя бы с потери шлюпки. Кто мог предсказать, что твёрдый надёжный камень вдруг превратится во что-то, здорово напоминающее гигантскую амёбу, и сожрёт корабль? Причём сделает это не сразу, а через пару часов. Последнее удивляло больше всего: чего оно ожидало?

Потом ещё эти зелёные аборигены, и снова Кварг оказался прав; уже хотя бы в том, что взял с собой не меня, а Яронику. Да, пусть в этом случае имело место совпадение, а не личные заслуги старшего, но это всё-таки тенденция. Нам бы двоим пришлось за жизнь сражаться, а семейную пару приняли вполне мирно.

А уж странное состояние сросшихся с каким-то деревом аборигенов и вовсе заставило поминать прозорливость Кара нецензурными словами. Не было это нормально, и хоть немного понятно не было, а было очень противно и даже жутковато. Если поначалу мы были свято уверены, что аборигены — это люди, возможно, такие же потомки колонистов, какими были мы, то после такого зрелища мы окончательно перестали понимать, что они такое есть. В общем, опять Кварг с его паранойей угадал. Духи бы его побрали, умного такого!

А потом духи его действительно побрали. И при виде того, как земля складывается в водоворот и затягивает в собственные недра людей так, как за несколько часов до того камень сожрал шлюпку, я почувствовал... боль? Страх?

На несколько секунд я, да и Птера тоже, впали в ступор. Это было неправдоподобно, невозможно и совершенно неправильно. Кварг, — непрошибаемый, умный, практически неуязвимый и идеальный Кварг, — вдруг на ровном месте исчез в земле, и пол коридора бесшумно сомкнулся над его головой подобно морским водам.

— Стой, Кверр! — я очнулся уже на пороге рубки от того, что на мне, обхватив сбоку

поверх локтей, висела Птера. С трудом справившись с порывом просто стряхнуть девчонку и спокойно пойти дальше, — она ведь ничего бы не смогла мне в таком случае противопоставить, — я раздражённо процедил:

— Я должен...

— Да стой же ты, и подумай! — зло окликнула она меня, после чего торопливо заговорила: — Не сейчас! Прямо сейчас мы ничем не можем им помочь, сейчас мы можем только сами угробиться! Если они живы, то несколько часов ничего не изменят — у них есть питательные капсулы, и воду они сумеют найти, там её много. А если они попали куда-то, где нет воздуха, мы просто не успеем туда долететь. К тому же, как ты планируешь их искать? Копать в этом месте? Кверр, надо спокойно сесть и подумать, ты же знаешь! Мы и так уже сгруппировались с этой планетой, зачем давать Кваргу ещё один повод над собой насмеяться? Успокойся и возьми себя в руки!

Я со вздохом поморщился и кивнул, остывая и пытаюсь последовать полезному совету. Птичка тысячу раз была права. Ничем я им сейчас помочь не смогу, только сам вляпаюсь по уши.

Почему-то в то, что старший вот так безвестно и глупо погиб, категорически не верилось. Разум подсказывал, что это самый вероятный исход, что шансов выжить у них было ничтожно мало, и чем бы ни было то, что их утщило, оно вряд ли сделало это просто так. Вероятнее всего, их таким образом что-то съело. Что-то, похожее на ту скалу, проглотившую шлюпку.

Но признать поражение с ходу, не попытавшись побороться и что-то выяснить, я был не готов.

— Что случилось? — встревоженно проговорила Ри, входя в рубку. — Кверр? Да на тебе лица нет!

— Кар и Яра влипли в какую-то неприятность. Мы потеряли с ними связь, — ответила Пи, продолжая меня удерживать. Мне подобное положение вещей быстро надоело, так что я, легко высвободив одну руку, уже сам обнял женщину.

Надо было видеть её глаза в этот момент. Кажется, отлавливая меня, она задуматься не успела, а вот сейчас вдруг осознала, в каком положении оказалась.

— Пусти! — разъярённой кошкой прошипела она, выворачиваясь из-под моей руки. — Никогда больше не буду тебя спасать! — пригрозила Птичка.

— Я понимаю, что вам сложно друг от друга отвлечься, но, может, вы всё-таки объясните толком, что произошло? — ехидно уточнил Тимул. Пи вспыхнула до корней волос, причём я так и не смог определить, от смущения она это сделала или от возмущения; с этими рыжими всегда так.

— Они провалились сквозь землю, — мрачно пояснил я. Напоминание о последних событиях быстро избавило меня от желания веселиться. Да и Птера стремительно вернулась к естественному цвету лица.

Мы быстро пересказали новопривывшим последние события, продемонстрировали записи поведения аборигенов и исчезновения наших.

— Погоди-ка, — вдруг проговорила Ри, пристально вглядывавшаяся в изображение. — Ну-ка, повтори в замедленном режиме, и вот здесь увеличь, — велела она, указывая пальцем на край будущей воронки. — Ага! — удовлетворённо воскликнула она. — Видели?!

— Нет. А что мы должны были увидеть? — за всех ответил Тимул.

— Там же люк! Вот, смотри. Земля раздаётся в стороны, закручивается водоворотом...

вот, вот оно; тут же явно дырка, и металл блестит! А запись исчезновения шлюпки у нас есть? Что-то мне подсказывает, это из одной серии события!

Как всё-таки хорошо, что у нас есть глазастая Ри. Я, наверное, в жизни бы не заметил того, на что она указывала. Это даже при замедленном показе было трудно заметить; у меня например получилось, только когда картинка была остановлена, и Ридья просто ткнула пальцем в нужное место. И то я не был до конца уверен в том, что именно вижу.

Но наличие люка вселило определённый оптимизм, даже если его там на самом деле не было, и всё это было плодом нашего воображения и нежелания верить в смерть. Теперь оставалось понять, чем нам может помочь данное открытие, и определиться, с чего именно начинать поиски пропажи.

Было тяжело дышать. Причём не так, будто вокруг было мало воздуха, а так, как будто меня завалило камнепадом где-нибудь в горах.

Мысль о камнепаде заставила побороть естественный порыв пошевелиться и попытаться для начала сообразить, где я нахожусь и что происходит в окружающем мире. Последнее, что я помнила, это побег, окончившийся очень странно: земля под ногами вдруг перестала держать и водоворотом потащила куда-то вниз. Потом была темнота. Которая сейчас, кстати, никуда не делась.

Проверив мысленно своё состояние, я удовлетворённо отметила целостность организма. Да и тяжесть, как оказалось, лежала не на всём теле, ноги у меня были совершенно свободны. Дальнейший осмотр показал, что за камнепад я приняла своего напарника, возлежавшего сейчас на мне всем своим немаленьким весом.

— Кар? — осторожно позвала я, не торопясь скидывать мужчину. Мало ли, что он мог себе сломать в процессе падения!

Я легонько потеревила его свободной левой рукой за плечо. В ответ на это Кварг вздрогнул, приходя в себя, что-то раздражённо процедил сквозь зубы и приподнялся, явно пытаясь оглядеться.

— И где мы? — мрачно поинтересовался он, осторожно садясь рядом со мной. Тьма была такая, что даже приборы ночного видения не спасали; так что о том, что Кар сел, я догадалась только по изменению направления звука. Я тоже села, с наслаждением вдыхая воздух полной грудью, и на всякий случай нашарила рядом локоть мужчины. Не хватало нам тут ещё потерять друг друга, где бы мы ни были.

— Одно радуется, мы живы, — философски вздохнула я. — Ты не помнишь, тут в комплект фонари входят? — свободной рукой обшаривая карманы одежды и гнезда разгрузки, уточнила я.

— Входят, по-моему, — не слишком уверенно ответил он, судя по всему, тоже занятый поисками. — А, вспомнил. Встроенный, на шлеме; включается на левом запястье, — и по глазам ударил яркий холодный белый свет.

Несколько секунд мы потратили на привыкание к наличию освещения, после чего, проморгавшись, принялись озираться.

Это был коридор. Обычный такой, довольно широкий коридор, и самым удивительным в нём был факт его наличия. Стены, пол и потолок были сделаны из материала, похожего на камень или бетон: серебристо-серый, чуть шероховатый, с тонкими почти белыми прожилками, без стыков и неровностей. Коридор этот тянулся влево и вправо настолько, насколько хватало луча фонаря, и разницы между «право» и «лево» я не видела.

— Ну, что, поделимся? — невозмутимо предложил Кар.

— Ты вот это сейчас серьёзно предложил? — озадаченно уточнила я, борясь с желанием стянуть с Кварга шлем и пощупать его голову на предмет травмы или жара.

— Нет, у а что? Надо быть последовательными. В том числе, в собственном идиотизме, — ехидно продолжил он. — Ладно, пойдём, — он махнул рукой и двинулся по коридору.

— А почему сюда, а не в ту сторону? — полюбопытствовала я.

— А какая разница? — опешил мужчина.

— Вот мне потому и интересно, что разницы никакой, — вздохнула я. — Что это может быть, как ты думаешь?

— Понятия не имею, — с неприязнью в голосе ответил он. — Ну-ка, давай лучше так, — он поймал меня за руку и пояснил. — На случай ещё каких-нибудь проблем.

— Кстати, ты обратил внимание, что там, где мы упали, не было земли? Причём совсем не было; она как будто разошлась, позволяя упасть нам, а потом вся вернулась на место.

— Или там стоял какой-нибудь фильтр, который пропускает только крупные объекты, — отмахнулся от меня Кар. — Я бы предпочёл сначала выбраться, прежде чем строить гипотезы.

— Ну, до этого светлого мига ещё дожить надо, а говорить можно и на ходу, — озадаченно возразила я. Потом, наконец, догадалась о причинах столь странной речи мужчины: — Ты злишься что ли? На кого?

— На ситуацию в целом, — через пару мгновений раздумий отозвался мужчина. — Духи бы побрали этих идиотов, возжелавших совершить экскурсию на незнакомую планету!

— Кар, ты несправедлив к ребятам, — совсем уж растерянно возразила я. — К тому же, идти тебя никто не заставлял, ты вполне мог всех построить и никого никуда не пустить. А если пошёл, значит, самому интересно было. Я не понимаю, на что ты злишься?

— А я не понимаю, почему ты так спокойна! — рыкнул он, резко останавливаясь и оборачиваясь ко мне. — Да сними ты уже этот шлем идиотский, в глаза бьёт! — рывкнул Кварг, сам подавая пример. Я на всякий случай поспешила послушаться; уж очень странно вёл себя мужчина.

— Я спокойна потому, что ничего объективно непоправимого не случилось, — терпеливо пояснила я, не повышая голоса. — Если сюда можно войти, значит, отсюда можно выйти, это, во-первых. Во-вторых, это место явно строили какие-то высокоразвитые существа, а не вросшие в местные цветы дикари, и это тоже повод для радости. В-третьих, мы живы, и нас пока никто даже не пытается убить, так что тем более не о чем волноваться.

В ответ Кварг бешено прорычал длинное заковыристое ругательство, нависая надо мной и явно с большим трудом подавляя желание свернуть мне шею.

Выглядел мужчина странно и жутковато, особенно в рассеянных отсветах фонаря. Лицо искажено и буквально перекошено злобой, ноздри хищно раздуваются, и взгляд такой... мёртвый.

Назвать нормальным подобное поведение привыкшего к спокойной сдержанности Кара я не могла при всём желании. Может, он и правда ударился, может — это и вовсе были не его мысли. Как бы то ни было, поиски причин могли подождать, сначала надо было как-то успокоить и переключить его на конструктивный лад. Ведра воды у меня, к сожалению, при себе не было. Бить его мне и так-то в страшном сне не могло присниться, а в таком состоянии он бы меня точно в ответ убил парой ударов.

Решение нашлось спонтанно, и было оно не сказать чтобы оригинальным, но зато безобидным и, главное, вполне могло помочь. И совсем даже не потому я о нём подумала, что давно уже очень хотела это сделать! Просто... читала где-то.

Я медленно, чтобы мои движения ни в коем случае нельзя было принять за агрессию, подалась вперёд. Точно так же спокойно и медленно провела ладонью по груди мужчины, игнорируя и пересекающие её ремни разгрузки, и тот факт, что вряд ли сквозь ткань защитного костюма можно это самое прикосновение почувствовать. Мне ведь нужно было просто отвлечь его и не дать заподозрить себя в нападении, так что и этого было вполне

достаточно. Хотя почему-то показалось, что моей собственной ладони от этого прикосновения стало горячо. Память тела? Или просто галлюцинации?

Не отвлекаясь на второстепенные рассуждения, я, опираясь на его плечо и прижимаясь всем телом, поднялась на цыпочки, с трудом дотягиваясь до подбородка мужчины. Аккуратно дотронулась губами нежной кожи под челюстью, медленно и осторожно провела языком...

Через пару секунд требуемая реакция всё-таки последовала. С громким тяжёлым стуком упал на пол шлем, и руки мужчины сомкнулись на моём теле; одна обхватила за талию, вторая — крепко стиснула ягодицу, прижимая мои бёдра к его, а губы ответили на поцелуй, — жадно, требовательно, даже почти грубо.

Кхм. Одно могу сказать точно, в прежнее моё с ним знакомство Кварг откровенно халтурил. Во всяком случае, вот так он Ньяру, определённо, не целовал. Может, если бы поцеловал, я бы и задержалась у него подольше, и не спешила бы сыпать снотворное в вино?

Всё, теперь я окончательно верю, что в прежние годы он был феерическим бабником. Целоваться он, бесспорно, умел великолепно; чувствовался огромный опыт. Настолько великолепно, что по телу очень быстро разлилось знакомое приятное тепло возбуждения, а в голову забрела шальная мысль, что, может, это не настолько уж неудачное место для претворения в жизнь моей почти что навязчивой идеи?

Я из собственной бурной биографии с ходу могла выудить только трёх человек, способных вот так же одним-единственным поцелуем полностью снести крышу. Первым был один из преподавателей в учебке, который, собственно, это самое искусство соблазна и преподавал (у Дочерей очень разносторонняя подготовка). Потом ещё была сама Ньяра, помогавшая мне готовиться к заданию. Ну, а имя третьей я попросту не знала; это была такая же высококлассная куртизанка, как сама Ньяра, и с ней вдвоём нам довелось провести бурную ночь в компании одного богатого промышленника.

К счастью, решать проблему несоответствия сиюминутных желаний требованиям здравого смысла мне не пришлось. За меня её решил Кварг, прерывая поцелуй. Я, честно говоря, не смогла сдержать разочарованного вздоха; как было бы всё просто, если бы он сейчас не удержался. Можно было найти себе такое замечательное и убедительное оправдание «это не я!»...

Мужчина тем временем крепко меня обнял, стиснув обеими руками мои плечи.

— Хорошая тактика, — тихо хмыкнул он.

— Теперь-то ты себя нормально контролируешь? — на всякий случай уточнила я.

— Теперь мне совсем другое приходится контролировать, — насмешливо фыркнул Кар. — И я бы не сказал, что это проще. Но зато теперь мне ещё больше хочется отсюда выбраться и выяснить, наконец, чего я лишился в нашу первую встречу по вине твоего снотворного.

— «Наконец»? — иронично хмыкнула я. Да неужели?

— Если честно, я постоянно возвращаюсь мыслями к этому вопросу с того момента, как увидел тебя в двигательном отсеке, — весело отозвался он, выпуская меня из объятий и наклоняясь за шлемом, после чего принялся прилаживать элемент одежды на место. Я, опомнившись, тоже вернула шлем на голову. — Точнее, не совсем тебя, а торчащую из двигателя часть, — и он игриво шлёпнул меня пониже спины.

Я настолько опешила от подобного поступка, что даже не успела никак отреагировать на подобное безобразие. А потом Кварг уже поймал мою руку и потянул меня дальше по

коридору, и драться было уже поздно.

— Ты точно сейчас нормально себя чувствуешь? — подозрительно уточнила я. — Твоё нынешнее поведение кажется мне не более естественным, чем недавняя злость.

— Не знаю, — через несколько секунд молчаливой задумчивости откликнулся он. — Злость тоже не была внушённой. Просто сложно контролировать эмоции. Очень сложно. Для этого надо крепко задуматься и сосредоточиться, а какие-то рефлекторные порывы и вовсе невозможно сдерживать. Так что, можно сказать, я именно сейчас веду себя естественно по сравнению с тем, что было прежде. Даже, наверное, слишком естественно.

— Не нравится мне это, — проворчала я. — У меня-то такой проблемы нет. Тебе не могли что-нибудь подмешать?

— Тебе только это не нравится? — язвительно уточнил он. — По-моему, это наименьшая из наших проблем!

— Кхм, — кашлянула я, пытаюсь спрятать за этим смех. — Всё относительно.

— То есть, тот факт, что... — начал он всё тем же тоном, потом осёкся. — Извини. Духи поберите, что бы это ни было, оно мне надоело.

— А ты, оказывается, пренеприятный тип! — хихикнула я. — Или это выходит всё, что сдерживалось несколько лет?

— А я откуда знаю?! — буркнул мужчина. — Духи! — процедил он. — Давай лучше молчать.

— Угу, — согласилась я, все силы направляя на то, чтобы не захихикать и взять себя в руки. Если у Кварга на поверхность вылезло раздражение и злость, то мне невероятно хотелось смеяться. Смешным казалось решительно всё, начиная с фонаря на макушке шлема и заканчивая поведением Кара. Тоже, мягко говоря, странная реакция...

В тишине мы шли довольно долго. Коридор тянулся и тянулся, серый и однообразный, прямой как лазерный луч. Мысль о том, что мы движемся по кругу, забредала мне в голову не раз и не два, и от этого мне тоже было смешно. Что, однако, не мешало мне порой проверять нашу траекторию по приборам и убеждаться, что мы действительно идём строго по прямой.

Путешествие закончилось также внезапно, как и началось. Только что мы шли, и лучи фонарей выхватывали впереди всё тот же бесконечный тёмный коридор, и вдруг — ап! — мы стоим едва не посередине залитой солнечным светом комнаты.

Оружие оказалось в руках прежде, чем мы успели оглядеться. Да и оглядывались мы уже стоя спина к спине; и то, что мы вокруг видели, вызывало желание попытаться протереть глаза и ущипнуть себя.

Стены довольно небольшой квадратной комнаты были сделаны из того же материала, что и коридор. В окна, — а их было много, и располагались они по всему периметру комнаты, — лился яркий солнечный свет, но ничего рассмотреть через них не получалось: свет слепил.

Коридора за нашими спинами больше не было. Да в комнате вообще ничего, кроме окон, не было, — ни дверей, ни лестниц, ни люков. В общем, никакого входа, равно как и выхода.

Единственное, что в комнате было, это мы, табуретка посередине и на этой табуретке... девочка. Причём я готова была поклясться, что буквально секунду назад её там не было.

Девочка была похожа на человека даже больше, чем местные аборигены. В серебристом комбинезоне, с собранными в две косички тёмными волосами, серьёзными серыми глазами;

ей в лучшем случае было лет десять. Ссутулившись, она сидела на табуретке, обхватив сиденье ладонями, и исподлобья смотрела на нас.

Я на какое-то мгновение почувствовала себя редкой дурой, — стою с оружием наготове перед ребёнком, — но желания изменить позу не возникло. В последнюю очередь я бы подумала, что то, что выглядит человеческим ребёнком, им и является на самом деле.

— И что мне с вами делать? — тихо, с философскими нотками поинтересовалась, наконец, девочка. Что характерно, поинтересовалась на нашем языке без малейшего акцента. Вопрос был явно риторический, и я предпочла промолчать.

— Кто ты? — напряжённо уточнил менее сдержанный в настоящее время Кар. Девочка в ответ недовольно скривилась, тряхнув головой, и ещё несколько секунд молча сверлила нас взглядом.

— Ладно, садитесь, поговорим, — устало вздохнув, она махнула рукой. И рядом с нами появились две табуретки, такие же, как у неё. — Да садитесь, садитесь, в кого вы тут стрелять собрались? В меня? — она цинично усмехнулась, что жутковато выглядело на миловидном детском личике. — Нет, ну, конечно, можете попробовать, но результат вам не понравится.

Мы замерли, не зная, что предпринять. Стрелять в существо, обладающее такими возможностями, — плохая идея. Мирно садиться на стульчик, чтобы поговорить, — тоже не весть какой умный поступок.

В итоге решение принял Кар. Не убирая оружия, он осторожно опустился на низкий для его роста стул, — табуретка и мне оказалась низковата, а Кварг всё-таки на голову выше. Я последовала его примеру.

— Ладно, что вы сами предлагаете? — уточнила девочка.

— У нас недостаточно информации, чтобы что-то предлагать, — хмыкнул Кварг. — Кто ты? Где мы? Как мы сюда попали? Что это был за коридор, и что это, опять-таки, за место?

— Коридор, — со вздохом пробормотала девочка, почему-то уцепившись именно за этот вопрос. — Мне надо было подумать. Но я так ничего и не придумала, поэтому решила с вами поговорить. Где вы — тем более неважно. Можете считать, что этого места вообще нет: я его именно для разговора сделала. А ваша судьба... Мне надоело, что вы постоянно падаете мне на голову! — раздражённо фыркнула она. — Один за одним. Не успела с одной кучей разобраться, одиночки посыпались. Что вы за существа такие, люди? Что вам на своей планете не сидится?! — девочка покачала головой.

— Мы здесь вообще-то случайно, — неуверенно подала голос я. — И если вы нас отпустите, мы сразу же улетим. Мы в этом месте остановились исключительно по необходимости.

— А ко мне зачем полезли? — неприязненно уточнила она.

— По дурости, — фыркнул Кар. — Причём не нашей, а тех, кто на орбите остался. И если мы отсюда не улетим, они скоро тоже упадут тебе на голову.

— А если вы улетите, то расскажете своим, и мне придётся ещё пачку ваших сородичей как-то усваивать, — махнула рукой девочка. — Я поэтому и в задумчивости.

— А если мы пообещаем никому не говорить о твоей планете? Мы вообще путешественники, у нас... сородичей больше нет, которым мы могли бы о чём-то рассказать, — предложила я.

— Верить людям? — она наморщила нос. — Плохая идея.

— Ну, вы, наверное, можете заставить нас забыть о происшедшем тут. И вообще о

существовании этой планеты.

— Если бы всё было так просто! — буркнула она. — Не могу. Слишком сложно, я так до конца в вашем мозге и не разобралась.

— Значит, нас проще всего убить? — иронично уточнил Кварг.

— Не проще, — огрызнулась она. — Вот за это я вас, людей, и не люблю: самое простое решение проблемы в вашем понимании — уничтожить её. Что-то непонятно — уничтожить, что-то мешает — уничтожить. Нормальные существа приспособливаются, а вам лишь бы уничтожить! — заключила она раздражённо, и замолчала.

— И всё-таки, кто вы? — через несколько секунд я рискнула нарушить тишину, потому что собеседница наша плотно погрузилась в задумчивость.

— Я? — озадаченно переспросила она. — Я... естественное население этого мира, — осторожно подбирая слова, не слишком уверенно заключила девочка. — Кажется, у вас это называется так.

— А почему вы выглядите... вот так? Вы ведь не человек?

— А как мне ещё с вами разговаривать? — недовольно хмыкнула она. — В вашем понимании у меня облика нет, а вы по-другому общаться не умеете, кроме как словами. Мои-то люди уже с горем пополам научились, ещё через пару десятков поколений я их окончательно адаптирую, а с вами, пришлыми, тяжело. В вашем представлении я выгляжу... как планета, наверное.

— То есть, вы — разумный мир?! — я даже подалась вперёд от восторга. — С ума сойти! Я в книжках такое встречала, но чтобы это действительно было возможно?!

— Да вы, люди, разум ни в чём не заметите, пока он сам с вами не заговорит на понятном вам языке, — отмахнулась девочка. — Все миры, на которых есть что-то живое, разумны. И те, на которых жизни нет, кстати, тоже. Просто кому-то хватает сил и воли жить так и не опускаться до создания мелких разумных, а кому-то нет. Я, можно сказать, один из выдающихся в этом вопросе миров, я вас ассимилировать научилась. опытом пробовала поделиться, но никому это не интересно.

— А вы между собой тоже умеете общаться? — машинально уточнила я.

— Конечно, — она пожала плечами. — С вами сложнее общаться, чем со всеми остальными. Вы... недоразвитые, — неприязненно поёжилась она.

— С остальными? А их много? — окончательно растерялась я.

— Много, много, — опять отмахнулась девочка. — Ладно, я решила. Проваливайте, отпускаю. Лучше так, чем убивать. Расскажите вы кому-то что-то, нет, от этого всё равно ничего не изменится. Рано или поздно опять прилетят сюда ваши сородичи, будут пытаться копать, искать... Так что я решила, да. Буду с вами вступать в контакт, так это, кажется, называется. Вряд ли с вами иначе получится, — и она опять махнула рукой.

Потолок над нашими головами в ответ на эти слова исчез, открывая голубое небо, а пол исторг из себя... нашу шлюпку.

— А зачем тебе шлюпка понадобилась? — озадаченно уточнила я.

— Чтобы была возможность подумать, — ответила она. — И гроза для той же цели. Всё, идите, а то я передумаю.

— А последний вопрос можно? — осторожно уточнила я, когда Кар уже открыл шлюпку и замер возле шлюза, глядя на меня с недовольным видом.

— Если только последний, — вздохнула девочка.

— Кар себя странно ведёт с момента попадания в коридор. Да и я тоже. Это ваше

воздействие? И... Надолго это?

— А, да, — будто опомнившись, встрепенулась она. — Забыла предупредить. Это непреднамеренное воздействие, но — да, моё, потому что фальшь не люблю. Насчёт пройдёт или нет — не знаю. Но вы там поосторожнее, а то у моих человек порой... накладки случались, — вздохнула она.

— Какого рода?

— Разного, — насмешливо улыбнулась она. И исчезла. А я почти бегом направилась к шлюпке: а ну как ещё что-нибудь исчезнет? Шлюпка, например.

Духи бы побрали эту планету!

Это была главная мысль всей высадки, начиная с собственно самой её идеи. Дальше тоже всё пошло кувырком: шлюпка, аборигены эти... И вот теперь, апогеем, этот странный разговор с этим странным существом, по какой-то непонятной причине принявший облик человеческого ребёнка.

Но сильнее всего, как это ни парадоксально, меня раздражало моё собственное поведение и состояние. Это было совершенно отвратительное ощущение, которое сложно передать словами. Умом я понимал, что веду себя совершенно неадекватно, но ничего не мог с этим поделать. Бессилие, окончательное и всеобъемлющее. По ощущением это было похоже на состояние, когда пытаешься решить какую-то слишком сложную задачу, и чувствуешь, что тебе чисто физически не хватает сил и способностей.

Оставалось только надеяться, что это мерзкое состояние пройдёт.

— Ты связь не проверял? А то у меня не работает, — пожаловалась Яра, стаскивая шлем и устраиваясь на своём месте.

— Проверял, не работает, — ответил я, расстёгивая ворот костюма. Последние несколько часов он невероятно раздражал. Да, честно говоря, вообще всё раздражало; поэтому я решил позволить себе хотя бы такую мелочь.

— Ладно, сейчас с орбиты ещё попробуем. О! Смотри-ка, а радары работают. Ну, уже хорошо, я наш корабль вижу. Сейчас запеленгуем, и минут через сорок будем на месте, — сообщила Яроника. И, что-то там пощёлкав, устроилась у меня на плече поудобней, щекоча шею дыханием.

Мысли с раздражения сразу переключились в другую область, и я не сумел отказать себе в удовольствии приобнять женщину, притягивая к себе поближе. Та же, вместо того, чтобы сделать вид, что ничего не происходит, или опять ответить как-нибудь рефлекторно, подалась вперёд, прижимаясь ко мне всем телом и нежно касаясь губами шеи. Я даже растерялся от неожиданности, а Яра тем временем перебралась к горлу и ключицам, прихватывая кожу губами и осторожно поглаживая языком.

— Ты что делаешь? — уточнил я. — Это хулиганство.

— Ну... а сам не догадываешься? — со смешком отозвалась она. — Лететь не меньше получаса. Впрочем, если ты предпочитаешь спать, не буду тебя отвлекать, — спокойно пожав плечами, она попыталась откатиться в сторону. Так её кто пустил, ага...

Беззастенчиво пользуясь собственным превосходством в массе и физической силе, я подмял хулиганку под себя. Она улыбалась, хитро и соблазнительно; даже если я и думал о неуместности подобного поведения, то при виде этой улыбки все здравые мысли из головы выветрились окончательно и бесповоротно.

А потом... сложно сказать, что на нас нахлынуло. Если пресловутое «воздействие» странного существа, называвшего себя «разумной планетой», и было, то было оно совершенно незначительным на фоне всего прочего. Скорее, свою роль сыграло и нервное напряжение последних часов, искавшее выход, и располагавшая к интиму обстановка тесной одноместной шлюпки, и прежние впечатления и размышления: Яроника мне с самого начала показалась весьма привлекательной, и глупо отрицать, что думал я о ней в подобном ключе довольно часто.

В общем, это всё неважно. Важно в тот момент было поскорее избавиться от защитного костюма и термика, что было не так-то просто сделать в тесной шлюпке. Жизненно важно было ни на мгновение не отрываться от жадных пьянящих губ. Добраться руками до нежной кожи, сжимать в объятьях сильное стройное тело...

Важно было, что я уже много лет подобного не чувствовал. Да, женщины доставляли удовольствие, и отказываться от него я никогда не собирался. Но так, чтобы с одной конкретной женщиной забыть обо всём, — об окружающем мире, о месте и времени, о прошлом и будущем, — звать её по имени и пить своё имя с её губ, совершенно шалея от этого... Пожалуй, ничего подобного со мной не случилось лет этак двадцать.

Когда она со стоном выгнулась подо мной, до боли впившись ногтями в плечи и обхватив ногами мои бёдра, я почти в тот же момент догнал её на вершине наслаждения, и почувствовал себя... заново родившимся? Мальчишкой, впервые познавшим женщину? Сложно сказать. Но так хорошо мне не было очень давно. Или и вовсе никогда?

Через несколько мгновений, забывшись, я рывком приподнялся, намереваясь переместиться набок, чтобы не лежать на женщине всем весом, и... с размаху приложился головой о какой-то элемент конструкции. Душевно так, до искр в глазах, и с шипением упал обратно, одной рукой хватаясь за пострадавший затылок.

— Ты чего? — переполошилась Яра, отползая чуть в сторону и заботливо пытаюсь отстранить мою руку и оценить ущерб. А я даже ответить не мог; меня душил смех. Опрокинувшись на спину, я сгрёб женщину в охапку, роняя её на себя сверху, и всё-таки расхохотался. Немного истерично, но зато от души.

Смеялись мы долго, и уже вместе. Потом ещё несколько секунд лежали, потихоньку приходя в себя.

— Знаешь, наверное, стоит поблагодарить наших обалдуев за это приключение, — наконец, проговорил я. — Я вот так сходу не могу вспомнить, когда ещё мне было также легко и хорошо.

— Надо чаще бить тебя по голове? — захихикала Яроника.

— Угу. И скидывать на неизвестные планеты в компании одной белобрысой язвы, — не стал возражать я, задумчиво поглаживая кончиками пальцев её спину.

Приподнявшись на локте, Яра некоторое время разглядывала меня своими потрясающе яркими глазами, — сосредоточенно, внимательно. Потом медленно и щекотно провела кончиком пальца по скуле, по губам, по подбородку вниз.

— Ты чего? — наконец, не вытерпев, задал я вопрос. Уж больно пристально она меня разглядывала, не то пытаюсь что-то найти, не то — запомнить.

— Любуюсь, — с подкупающей честностью хмыкнула она, слегка пожав плечом.

— Чем? — озадаченно уточнил я.

— Тобой. И контрастом. Мне всегда казалось забавным, какая у выходцев с Брата светлая кожа, и как необычно она смотрится с тёмными волосами. Потом примелькались лица, и я начала удивляться своему отражению в зеркале и своим землякам. А ещё меня всегда поражало, насколько при своей похожести разные существа — мужчина и женщина. Сейчас же смотрю... это так красиво выглядит, контраст и противоположности. Смотри, — она поймала мою руку, переплела наши пальцы и поднесла ближе, к глазам.

Я несколько секунд разглядывал получившуюся конструкцию: смуглая тонкая маленькая ладошка в моей раза в два большей руке.

— Да, наверное, — не слишком уверенно согласился я. — Я, к сожалению, довольно

далёкий от эстетизма человек, — посчитал нужным пояснить в ответ на её озадаченный взгляд. — Максимум, что я способен оценить, это красота женщины. Или, вернее, оценить сугубо субъективно, нравится — не нравится. А вот созерцать великолепие пейзажей, или там каплю росы на свежем синем листочке — это, увы, не для меня. Хотя... когда меня вызвал Кверр, там, на Брате, я был очень близок к постижению этого состояния, — хмыкнул я.

— Мужчины, — философски вздохнула Яроника. — Ничего, я тебя научу, — она потянулась ко мне для поцелуя. Я же, воспользовавшись нашими по прежнему сцепленными ладонями, рывком опрокинул женщину на себя, обнимая свободной рукой.

Процессом мы оба увлеклись быстро и всерьёз, и напрочь забыли о том, что запас времени несколько ограничен. Поэтому когда тишину разорвал тревожный сигнал вызова, мы уже почти приступили к повторению пройденного, и были к общению совершенно не готовы. Пару секунд мы на вызов вообще не реагировали, а потом как-то одновременно очнулись и озадаченно уставились друг на друга.

— Духи! Мы же на орбите давно! — выдохнула Яра, судорожно пытаюсь напашить свой термокомбинезон.

Мне хотелось высказаться грубее, но я сдержался. Хороший знак, кстати; наверное, влияние воли планеты кончилось.

— Духи бы вас побрали! — рявкнул динамик связи голосом младшего.

— Не дождётесь, — хмыкнул я в ответ, ожидая, пока Яра оденется, и заодно пытаюсь отвлечься от её возни. А отвлечься стоило, причём срочно; она так соблазнительно извивалась совсем рядом, периодически прижимаясь ко мне, что удержаться от решительных действий было невероятно трудно.

— Ты живой?! — выдохнул Кверр, и дальше разразился такой непечатной тирадой, что Яроника замерла, прислушиваясь и явно запоминая некоторые особо цветистые обороты. Я, кстати, тоже почерпнул для себя кое-что новенькое.

— Малыш, где твоё воспитание, так ругаться при дамах? — сумел с иронией вставить я свою реплику в нецензурный монолог младшего. В ответ на это он предсказуемо разразился ещё одной речью, изобилующей цветистыми образами. Потом вдруг осёкся на полуслове, взял себя в руки и мрачно поинтересовался.

— Что у вас со связью?

— Смотри с какой, — хмыкнул я, за что получил тычок в рёбра от уже одетой Яроники и был прихлопнут своим собственным термиком.

— Со всей! — не понял юмора Кверр. — На планете не было, а от неё мы вашу шлюпку ведём очень пристально, и сигнал только что восстановился. Пи предлагала вообще сбить капсулу в профилактических целях. Как вы оттуда вылетели? Что произошло?

— Давай мы сначала до вас доберёмся, а потом всё расскажем? — предложил я, попутно осторожно натягивая комбинезон: затылок настойчиво напоминал, что внутренняя обшивка очень прочая, и совершать резкие движения внутри столь тесного объёма категорически не рекомендуется.

— А кто тебе сказал, что мы вас просто так на борт пустим? — ехидно парировал младший. — Сам тут упрекал в непрофессионализме и безалаберности, вот теперь и болтайся в открытом космосе. Да что там у тебя за шорох такой?!

— Пытаемся втиснуть благоприобретённые щупальца в старые тела, — проворчал я. Нет, по-хорошему, он, конечно, был прав, верить нам не стоило. Но, во-первых, как он

собирался проверять истину, а, во-вторых, почему у него разум проклёвывается именно тогда, когда это меньше всего надо?

— А картинка почему не работает? — подозрительно уточнил Кверр.

— А чтобы не спалиться, — огрызнулся я, как раз застёгивая последний магнит на термике и включая изображение. — Ну, доволен?

Яроника, к этому времени уже использовавшая моё предплечье в качестве подушки, даже ручкой помахала.

Младший окинул меня подозрительным взглядом, потом женщину, потом опять перевёл взгляд на меня... и вдруг расплылся в настолько паскудной, довольной и наглой ухмылке, что у меня нестерпимо зачесались кулаки.

— Ладно, шуршите дальше, только быстрее. Мы вас через пару минут подберём, продолжите в более уютной обстановке, — сияя улыбкой во все тридцать два, он оборвал связь.

— И что это было? — риторически уточнил я. А Яра, вновь приподнявшаяся на локте и внимательно меня разглядывавшая, вдруг радостно захихикала, уткнувшись лбом мне в плечо. — Хм?!

— Извини, — с трудом выдохнула она. — Я... увлеклась немного. У тебя теперь на шее такой основательный, яркий и колоритный засос! Ну, и губы тоже выглядят характерно. Подозреваю, у меня тоже, да? — она опять выпрямилась, поднимая на меня смеющийся взгляд.

— Хм! — вынужден был признать я, окинув её лицо критическим взглядом. В общем, да, заподозрить что-то иное сложно: губы характерно припухшие, глаза блестят, на щеках румянец. Потом не удержался и тоже тихо засмеялся. — Духи, до чего же непривычное ощущение.

— М-м?

— Впервые в жизни чувствую себя подростком, пойманным родителями «на горячем». В соответствующем случае возрасте такого со мной не происходило, и довольно дико ощущать подобное на пятом десятке.

— Ну, у тебя ещё есть время придумать удобоваримое оправдание, а не виновато мямлить, как подросток, — с притворным сочувствием пожала плечами Яра.

— Есть идея получше, — фыркнул я. — Пусть уж действительно застукают, хоть не так обидно будет! — и, уже проверенным способом подмяв женщину под себя, принялся за проведение остатка пути с пользой.

В ангаре нас торжественно, только что не с песнями и плясками, встречал весь небольшой экипаж яхты. Лица были встревоженно-счастливые, и это оказалось очень приятно — видеть, что твоему возвращению рады.

Правда, младший опять показал себя не с лучшей стороны, и попытался невербально высказать мне всё, что обо мне думает, пользуясь эффектом внезапности. Получилось плохо; я перехватил его запястье и легко завернул руку за спину в болевом захвате.

— Ну, с-с... старший, скотина! — проворчал он через пару секунд, когда был выпущен из захвата. — Мы тут с ума чуть не сошли от беспокойства, пока вы там развлекались!

— Развлекались мы, как ты изволил выразиться, уже по дороге, — хмыкнул я. Ощущение неловкости не прошло, но игнорировать его оказалось удивительно просто.

— Что-то не верю я твоей довольной роже, — прищурившись, покачал головой Кверр, хотя губы его неудержимо расплзались в улыбке.

— Зависть — низкое чувство, — насмешливо мурлыкнула Яроника, поднырнув под локоть и прильнув к моему боку.

— Всё с вами ясно, — захихикала Пи. — Мы от вас сегодня внятного рассказа добьёмся, или вас стоит для начала запереть в одной каюте суток на двое-трое для окончательного сброса так долго копившегося напряжения?

— Копившегося? — одинаково озадаченно уставились на неё все присутствующие.

— Хм... Вообще, по-моему, с самого начала было очевидно, чем это закончится, нет? — Птера вопросительно вскинула одну бровь. — Или это только я заметила? — уже совсем удивлённо уточнила она, переводя взгляд с одного лица на другое.

— Заметила что? — за всех спросил Кверр.

— Эх, надо было с кем-то поспорить, что ли, — вздохнула она. — Да что эти двое в итоге переспят, было ясно с первого взгляда. Ну, как бы вам это объяснить? Я же не знала, что все настолько слепые... Взгляды, язык жестов, это же всё очень просто! Яра твоего брата с самого начала глазами пожирала и чуть что не облизывалась, ещё когда в маске своей была. А он на неё с того ремонта двигателя смотрел так, что мне было удивительно, как на ней одежда не дымится. Нет, серьёзно никто этого не заметил что ли?! — удивлённо вытаращилась на нас рыжая.

— Кхм, — глубокомысленно изрёк Тимул. Мы с Яроникой озадаченно переглянулись; похоже, подобного не заметили и мы сами в первую очередь, не то что окружающие.

— Мне кажется, ты передёргиваешь, — наконец, выразила общую мысль Яра. — Нет, ну, конечно, глупо отрицать правду, Кварг мне действительно с первого взгляда показался интересным мужчиной; ещё тогда, в первое наше знакомство. Ну так и Кверр мне тоже сначала очень понравился, и что теперь?!

— Ай, да что с вас взять, «нравится — не нравится»! Это же всё подсознательное, почувствуйте разницу!

За этим «содержательным» разговором мы успели всей толпой добраться до кают-компания. Все расселись вокруг стола, и как-то так получилось, что Яроника оказалась у меня на коленях. Неожиданно для меня и, похоже, для себя тоже. Правда, менять сложившееся положение вещей мы не стали; глупо было шарахаться друг от друга в разные стороны. Да и нельзя сказать, что это было неприятно, разве что непривычно. Но удивительно естественно, особенно в свете всего сказанного ранее.

— Ладно, я предлагаю этот невероятно интересный вопрос отложить на потом, — иронично предложил Тимул. — Расскажите всё-таки, что случилось после вашего исчезновения? Кверра тут пришлось чуть ли не к креслу привязывать, очень спасать рвался.

— Ну, скажешь тоже, привязывать, — хмыкнул младший. — Так, в первый момент случилось помутнение, но Пи меня быстро урезонила.

Рассказ, который я отдал на откуп Яронике, много времени не занял. А вот обсуждение и споры по теме — да, затянулись. Я в этом, впрочем, не участвовал; мне было, о чём ещё подумать.

Например, о том, о чём все временно забыли, то есть — о цели нашего путешествия. Но мысли эти были чем дальше, тем мрачнее, и думать их совершенно не хотелось. В конце концов, события на безымянной планете в очередной раз доказали, что интуицией меня духи при рождении обделили. Я допускаю, что она сделала стойку на вероятные события, которых удалось счастливо избежать, но больше походило на осечку. В конце концов, то, что мы попытались сбежать из выделенных апартаментов, никакой роли не сыграло.

Ещё навязчиво думалось о Брате, откуда мы так поспешно и внезапно сбежали. Как бы и в чём бы я себя ни убеждал, я всё равно чувствовал себя предателем и изменником родины. Да, я оказался не у дел, и толку в сложившейся ситуации от меня было бы немного, но... присягу-то я давал. И до какого-то момента я действительно во всё это верил. В нужность и правильность методов Неспящих, в мудрость Владыки, в дальновидность Первого.

Вопрос только, в какой момент перестал? Когда именно я осознал, что Первый — это просто старый функционер, боящийся новых решений и неспособный просчитать события, хоть немного выходящие за рамки его представлений о реальности? Понял, что Владыка — просто выживший из ума насквозь больной и не вполне уже живой старик? Обнаружил, что Неспящие — это такие же обыкновенные и разные люди, как и те, кого они контролируют? Сложно сказать. Смешно, но когда прошёл Путь К Трону, я всё ещё в это верил. А вот там, на крыше собственного дома под бомбёжкой — уже нет. Так где на этом отрезке длинной в десять лет потерялись все мои убеждения? Да и, во имя духов, существовали ли они когда-нибудь, эти убеждения, или я в детстве вбил их себе в голову, очарованный героизмом и суровой нужностью профессии Неспящих? Себе вбил, и Кверра с панталыку сбил.

Нет, пожалуй, было бы честнее с моей стороны всё-таки погибнуть до разговора с Кверром. А теперь... Да что теперь! Решение своё я уже принял, можно с чистой совестью забыть про такое понятие, как «честь мундира», потому что мундир этот я благополучно про... э-э-э, ну, пусть будет «потерял». А, точнее, потерял право его носить. Да и вообще за всё это меня бы стоило приговорить к расстрелу.

Говорят, духи никогда не отнимают что-то важное, не давая ничего взамен. Мундир и честь я потерял, и даже застрелиться от осознания этого факта, как и положено офицеру, совсем не тянет, так что с совестью, можно сказать, тоже распрощаться. А что приобрёл? Компанию из пяти взрослых детей, летящих на украденном звездолёте в неизвестность. К тем, кто, скорее всего, будет очень не рад нас видеть и кто, с большой долей вероятности, повинен в войне Брата и Сестры. Весёленькая ситуация, м-да. Мало того что я трус и предатель, так ещё планирую просить убежища у врагов. Мог ли ты пасть ниже, Разум Неспящий Кварг Арьен?

На этой «оптимистичной» ноте мои мысли были прерваны Яроникой. Она легонько потрепала меня по плечу, явно не в первый раз обращаясь ко мне по имени.

— Кар, ты чего? — озадаченно уточнила она, когда я сфокусировал на ней осмысленный вопросительный взгляд. — Ты спал что ли с открытыми глазами? — со смешком поинтересовалась она. Но при этом глаза оставались серьёзными и тревожными.

— Нет, — поморщился я. — Задумался просто.

— Крепко, видать, задумался, — захихикала Птера. — О чём таком важном, если не секрет?

— О смысле жизни, конечно, — отмахнулся я. И ведь даже не соврал; а что не поверили, так это их дело.

— А по-моему, всё-таки спал, — продолжила настаивать на своём Яра. — И вообще, предлагаю всем разойтись и отдохнуть как следует. Был очень нервный день, и лично я за те несколько тревожных часов на планете совершенно не смогла отдохнуть, поэтому очень хочу выспаться.

— Ой, так мы тебе и поверили, что ты спать будешь, — под комментарий Кверра засмеялись, переглянувшись, все присутствующие.

— Ну, может, не сразу, — загадочно улыбнувшись, Яроника изящно повела плечом и,

поднявшись на ноги, потянула меня за собой.

— А я в общем-то поддерживаю эту идею. Действительно надо выспаться; тем более, других развлечений у нас всё равно в ближайшем будущем не предвидится. Ход на планету же нам заказан, как я понимаю, — предположил Тимул.

— Что-нибудь придумаем, — отмахнулась от него Ридья. А дальше я уже не слышал, потому что мы вышли в коридор.

— Ну, а теперь рассказывай, — закрывая за собой дверь в мою каюту, предложила Яра.

— Рассказывать что? — озадаченно уточнил я.

— О чём ты так напряжённо размышлял, конечно, — она пожала плечами и, плавно покачивая бёдрами, прошествовала к столику с креслами. Эх, её бы на каблуки поставить, и насколько потрясающе будет смотреться!

Тьфу, ну, о чём я думаю, а?

— А тебе зачем? — на всякий случай уточнил я, тоже усаживаясь в кресло.

— Скажем так, улыбка на твоей физиономии на мой вкус выглядит гораздо приятней, чем хмурая сосредоточенность, — она вздохнула. — Ну и, кроме того, может, я чем-нибудь смогу помочь? Коль уж мы все волею духов оказались тесно связаны в таком ограниченном пространстве, мне кажется довольно логичным попытаться поддержать окружающих и помочь им по мере сил.

— И ты решила, что я нуждаюсь в помощи? — съехидничал я, вопросительно вскинув брови.

— Да, — просто пожала плечами она. — Кварг, я знаю этот взгляд. И он мне не нравится. Я даже догадываюсь, что за чувства тебя терзают, но предпочту услышать это от тебя.

— И чем тебе мой взгляд не угодил? — хмыкнул я.

— Он выдаёт очень нехорошие мысли, — поморщилась Яроника и, поднявшись со своего места, пристроилась ко мне на подлокотник, бесцеремонно вторгнувшись в личное пространство и закопавшись пальцами мне в волосы. — Ты готов доверить мне прикрывать твою спину, так почему не доверяешь сейчас?

— Да я не... — начал я, а потом только махнул рукой. — Глупости это всё. И жаловаться я не люблю.

— Я могу тебя как-нибудь подкупить. Например, предложить сделать массаж в обмен на откровения, — ласково промурлыкала она, аккуратно запуская ладошку по шее мне под воротник.

— Вымогательница, — хмыкнул я, обнимая её за бёдра обеими руками и стаскивая себе на колени. — За массаж, пожалуй, я согласен покаяться во всех прегрешениях собственной жизни!

— Тогда мы тут надолго застрянем, — наморщив нос, насмешливо возразила она. — Да и грехи твои мне, честно говоря, не интересны. А вот мрачные мысли я готова выслушать.

— Да там тех мыслей... Хотя уж ты-то должна меня понять. Ты ведь тоже офицер; тебе наш побег разве не кажется самым настоящим дезертирством? Собственно, это единственное, что меня сейчас беспокоит. В остальном, можно сказать, жизнь безоблачна и прекрасна.

— Вот видишь, как я, оказывается, правильно растолковала твой взгляд, — медленно качнула головой она. — Не знаю. Я тоже об этом задумывалась. С одной стороны, да, мы с тобой обязаны были остаться дома, и умереть там. С честью; может, даже героически,

совершив какой-то бессмертный подвиг. Вот только я никак не могу отделаться от мысли, что если бы я вернулась на Сестру, никто бы не поверил в то, что я полностью лояльна Матушке. И были бы бесконечные допросы, а в конце суд и смертная казнь. Я, наверное, трусиха, но я не люблю, когда меня пытаются, и не готова была вот так закончить свою жизнь. Ну и, кроме того, мне несколько легче. Сестра никогда не была мне домом, а Землёй я бредила с раннего детства. А что касается тебя... как бы закончилась твоя жизнь?

— Вероятнее всего, под бомбой где-нибудь через час-другой после разговора с Кверром, — хмыкнул я, догадываясь, куда она клонит.

— Ну, вот и считай, что она там закончилась. Что Разум Неспящий Кварг Арьен погиб под бомбёжками, а здесь со мной сейчас сидит кто-то другой. Уже не офицер, уже не Неспящий. Я понимаю, что это вот так сходу трудно принять; для тебя-то стать Неспящим был осознанный выбор, и ты не можешь себе сказать «меня не спрашивали, чего я хочу». Но, в конце концов, ничто не мешает нам сыграть роль разведчиков-диверсантов. Если выяснится, что в войне Брата и Сестры виновата Земля, может быть, будет не поздно вернуться домой с доказательствами и что-то изменить во всём этом? Нам же не обязательно оставаться на Земле, если окажется, что она совсем не похожа на райский край из моей мечты.

— Духи знают, может, и поможет; надо попробовать, — философски вздохнул я. Хотя на душе от этой мысли и впрямь стало легче. Понимаю, что это чистый самообман и отговорки, но... насколько же заманчивые!

— Вот и хорошо. И больше не думай об этом, — строго проговорила она, слегка щёлкнув меня по носу.

— Об этом — о чём? — на всякий случай уточнил я.

— О простейшем выходе, — серьёзно глядя мне в глаза, Яроника поморщилась. — Вы, мужчины, всегда так делаете; гордо ушёл, хлопнув дверью, а последствия пусть расхлёбывают другие. Был у меня знакомый несколько лет назад, тоже офицер. Так вот он проигрался в пух и прах, и не придумал ничего умнее, как из соображений офицерской чести выжечь себе мозги. А то, что у него жена с двумя маленькими детьми осталась расхлёбывать его долги, это уже мелочи.

— Сравнение про жену мне не очень понравилось, — хмыкнул я.

— Ой, какие мы нервные, — рассмеялась она. — Впрочем, если боишься, я могу и уйти.

— Вот ещё, — возмутился я. — Кто-то мне обещал массаж сделать, а теперь — уйти?

— Тогда после массажа.

— Вот после и поговорим! — отмахнулся я. Не знаю, как у неё это получилось, но получилось: настроение моё исправилось и тосковать о загубленной жизни не тянуло.

После возвращения на ставший родным корабль я в какой-то момент поймала себя на странном поведении. Нет, это нельзя было списать на планетарные приключения, да и ничего по-настоящему пугающего я не обнаружила. Просто нашла в себе необыкновенную липучесть: стоило забыть и задуматься, и я оказывалась в объятиях Кварга, причём инициатива исходила совсем не от него. Это была исключительно моя настоятельная потребность — ощущать его рядом.

Поначалу это открытие здорово меня напугало. Во-первых, просто потому, что прежде со мной ничего подобного не происходило, а, во-вторых, потому что это грозило неопределёнными, и оттого жуткими неприятностями.

Но потом, немного покопавшись в собственных ощущениях, я сумела определить причину подобных действий и успокоиться.

Это было очень непривычно, но безумно приятно: быть рядом с мужчиной. Пусть ненадолго, но по своему выбору, и быть при этом собой. Слышать из его уст своё имя, обнимать его своими руками и не контролировать каждую секунду свои слова, выражение лица и жесты. Это было слишком новое для меня ощущение и состояние, и по старой привычке жить в своей шкуре как можно быстрее, — уж очень редко выдавалась такая возможность, — я старалась не упустить ни мгновения этого необычного бытия.

Последний раз нормальные человеческие отношения с мужчиной у меня были лет пятнадцать назад, ещё во время учёбы, и я почти не помнила тогдашних ощущений. Да и, наверное, не могла в то время оценить их по достоинству. А сейчас я получала удовольствие решительно от всего: от возможности говорить, смеяться, целовать — так, как этого хотелось мне, а не как того требовала цель задания.

В общем, не знаю, чего ожидал от моего предложения массажа Кар, а для меня это была прекрасная возможность удовлетворить лютой созерцательно-тактильный голод, с полным на то правом творя что заблагорассудится.

Но начать всё равно стоило с души, предложение разделить который явно пришлось мужчине по вкусу. Благо, уж чего-чего, а пространства там хватало для чего угодно; не то что в спасательной шлюпке.

Побросав вещи в очистительную систему, мы спрятались от окружающего мира в небольшой светлой комнатке, пахнущей стерильной свежестью. Ловко увернувшись от объятий Кварга, я оказалась у него за спиной, к которой с удовольствием прижалась.

— Хм? — с отчётливой вопросительной интонацией усмехнулся мужчина, не пытаясь вывернуться из моих рук.

— Массаж же, забыл? — насмешливо уточнила я, медленно скользя ладонями по его груди и животу.

— Ах, вот оно что, — тихо рассмеялся он. — Это теперь так называется?

— Ну, я же не уточняла, какой именно массаж, — засмеялась я в ответ. — Впрочем, если тебе что-то не понравится, скажи, — предупредила я, глядя уже его бока и спину.

— Обязательно, — иронично фыркнул он. И мы замолчали; а зачем отвлекаться на подобные разговорам глупости?

Не знаю, что там с соответствием классическим пропорциям, но на мой вкус Кварг был сложен потрясающе. Широкая сильная спина, красивый разворот плеч с военной выправкой,

узкая талия. Наверное, с художественной точки зрения можно было бы придраться к перевитым выступающими жилами рукам или недостаточно прямым ногам, но... духи, какие же это всё были мелочи! И насколько всё это было незначительно по сравнению с ощущением литых мышц под гладкой светлой кожей.

Я не переставала удивляться ещё с нашей первой встречи, как давно уже отошедший от полевой работы офицер умудрялся сохранять настолько великолепную физическую форму. В его фигуре не было ничего лишнего, обычно имеющего тенденцию откладываться на боках и животе любого человека, долгое время ведшего активный образ жизни, а потом существенно ослабившего нагрузку.

В душе мы провозились гораздо дольше, чем планировалось. Я-то надеялась просто помыться, а потом продолжить уже в комфортных объёмах широкой кровати, но мужчина всячески усложнял реализацию этого плана. Нет, он не протестовал и не пытался вырваться; я бы удивилась подобному поведению. Но было очень сложно остаться в рамках пока ещё просто лёгкого разогревающего массажа, когда его объект значительно сильнее массажиста и настроен весьма игриво. Меня то и дело ловили за руки и целовали пальцы, обнимали, прижимали, поглаживали... В общем, когда минут через двадцать я выгнала нас обоих из душа, сама уже была близка к тому, чтобы если не послать свою затею подальше, то отложить на некоторое время — точно.

Когда Кварг всё-таки по моему настоянию вытянулся на кровати на животе, и я уселась на него верхом, в голове немного прояснилось. Правда, совсем слегка и ненадолго, потому что удержаться в рамках просто массажа оказалось выше моих сил. То и дело я, увлечшись, прижималась к его телу, повторяя путь собственных ладоней губами и языком, порой аккуратно прикусывая зубами.

А через какое-то время мир совершил быстрый умопомрачительный кувырок, и уже я оказалась впечатана лицом в кровать и прижата к ней бедром и рукой явно уставшего от бездействия мужчины. В порядке окончательного лишения меня возможности к сопротивлению, руки мои были заведены над головой и прижаты к кровати второй его ладонью.

— В следующий раз я тебя свяжу, — пригрозила я в простыни, не пытаясь вырваться. Больно надо.

— Ничего не имею против, — ухо обдало тёплое дыхание, и от этого по телу пробежала волна мурашек. — Но — в следующий раз, а сейчас моя очередь развлекаться, — усмехнулся он, с задумчивой неторопливостью проводя ладонью вниз по моей спине. Коленом раздвинув бёдра, — я, впрочем, и не думала сопротивляться, — он прижался ко мне всем телом, а ладонь тем временем скользнула по ягодице и оказалась между моих ног. Я непроизвольно вздрогнула от этого прикосновения, чем вызвала довольный смешок мужчины.

Не знаю, чего он пытался добиться: заставить меня просить пощады, испытать свою или мою выдержку, забыться, или и вовсе ни о чём не думал, а просто делал то, чего хотелось в данный момент. Но в итоге мы оба совершенно растворились в ощущениях, полностью утратив самоконтроль. Кварг остался с до крови расцарапанной спиной и отчётливым отпечатком зубов на плече, я — с характерными синяками на бёдрах и плечах, но... оно того стоило. Сгореть дотла, чтобы возродиться из пепла чем-то лучшим и более совершенным, — вот на что были похожи эти ощущения.

— Надо, наверное, твою спину обработать, — неуверенно предположила я, со

смешанными чувствами разглядывая собственные пальцы с запёкшейся уже кровью под ногтями. Шевелиться совершенно не хотелось: слишком удобно было лежать на широкой груди мужчины в его объятьях.

— Заживёт, — пренебрежительно фыркнул он. Потом плавно, с ленцой перекатился на бок, укладывая меня на спину, и, опираясь на локоть, несколько секунд внимательно разглядывал с непонятым выражением лица, медленно поглаживая ладонью по животу. — А ты, оказывается, хищная девочка... Так и не скажешь!

— Не будите во мне зверя, — рассмеялась я в ответ. — Сам виноват, теперь не жалуйся.

— А похоже, что я жалуюсь? — насмешливо поинтересовался он, вскинув брови. Я неопределённо повела плечами. — Наоборот, очень... волнующее открытие, — улыбнувшись, Кар склонился ко мне ближе и поцеловал. На этот раз — вдумчиво, чувственно и неторопливо. И я с готовностью ответила на эту ласку, невесомыми прикосновениями пытаюсь загладить нанесённый моими же руками ущерб.

И как до этого нас обоих смёл один и тот же ураган ощущений и желаний, так и сейчас обоим хотелось неспешно прочувствовать всё до конца. Глубоко и мучительно медленно, — каждое движение, каждый поцелуй, каждый вздох. Осознать и ощутить каждую клеточку тела, отдавшись плавным волнам древнейшего танца.

Доверившись сильным рукам, без труда удерживавшим меня на весу, откинувшись спиной на грудь мужчины, крепко держась за его запястья, я чувствовала себя полностью открытой и совершенно незащищённой перед ним, его взглядом и прикосновениями. И почему-то сейчас это было не страшно и не опасно, а, наоборот, правильно и очень приятно. Я покачивалась на волнах наслаждения вверх-вниз, направляемая уверенными руками, и чувствовала в себе способность взлететь. Вот-вот, прямо сейчас стать летучим эфиром и воспарить к потолку лёгким прозрачным облачком.

В общем, нельзя отказать Птере в прозорливости: заснули мы действительно очень нескоро. Не знаю, что ощущал в это время Кварг, но я чувствовала себя умиротворённо и на редкость приятно в его объятьях, окружённая коконом его тепла и наполненная растекающимся по всему телу расслабленным блаженством.

Пробуждение же оказалось куда менее радужным. Очнулась я от ломоты во всём теле и недостатка кислорода, отчего поначалу несколько растерялась. А, определив собственное положение в пространстве, растерялась окончательно. По всему выходило, ничего страшного не случилось, просто я в какой-то момент оказалась лежащей с аккуратно завёрнутыми за спину руками, носом в постель, зафиксированная сверху телом Кара. Последнее было допущением: разглядеть, кто там меня держит, я вот так сходу не могла. Но этот кто-то, определённо, был жив, и он невозмутимо спал.

— Кар, — прогудела я в подушку и поёрзала, насколько позволял захват.

— Что? — мгновенно проснувшись, мужчина вскинулся. И, видимо, тоже сообразил, что что-то не так, потому что руки мои отпустил (это я тоже предположила, потому что они уже успели насмерть затечь в неудобном положении) и перекатил меня на спину. — Ох, духи! — пробормотал он.

— Какого, извиняюсь, глюма? — проворчала я, пытаюсь пошевелить руками. Если левая ещё частично слушалась, то правую я не чувствовала от самого плеча.

— Извини, — покаянно вздохнул он, приподнимаясь на локте и помогая мне размять конечность. — Ты, наверное, как-то резко дёрнулась во сне, рефлексы сработали. Духи, я даже не проснулся в процессе! — проворчал он и тихо неразборчиво выругался себе под нос.

А я долго обижаться не смогла и захихикала над общей нелепостью ситуации.

— Зато теперь я понимаю, почему ни одна женщина в твоей постели надолго не задерживалась! — с трудом выдохнула я сквозь смех и непроизвольно выступившие на глазах слёзы: восстанавливающееся кровообращение — штука неприятная.

— Во-первых, это ложь и слухи, — пробурчал Кварг, очень недовольный несвоевременной побудкой и явно не расположенный в это время суток к юмору. — Был в моей жизни такой период, но длился он очень недолго, и подобная суета мне быстро надоела. А, во-вторых, вот такое со мной точно первый раз. Может, ты меня сама чем-то спровоцировала? — хмыкнул он, откидываясь на спину и пододвигая меня поближе.

— Ну, конечно. Он мне руки выворачивает, а виновата я. Страшное преступление — без команды повернулась на другой бок!

— Не ворчи, — оборвал меня мужчина, и я от возмущения споткнулась на полуслове. И я ещё не ворчи?! — Как рука? Проща? Тогда давай спать. Духи, ночь ещё во всю, часа два как уснули.

— Вот только попробуй меня ещё раз так скрутить, — пригрозила я, хотя конкретную кару обещать не стала. Ну его, лучше потом сюрприз будет. Тем более что спать действительно очень хотелось, а разговаривать и думать не хотелось совсем. Так что, устроившись поудобнее и использовав плечо мужчины в качестве подушки, я буквально через несколько секунд провалилась обратно в сон.

Повторное пробуждение оказалось гораздо более спокойным: я нашла себя на боку, уткнувшись лицом в грудь обнимающего меня Кварга. Дышать было немного душновато, но проснулась я точно не от этого, а просто потому, что выспалась. Памятуя о характерных рефлексах мужчины, я принялась аккуратно выбираться из его охапки.

Не получилось. Мгновение — и я опять лежу носом в постель.

— Кар! — воскликнула я.

— Слушаю тебя, — прозвучал над ухом весёлый голос без малейшего следа сонливости.

— Пусти! Так ты и в прошлый раз не спал?! — поинтересовалась я, получив долгожданную свободу и глядя на него с возмущением.

— Нет, в прошлый раз честно спал, — с улыбкой качнул головой мужчина, лежащий на боку и опирающийся на локоть. — А вот сейчас, каюсь, не удержался.

— Тоже мне, грозный Разум Неспящий! Мальчишка, хуже Кверра, — не удержав серьёзной мины на лице, я толкнула его в плечо и прыснула с кровати в сторону, потому что Кар (от неожиданности, наверное) от моего тычка упал на спину, и я разумно опасалась возмездия. — Чур я первая мыться! — сообщила я, настороженно следя за его действиями. Кварг же между тем, невозмутимо закинув руки за голову, лежал на спине и наблюдал за моим передвижением.

— Да пожалуйста, я всё равно хотел сначала размяться, — он пожал плечами.

— Размя-аться? — заинтересованно протянула я, остановившись на пороге санблока. — А ты это принципиально в одиночестве делаешь, или можно поучаствовать?

— Отчего бы нет, — он плавным текучим движением поднялся с кровати, потягиваясь, и направился к шкафу. Открыл. Закрыл обратно. Опять открыл. И растерянно поинтересовался. — А это что?

Заинтересованная подобной реакцией (труп Владыки у него там, что ли?), я подошла поближе. Поскольку так и не смогла понять, что его так шокировало, осторожно уточнила:

— А что не так?

— Вот это — что? — конкретизировал он и потянул из шкафа что-то красное, после извлечения его из упаковки оказавшееся женским вечерним платьем с глубоким не то декольте, не то вырезом на спине. Критическим взглядом окинув находку и приложив её ко мне, Кварг недовольно скривился. — Не-э, не твой цвет, — и метким броском, скомкав одежду, отправил её в утилизатор.

— Стой, погоди! — я поймала его за руки, сообразив, что мужчина, похоже, решил выкинуть отсюда всё по его мнению лишнее. — Оставь, мало ли, зачем пригодится. Тут, видимо, в каждой каюте стандартный набор, мужская одежда вот здесь, — я потянула его в сторону к соседней дверце.

— Духи бы побрали этих аристократов, — процедил Кар, выуживая из недр шкафа штаны и первую попавшуюся тёмную рубашку. — Лучше бы они оружия столько запасли!

— Не ругайся, тут можно найти что-то удобоваримое, если покопаться, — мирно возразила я, копая в уже известном направлении в надежде выудить оттуда комбинезон, аналогичный оставшемуся в моей каюте. Идея об унификации содержимого шкафов оказалась правильной: искомый предмет одежды обнаружился ровно на том же месте, что и в другой комнате.

— Хм, — не то согласно, не то скептически откликнулся мужчина. Уже натягивая комбинезон, я обернулась и обнаружила его потрошащим ещё какой-то пакет. В этот раз в руки Кварга попала женская же ночная рубашка, а, точнее, нечто чёрное и эфемерное, что с натягом можно было бы назвать именно так. Хотя нет, я вспомнила: правильно это называлось «неглиже». И, если судить по выражению лица, сейчас Кар был близок к тому, чтобы пересмотреть своё мнение относительно содержимого шкафа. — Хм! — уже с другой интонацией выдал он, с ироничной усмешкой оборачиваясь ко мне и аккуратно придерживая находку за ляпочки. Я, не выдержав этого зрелища, расхохоталась и отняла у него кружевную тряпочку. — А вот это должно тебе подойти, — заметил он.

— Обещаю усладить твой взор дивным зрелищем, но не в нём же мне идти тренироваться! — логично возразила я, бросая одежду на кровать.

— Пожалуй, да. Если ты будешь в этом, тренировки не получится. Можно будет сразу дисквалифицировать меня за неспортивное поведение и засчитать техническое поражение, — рассмеялся он и двинулся к выходу, походя опять легонько шлёпнув меня пониже спины. Я в ответ пихнула его локтем и попыталась ткнуть пальцем под рёбра. Кар не стал меня скручивать, вместо этого уйдя в оборону.

Вот примерно таким порядком, смеясь и шумно толкаясь, мы двинулись к тренировочному залу. И настолько увлеклись, что едва не налетели на стоящего посреди коридора Кверра.

— Ты чего тут стоишь? — озадаченно поинтересовалась я, за что тут же поплатилась и была ловко перехвачена за обе руки. Признавая поражение, даже не попыталась вывернуться. Гораздо сильнее меня в этот момент занимал вид Кверра: тот был бледный и как будто даже напуганный.

— Э-э... Да я так, — невнятно промямлил он, разглядывая нас.

— Что-то случилось? — насторожился уже Кварг, выпуская мои руки и мгновенно становясь серьёзным.

— Нет, ничего. Так, задумался просто, — младший брат рассеянно тряхнул головой и быстро сбежал в том направлении, откуда мы пришли.

— И что это было? — я перевела вопросительный взгляд на старшего. Тот не выглядел

встревоженным или озадаченным, на губах мужчины играла привычная ничего не значащая ироничная усмешка, и это вселяло оптимизм.

— Есть у меня одно предположение, — слегка пожал плечами он. — Хватит облака считать, — подавшись вперёд, сообщил он. Я поспешно прикрыла тыл обеими ладонями, но перехитрить Арьена оказалось не так-то просто. Он не стал со мной бороться по пустякам, а просто одним быстрым движением подхватил на плечо и со смехом похлопал ладонью по попе.

Вместо того, чтобы выдираться, я смиренно обвисла. Если опять начинать возню, то такими темпами мы вообще никогда не дойдём до тренировочного зала! А после разминки хотелось бы всё-таки принять душ и, в конце концов, позавтракать.

Есть мне хотелось просто зверски, но в свете моего собственного настроения и неожиданно прорезавшейся шутливой непосредственности Кварга мы имели шанс добраться до еды в лучшем случае к обеду.

— Привет, — несколько заторможенно проговорил я, входя в камбуз, в ответ на приветствие находящихся там сестёр.

— Ты только проснулся что ли? — озадаченно нахмурилась Ри, потягивавшая из чашки явно свежесваренный кофе: характерный свеж-пряный запах наполнял всё помещение. Я подсел к столу и на автомате плеснул и себе в кружку из кофейника бодрящего одним своим запахом и видом бирюзового отвара.

— Нет, я сейчас из рубки, — отмахнулся я. Хотя вспомнить, что именно я там делал, я бы не смог; но, наверное, что-то делал. Кажется, копался в центральном компьютере. В чём я был уверен, так это в том, что никаких изменений в него не вносил, а вот дальше имелись варианты. — А кто-нибудь Кварга с утра видел? — осторожно уточнил я.

— Что, он опять пропал? — съехидничала Пи, не отрываясь от чтения. Висящая перед ней над столом голограмма была очень высокого качества и почти не отличалась от настоящей бумажной книги. Вот что значит, яхта укомплектована по высшему разряду!

— Да скорее у меня галлюцинации, — я тряхнул головой и отпил горячего кисло-сладкого напитка. — Ну, или у него что-то с головой, но я больше склоняюсь к первому варианту, — уже спокойней продолжил я.

— Что случилось-то? — не выдержала Ридья, и даже Пи подняла на меня вопросительный взгляд.

— Да, понимаете, я некоторое время назад встретил его в коридоре. И теперь думаю, может, я просто за вычислениями в рубке задремал, и мне всё это приснилось? — я с надеждой уцепился за это простое и безобидное объяснение. — Просто мне показалось, что он впал в детство. Или, вернее, я впал в это самое детство, то есть мне это самое детство приснилось.

— А если человеческими словами? — язвительно уточнила Птера.

— А если человеческими словами, — медленно кивнул я, — он вёл себя...

Но мои слова оборвал грохот, с которым в камбуз ввалилась пара действующих лиц. Точнее, грохот возник уже внутри, когда буквально влетевшая внутрь Яра не глядя отшвырнула назад стул, пытаясь остановить преследователя, а преследователь этот самый стул легко отбил в стену.

И если бы не пресловутый стул с его грохотом, я бы точно поверил, что у меня галлюцинации. Потому что преследователем оказался ярко-синий старший со зверским выражением лица.

Ну, то есть, не целиком синий, а его шевелюра сияла насыщенным ультрамариновым цветом.

— Ты ничего не понимаешь! — прячась за мной, возмущённо сообщила Яра. Кварг тем временем, не говоря ни слова, медленно-медленно двигался вокруг стола стелющимся шагом крадущегося хищника. — Это модный оттенок, называется «молодая листва»! — протараторила она. — Кверр, ну, урезонь своего братца, ему же идёт!

— Идёт, — мягко проворковал старший, не отрывая пристального взгляда от объекта преследования. — Вот и ты иди сюда, я тебе сейчас такое покажу! Тебе тоже пойдёт, неделю сидеть не сможешь, — с ласковой улыбкой пообещал он. Яроника предусмотрительно переместилась вбок, увеличивая расстояние между собой и опасным объектом в лице

старшего. Теперь их разделял только стол, без людей. Я хотел, было, предупредить беглянку, что это совершенно недостаточная преграда для способностей старшего, но не успел. Едва уловимое движение, и, оттолкнувшись от подвернувшегося под ногу стула, в прыжке перемахнув стол, Кварг сбил свою добычу с ног. Сплетённый из двух тел клубок прокатился по полу, и я порадовался, что на их пути не было никаких шкафов и других препятствий. Этим двоим ничего не сделается, а мебель жалко...

Через пару мгновений они поднялись на ноги, причём Кар одной рукой держал выкрученные за спину в болевом захвате руки женщины, а второй — аккуратно, и даже почти нежно сжимал её за горло.

— Ну, что ты так всполошился? Она же смоеется через пару дней! Во всяком случае, в инструкции было так написано, — с виноватым видом затараторила Яроника.

— Смоется, — согласно мурлыкнул Кварг. — Но кое-кто понесёт наказание за своё хулиганство!

— Какое? — настороженно уточнила Яра.

— Я тебе потом расскажу, — многообещающе ухмыльнулся старший, освободил её руки и, обняв, долго и с видимым удовольствием поцеловал. После чего, разжав руки, лёгким шлепком пониже спины направил отловленную шутницу в сторону синтезатора. — Для начала, например, меня нужно покормить.

— С рук? — ехидно уточнила Яроника, без возражений направляясь к устройству.

— Вообще-то умные люди для таких целей давно ложки-вилки изобрели, — философски хмыкнул Кар. — Впрочем, смотря чем ты будешь меня кормить, а то можно и с рук.

— М-да, — глубокомысленно изрекла самая хладнокровная из присутствующих, Ридья, когда Яра углубилась в настройки прибора, а Кварг потянулся налить себе кофе.

— О-фи-геть! — согласилась с ней Пи, пустым взглядом гипнотизируя голограмму книжки перед собой.

— Яра, признавайся, ты ведьма? — наконец, сумел высказаться и я.

— Та ещё, — насмешливо буркнул себе под нос Кар, оттягивая и внимательно разглядывая прядь собственных волос.

— С чего вдруг? — одновременно с ним озадаченно уточнила «ведьма».

— Ты что с моим братом сделала? — хмыкнул я, окончательно беря себя в руки. Что ни говори, а приятно осознавать, что у тебя не галлюцинации! — Я его таким лет двадцать точно, а то и двадцать пять не видел.

— Намекаешь, что я впадаю в детство? — ехидно уточнил Кварг.

— Если только скачками, и это — первый, — не растерялся я. — Но очень похоже. Со сколько лет начинается группа риска по маразму?

— Судя по тебе — с рождения, — фыркнул старший.

— Ладно, мальчики, не ссорьтесь, — со смехом проговорила Яра, выставляя на стол перед Каром внушительных размеров миску с гордо торчащей из неё вилкой. — Ну, что расселся, двигайся! Ты же просил тебя покормить?

Пока Яроника устраивалась у старшего на коленях, я вдруг понял, что завидую ему чёрной завистью: есть хотелось просто зверски! Опомившись, пошёл организовывать себе завтрак, а то с этими их сюрпризами можно ноги с голоду протянуть.

Вооружившись тарелкой и «орудием труда», я вернулся к столу. Некоторое время по техническим причинам мне было не до рассуждений: всё внимание было сосредоточено на

том, чтобы не откусить, забывшись, кусок вилки. А вот потом, когда первый голод был утолён, можно было уже спокойно оценить и рассмотреть ситуацию. То есть, как — спокойно? Без паники и ощущения, что мир или я потихоньку сходят с ума.

Я наблюдал за старшим, и никак не мог поверить своим глазам. Духи с ней, с синей причёской, хотя и она добавляла неправдоподобности происходящему. Кварг смеялся! Не изображал одну из своих приличествующих ситуации ухмылок, а действительно смеялся, легко и искренне, и я никак не мог поверить своим глазам и ушам. Я в самом деле не видел его таким настолько давно, что уже сомневался в правдивости собственных воспоминаний. Он даже как будто помолодел, и сидел сейчас перед нами не Неспящий без возраста и особых примет, а обыкновенный жизнерадостный мужчина лет тридцати.

Перемена эта, с одной стороны, очень радовала: он вдруг превратился в того самого старшего брата, по которому я давно скучал. Не с момента моего заключения, а значительно дольше, где-то с момента окончания им учебки и принятия присяги. Но, с другой стороны, всё это сильно настораживало: уж очень внезапно и кардинально он переменялся. И было совершенно непонятно, не то на него так действует Яроника, не то наконец-то сказала удалённость от Брата, не то...

Последнее «не то» мне нравилось меньше всего, но оно было самым правдоподобным. Потому что изменился Кар именно после высадки на планету, и я полагал, что события, рассказанные вернувшимися людьми, здорово расходились с реальностью; если это, конечно, были всё ещё те люди.

Непонятно было только, надо ли что-то с этим делать, или нет, и если надо, то что именно? И сходу ответить на этот вопрос я не мог. Делиться с кем-то собственными подозрениями было довольно глупо, вряд ли бы мне кто-то поверил; спрашивать в лоб у самого Кварга — ещё глупее. В итоге я решил для начала некоторое время понаблюдать за его поведением, чтобы исключить хотя бы вероятность подмены. В неё, честно говоря, не верилось даже мне, но проверить стоило.

Я никак не мог отделаться от мысли о странности и неправильности происходящего на корабле. С одной стороны, я чувствовал себя невероятно легко и спокойно, во многом благодаря компании Яры, а с другой — присутствовала во всём этом какая-то неприятная мелочь, будившая настойчиво грызущее меня изнутри ощущение подспудной тревоги.

Осознание пришло внезапно, на третий день после возвращения с планеты.

По корабельному времени было около полудня, на Яронику накатил приступ лени и желания понежиться в кровати. Я к подобному сибаритству был не склонен сколько себя помнил, но почему-то вставать тоже не спешил. Мы вяло и с большими паузами разговаривали ни о чём и как будто раздумывали, стоит ли заснуть обратно. Точивший меня изнутри червячок неправильности и беспокойства вдруг шевельнулся особенно сильно, и я наконец-то понял, что смущает меня в распорядке дня на корабле: его, распорядка, полное отсутствие!

Сказать, что это открытие меня удивило, — ничего не сказать. Я слышал, что привычка жить по уставу прочно въедается в организм, но никогда не подозревал, что настолько, и что отсутствие этой упорядоченности будет так сильно действовать на нервы.

Из-за этой привычки я каждый день просыпался ровно в шесть утра и ворочался, пытаюсь понять, почему мне не спится. Из-за неё меня невероятно раздражали бесцельные брожения экипажа, да и меня самого, по кораблю. Отсутствие строго определённого времени завтрака, обеда и ужина тоже нервировало, и заставляло периодически чувствовать себя на военном положении.

— Слушай, у меня есть идея! — вдруг рывком приподнялась на локте Яроника, нависая надо мной и сияя нездоровым восторгом в глазах. — Ты чего такой озадаченный?

— Последнюю твою идею я до сих пор от головы отмыть не могу, — съехидничал я. К назначенному «через пару дней» «цвет молодой листвы» из моих волос не то что не вымылся, а даже как будто стал ярче; или просто немного светлее. А ведь я просто доверился этой коварной женщине с её предложением намылить друг друга, и поначалу даже получал удовольствие от процесса. До определённого момента.

Правда, сбрить всё это «великолепие» под корень рука пока не поднималась: я всё ещё надеялся на лучшее. На предложение же Яры «покрасить обратно» ответил однозначно и категорически: не хватало мне обзавестись каким-нибудь ещё более экзотическим цветом! Я хотя бы ничего не имел против синего цвета как такового, а если после перекраски получится какой-нибудь розовый? Или, не дайте духи, вообще жёлтый, который я по субъективным причинам вовсе не выносил?

— Ты мне это до Земли припоминать будешь? — не слишком убедительно изобразила обиду она.

— Если оно продержится до тех пор — однозначно, — злорадно сообщил я.

— Ну тебя, шуток не понимаешь, — хмыкнула женщина, опять устраиваясь у меня на плече. — И ты так и не ответил, о чём столь напряжённо размышлял?

— Да так, глупости, — досадливо поморщившись, отмахнулся я.

— Проходили мы твои глупости, — возразила она, опять нависая, только на этот раз складывая ладони у меня на груди и утверждая на них подбородок. — Давай, рассказывай, что тебя тревожит. Побуду твоим личным психологом.

— Да ничего меня не тревожит, — опять отмахнулся я. Но это выражение лица я уже знал. Ей сейчас действительно было проще ответить, чем пытаться объяснить всю бессмысленность и бесполезность разговора, хотя проблема и правда не стоила затраченного на её обсуждение времени. Впрочем, мы же никуда не торопимся? Нахмурившись и посерьёзнев, я начал отвечать с видом человека, выдающего под пыткой свою самую страшную тайну. — Вернее, тревожит, но это объективно глупости и просто введшиеся привычки. Меня последнее время волновала какая-то неправильность в окружающем мире, тревожный диссонанс, неестественность, — осторожно проговорил я, тщательно подбирая слова. Яроника подобралась и нахмурилась, видимо, ожидая чего-то совсем уж нехорошего. — И тут вдруг я, наконец сообразил, что именно меня беспокоит, — напряжённым тоном процедил я. Яра подалась вперёд от волнения, я поманил её ближе, вынуждая наклониться к самому моему лицу... и, рывком перекатившись по кровати, рывкнул поставленным командирским голосом совершенно опешившей от такого поворота событий женщине едва ли не в ухо: — Три наряда вне очереди за нарушение распорядка дня! — она дёрнулась от неожиданности и уставилась на меня как на опасного психа. — Ну, что ты на меня так смотришь? — уже нормальным тоном продолжил я, подпирая голову ладонью. — Привык жить по уставу и распорядку, теперь никак не могу отвыкнуть.

— Ах ты... — медленно протянула она, когда до неё, видимо, окончательно дошло, что ничего страшного не случилось. — Ах ты глюмова слизь! — взвыла Яроника, от всей души приложив меня по голове и спине сдёрнутой с кровати подушкой. — Я решила, что опять какие-то проблемы и инопланетные внушения, а ты! Вот тебе, артист несчастный! Я тебе покажу, как меня пугать! — возмущённо шипела она, лупя меня всё той же подушкой куда придётся. А я даже сопротивляться не мог, я смеялся. Даже, скорее, бессовестно ржал. — Я тут паникую, готовлюсь кого-то срочно спасать, а он веселится! Шутки шутит!

— Видела бы ты выражение своего лица! — с трудом выдохнул я между приступами смеха и ударами подушки.

— Тьфу! — раздражённо резюмировала она, отбрасывая орудие возмездия и возмущённо глядя на меня. — И он тут ещё что-то про детский сад говорил! Духи, ну, можно было бы хотя бы потише? — проворчала она, демонстративно прочищая ухо мизинцем.

— Нельзя, тогда бы весь воспитательный эффект пропал, — наставительно заметил я.

— Воспитательный?!

— Я тебе сказал, что это глупости? Сказал. Ты мне верить не стала, за что и поплатилась, — я невозмутимо пожал плечами.

— Ну... ты...

— Я, я. Скажи лучше, что у тебя там за идея такая увлекательная появилась? — решил я перевести тему.

— Ничего я тебе говорить не буду! Буду молчать и обижаться, как настоящая женщина, — пригрозила она. — Нет, ну что за шуточки?!

Извиняться я, разумеется, не собирался, но план поведения «настоящей женщины» мне однозначно не понравился. Пришлось вносить коррективы самым надёжным способом: ловить и целовать до прекращения сопротивления. И я бы не сказал, что подобные «трудности» меня огорчали.

Правда, определённые осложнения всё-таки возникли. Изначально поцелуй просто должен был способствовать примирению, а после него должен был возобновиться разговор, плавно перетекающий в тренировку. Но она так быстро и с такой готовностью ответила, а

потом прильнула ко мне всем телом... Я и не заметил, как мы оказались опять лежащими на кровати. Я целовал уже не только и не столько губы, больше сосредоточившись на шее, плечах и груди, опираясь на локоть и свободной рукой неторопливо лаская отзывающееся на каждое моё прикосновение гибкое стройное тело. Потом перекатился на спину, увлекая женщину за собой и радуясь, что на ширине кровати здесь тоже не сэкономили.

Сейчас я, кажется, даже понимал, о какой красоте и о каких контрастах она говорила тогда в шлюпке. Или это мне только кажется, а на самом деле она имела в виду совсем другое; какая разница? Главное, сейчас я получал огромное удовольствие от одного только взгляда. На то, как аккуратно и естественно смотрится её грудь в моих ладонях, как чувственно изгибается её тело, поднимаясь и опускаясь в сводящем с ума плавном ритме. Как сияют от удовольствия и предвкушения яркие глаза цвета кофе, как пробегает по пересохшим приоткрытым губам розовый язычок, и этот простой естественный жест возбуждает настолько, что с трудом удаётся удерживаться от более активных действий.

Вот от чего я не стал сдерживаться, так это от того, чтобы мазнуть кончиками пальцев по её животу и, спустившись к средоточию её желаний, осторожными прикосновениями сильнее разжечь и без того бушующее пламя. И правильно сделал: наблюдать, как она порой замирает, сбиваясь с ритма, содрогаясь от пробегающих по телу волн наслаждения, нервно закусывая губу и тихонько не то всхлипывая, не то постанывая, тоже оказалось безумно приятно.

В общем, что ни говори, а утро удалось на славу. И про пресловутый распорядок дня я благодаря этому напрочь забыл; во всяком случае, пока.

— Так что ты там за идею пыталась выдвинуть? — поинтересовался я (как показала практика, на свою голову), когда мы некоторое время спустя опять лежали в кровати, остывая после утренних развлечений и лентясь шевелиться.

— Я? Когда? — озадаченно уточнила она, но потом, видимо, вспомнила. — А! Да тут пришла в голову ценная мысль, ведь мы совершенно не знаем, что есть у нас на корабле, зато обладаем уймой свободного времени. Так почему бы не провести инвентаризацию?

Я недовольно скривился, не ожидая от процесса с таким названием ничего хорошего. Духи миловали, я сроду никогда не имел дела с материальными ценностями в том аспекте, который подразумевал ответственность за их сохранность. Но один мой давний приятель, подвизавшийся на ниве разработки пучкового и энергетического оружия, а по факту — высококлассный физик, при этом слове всегда мученически закатывал глаза и стенал. Принимая в расчёт неистребимый оптимизм одного приятеля, я на всякий случай всегда старался держаться подальше от этого понятия. О чём ни разу не пожалел.

— Да не строй ты такие рожи, — проворчала Яроника, возмущённо ткнув меня кулаком в плечо. — Случись что, а мы даже не знаем, есть у нас ручное оружие помимо того, что было прихвачено с Брата, или нет. Я уж не говорю о запасах продуктов и прочего барахла. Да и, в любом случае, больше всё равно заняться нечем.

Так на нашем корабле воцарился Хаос Первозданный. То есть, женская половина экипажа, воспринявшая идею Яроники с искренним восторгом и нездоровым азартом, утверждала, что это называется наведением порядка, но им никто не верил. По-моему, начиная с них самих.

Способа избежать участия в этом безумии не нашёл никто. Просто потому, что каких-то важных дел, за которые можно было спрятаться, на яхте действительно не было. В результате Тимул, как самый крупный специалист в компьютерах, был привлечён к

систематизации всего найденного (сам он украдкой ворчал, что использовать его таланты в подобном ключе нерационально и расточительно), а мы с Кверром, признанные в данном вопросе бесперспективными, эксплуатировались в качестве бесплатной рабочей силы.

К счастью, до полного идиотизма не дошло, и пересчитывать на камбузе вилки они не стали, ограничившись действительно важными (даже я был вынужден это признать) вещами: складскими помещениями и медблоком. Ещё они рвались распотрошить запасы одежды из шкафов (особенно, как ни странно, на этом настаивала Ридья), но для этого, к счастью, наша помощь не требовалась.

Отдать им должное, со своей инвентаризацией они справились удивительно быстро, всего дня за три. Конечно, дальше опять предстояло заниматься вдохновенным ничегонеделанием, но в сравнении с прошедшим катаклизмом этот способ времяпрепровождения казался весьма заманчивым.

«Тяжёлый случай — математический склад ума. Всё надо разложить по полочкам!» — с удовлетворённым вздохом резюмировала катавасию с ревизией запасов Птера, пинком загоняя под стеллаж последний ящик, с тихим щелчком вошедший в предназначенные для него магнитные крепления. Мы с Ридьей с ней согласились и поздравили друг друга с завершением столь важного этапа в новой жизни.

Пришлось немного помучиться и помучить не слишком довольных подобным применением мужчин, но зато теперь мы точно знали, какие полезные и жизненно необходимые предметы имеются в недрах не такой уж маленькой при ближайшем рассмотрении яхты и где они лежат. Например, мы знали, что нам даже при тотальном обжорстве хватит запасов еды на то, чтобы не только добраться без анабиоза до Земли, но и вернуться в родную систему. И ручного оружия хватило бы на вооружение хорошего ударного отряда, даже боевая броня имелась в наличии. А про одежду и говорить страшно; её нашей компании должно было хватить на несколько жизней вперёд, и это при условии весьма пренебрежительного к ней отношения.

Вечером после окончания инвентаризации мы разбрелись вкушать заслуженный отдых очень рано. Не знаю, как развлекались все остальные, но мы с Кваргом сообща не жились в бассейне. Кстати, это тоже был один из результатов предпринятой нами ревизии: у санблока обнаружилась одна неожиданная возможность, а именно — пол изменяемой геометрии. Так что, вырастив из него внушительных размеров ванну площадью почти с весь блок, мы могли с удовольствием наслаждаться плодами собственного труда, запивая их из откупоренной по случаю бутылки вина. Труд, впрочем, был сомнительный, но всё равно, хоть какое-то разнообразие.

— Когда это безобразие всё-таки смоемся? — мрачно поинтересовался Кар, ультрамарин на голове которого сиял первозданной яркостью и чистотой, не спеша сдавать позиции, хотя обещанные два дня давно проши.

— Не знаю, уже должно было, — виновато хмыкнула я. Потом, критически оглядев его, задумчиво проговорила. — Знаешь, не хочу тебя расстраивать, тем более что это может стоить мне жизни, но мне кажется, что у тебя и брови, и ресницы стали синими.

Точнее, мне не казалось, они действительно давно посинели. И найти объяснение этому факту у меня не получалось, поэтому я до сих пор не спешила радовать новостями нечасто глядящего в зеркало мужчину. Остальные члены экипажа были со мной полностью солидарны: рисковать жизнью, сообщая неприятные вести, не хотелось никому.

— Дай мне этот флакон, он тут? Или ты его уже в утилизатор скинула? — недовольно поморщившись (кажется, он мне просто не поверил), поинтересовался мужчина.

— Нет, зачем? Тут стоит, — я перебралась к противоположной стене и, поднявшись на коленях, дотянулась до шкафчика, из которого извлекла небольшой серебристый пузырёк с крышкой цвета Кварговой причёски. — Вот.

— Это что за контрабанда с Голубой Звезды? — озадаченно хмыкнул он, вчитываясь в инструкцию.

— Ну, они много всяких косметических средств делают, — машинально ответила я, озадаченно следя за выражением лица Кара. Которое по мере прочтения почему-то вытягивалось, а в глазах проступало обречённо-мрачное выражение. — Считаются самыми

качественными, у ребят оттуда вообще на внешности бзик. Я потому и решила испытать, что не ожидала подвоха. Что случилось? — спросила я, на всякий случай отодвигаясь в дальний угол ванны. Взгляд Кварга не предвещал мне ничего хорошего, а его поведение заставило всерьёз насторожиться.

Аккуратно отставив флакон в дальний угол, мужчина с закрытыми глазами откинулся на бортик, стиснув зубы и сжав руками края ванны так, что побелели костяшки пальцев. Мне даже показалось, что прочный пластик промялся под его ладонями.

— Ты чего? — совсем уж тревожно поинтересовалась я, прикидывая, как бы половчее выскользнуть мимо него наружу. Вероятность успешного побега была ничтожно мала: выход располагался как раз за спиной Кара.

— Я медитирую, — сквозь зубы процедил он. — Чтобы не свернуть кое-кому шею. Скажи мне, шутница, ты которую из надписей читала, оригинал или перевод?

— Перевод, — призналась я. — У меня с языком Голубой Звезды не очень, я с ними никогда не работала. А что не так-то?

— А то что... руки отрывать надо таким переводчикам! — рявкнул он. — И заодно всяким несознательным юмористкам. Иди сюда, — мрачно велел он. Прикинув, что хуже, — попасть под горячую руку прямо сейчас, или ещё немного испытать терпение мужчины, — я решила всё-таки послушаться.

— Кар, ты меня пугаешь. Что там написано? Оно не смывается, что ли? — предположила я, когда Кварг устроил меня перед собой и обхватил одной рукой, заодно сжав коленями. Это было бы приятно, если бы не его странное поведение и выражение лица. — Но там же написано...

— Знаешь, что там написано? — угрожающе ласково проговорил мне на ухо Кар, дотягиваясь до флакона и демонстрируя мне надпись на двух языках. — Только наличие этого кривого перевода тебя и спасает, имей в виду; похоже, это действительно контрабанда, и только духи знают, как она сюда попала. А написано тут — дословно! — следующее: «Любой цвет может стать естественным! Достаточно один раз вымыть голову, и весь волосяной покров на вашем теле навсегда приобретёт желанный оттенок, и через два дня никто уже не сможет оспорить природное происхождение этого цвета! Одно применение полностью изменит вашу жизнь!» А дальше фирма даёт пожизненную гарантию.

Я тупо смотрела на перевод, согласно которому Кварг держал в руке временный смываемый краситель, и дивилась выдержке и терпению мужчины. Я бы на его месте выговором не ограничилась. Не убила бы, наверное, но попыталась...

— Глюмова слизь! А если перекрасить? Там есть более человеческие оттенки, — робко предложила я.

— А насчёт перекрасить тут тоже пункт имеется, — ехидным тоном продолжил он. — Что повторное окрашивание возможно только после обследования специалистами, и за результат окрашивания без одного компания ответственности не несёт. Ну, что скажешь в своё оправдание? — поинтересовался Кар, опять осторожно отставляя флакон.

— Виновна, — с тяжёлым вздохом кивнула я. — Я даже не знаю, как перед тобой за это извиняться! Я правда думала, что он на пару дней, а потом смоеется... Я вообще не думала, что такое возможно — перекрасить все волосы одним мытьём!

— Да я тоже не химик, — хмыкнул мужчина. — Но про эксперименты такие когда-то краем уха слышал; оно вроде как генетическую структуру перекраивает. Потому и написано, что повторное окрашивание только после осмотра специалистами, а то духи знают, что в

итоге получится.

— Прости, пожалуйста, — извернувшись в его руках так, чтобы заглянуть в глаза, проговорила я. Одно радовало: кажется, убивать меня всё-таки не собирались. — Ну, хочешь, меня тоже в какой-нибудь странный цвет покрасим? Или даже нарушим инструкцию, и в два сразу, в воспитательных целях.

— Нет уж, меня пока натуральный вариант устраивает. Но будешь должна.

— Что? — озадаченно уточнила я.

— Желание. Любое, — усмехнулся он. — Я потом придумаю, какое именно.

— Как скажешь. Имеешь полное право, — вынуждено признала я, возвращаясь в исходное положение и с комфортом устраиваясь в объятьях теперь уже бесповоротно синеволосого капитана. Напортачила, глупо спорить! — Знаешь, что я подумала... Хорошо, что наши предки в какой-то момент своей истории избавились от излишков растительности на теле. А то был бы ты Синея Бородой. Была, помнится, какая-то история про такого типа. Не помню, что там было, но точно что-то нехорошее.

— Зато я помню, — ехидно сообщил Кварг. — Он проверял своих женщин на послушание и излишнее любопытство, и в случае провала испытания убивал.

— Кхм, — смущённо хмыкнула я, не зная, что на это ответить. Намёк был более чем прозрачный, а упрёк — опять-таки, справедливый. — Ну, я правда раскаиваюсь! Могу я как-нибудь если не загладить свою вину, то облегчить твои мучения? — вкрадчиво поинтересовалась я, снова разворачиваясь на месте и прижимаясь к нему всем телом, аккуратно целуя за ухом и слегка прикусывая мочку уха зубами.

— Можешь попробовать, — усмехнулся он. — Пока ход твоих мыслей мне нравится, продолжай.

— Знаешь, — проговорила я, перетекая в другое положение и усаживаясь верхом на его бёдра. — Я в самом деле раскаиваюсь, но у меня всё-таки есть одно оправдание!

— Да ладно? — насмешливо вскинул он брови.

— Ну, оно довольно субъективное и вряд ли может быть признано весомым, — честно предупредила я, с удовольствием запуская пальцы в ярко-синие пряди. — Мне кажется, этот цвет тебе подходит. Во всяком случае, на мой вкус выглядит просто великолепно!

— Подлизываешься? — иронично хмыкнул мужчина.

— Ну... да, — созналась я. — Хотя говорю всё как есть, совершенно честно! А что, не надо подлизываться? — тихонько мурлыкнула я, языком обводя контур уха.

— Нет уж, продолжай, раз начала, — возразил он, обеими руками аккуратно сжимая мои ягодицы и прижимая меня к себе.

— Я понимаю, что я не вовремя, — раздался откуда-то из-под потолка голос Кверра. — Но у нас гости. В системе только что появился корабль. Большой корабль. Очень большой корабль неизвестного класса непонятной конфигурации. Все, кому интересно, могут подтягиваться в рубку, — резюмировал он и отключился. И только после этого я сообразила, что это было общекорабельное оповещение, а не индивидуальное обращение.

Переглянувшись, мы с Кваргом поспешили на сушу. Если Вер подобным образом развлекается, ничто не мешало намылить ему холку и вернуться к прерванному занятию. Но я сомневалась, что он может так глупо и опасно шутить: при всём своём разгильдяйстве дураком Таракан не был.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗЕМЛЯ

*Мне сегодня не найти себе места,
Мне сегодня стало на земле тесно.
Я ушёл в открытый океан, в темень;
Только затонувших кораблей тени
Видели, как молния вошла в темя!*

*Прежде чем испробовать морской соли,
Я хочу увидеть, как взойдёт Солнце,
Как сверкает в солнечных лучах город.
Бешено колотится в груди кто-то:
«Выпусти меня отсюда, ты!»*

Группа «Сплин», «Выпусти меня отсюда»

Сказать, что корабль был большой — ничего не сказать. Если верить приборам, он был чудовищно огромный, и сложно было не усомниться в размерах отображаемой масштабной сетки. Не корабль — целая планета; ну, или, по меньшей мере, не самый мелкий спутник.

— Вы быстро, — иронично хмыкнул Кверр, оборачиваясь вместе с креслом к дверному проёму, в котором застыла я, а за моей спиной — Кварг. Мужчина легонько подтолкнул меня в спину, подбадривая, и мы расселись по местам, уступая проход подоспевшим Ри и Тиму.

— Что это? — за всех зачарованно спросила Ридья.

— На мой взгляд, это похоже на звездолёт, — ехидно ответил Вер, и я даже на всякий случай покосилась в его сторону, на самом ли деле это были его слова: уж очень знакомые интонации прорезались в голосе.

— Оно какие-нибудь сигналы выдаёт? — прагматично поинтересовался Тимул, устраиваясь в одном из пассажирских кресел.

— Выдаёт, кучу всего, — охотно пояснил Кверр. — Мы даже некоторые принимаем, но расшифровать пока не получается. Я, конечно, все мощности подключил, но процесс долгий. А эти ребята с их скоростью будут возле нас минут через пять.

— А они точно к нам летят? — уточнила Ридья.

— Точно, и очень целенаправленно, — «утетишила» её Пи. — Конечно, вполне возможно, что это колонисты, которых заинтересовала данная планета, но... В общем, лично я в такое не верю. Они здесь явно по нашу душу.

— Великовата честь, — неприязненно проворчала я.

— Может, они тут рядом были. Иначе как они так быстро до нас добрались? — возразил Кверр.

— Откуда мы знаем, на каких принципах построены их двигатели? — поморщилась Птичка. — Может, им через пол-галактики прыгнуть — две минуты!

— Так, на маневровых двигателях мы от них точно не удерём, — резюмировала я, внимательно разглядывая корабль и, особенно, цифру, показывающую скорость приближения данного тела. И — да, в эту цифру тоже верилось слабо. — И прыгнуть не успеем, прыжковый с подзарядки переключаться будет долго. Может, притворимся космическим мусором?

— Боюсь, не поверят, — печально вздохнула Пи. — Я тоже об этом думала; были бы какие-нибудь астероиды вокруг, ещё был бы шанс. А так очень сомнительно.

— Значит, будем надеяться, что они с нами хотя бы попытаются поговорить, — оптимистично пробормотала я. — Ой!

— Что случилось?

— Мы летим им навстречу, и я этот процесс контролировать не могу. Быстро летим!

— Ну, значит, они всё-таки желают познакомиться, — невозмутимо подытожил весь разговор Кварг. — Ждём.

Ждать пришлось недолго. Уже буквально через пару минут, сменив ракурс обзора, мы увидели корабль не приборами, а на расстоянии прямой видимости. Серебристая машина, формой похожая на рыбу без хвоста, вблизи оказалась не такой уж однородной. Её поверхность покрывали какие-то наросты и выступы конструкций непонятного назначения.

А ещё вокруг роилось множество крошечных корабликов-спутников, каждый из которых был значительно меньше нашей яхты. Пара таких крошек, отколовшись от общей массы, стремительным рывком переместилась к нам и двинулась параллельным курсом чуть позади яхты; конвой, не иначе.

В конце концов, инопланетный звездолёт втянул наш корабль в свои недра, и мы совершили посадку внутри огромного ангара. Это я ещё вовремя опомнилась и отдала команду выпустить стойки, а то шмякнулись бы на брюхо. Некоторое время ничего не происходило, только вид на открытый космос за нашими спинами затянула матовая полупрозрачная мутная плёнка. Внешние датчики буквально через несколько секунд доложились о комфортности условий для существования за пределами корабля — составе воздуха, температуре.

Мы все почему-то молчали; наверное, от волнения. Но страшно не было, по крайней мере — мне. Судя по тому, что мы увидели, эти инопланетяне если от нас отличаются, то не слишком кардинально: дышат тем же воздухом, демонстрируют схожую логику. На их месте я бы тоже бесцеремонно подтащила непонятный объект, не отвечающий ни на какие сигналы, поближе, и рассматривала уже вот так, под микроскопом. Да и общий вид чужого корабля не вызывал отторжения: никаких сюрреалистических цветов, изломанных линий и ничего необычного. Если бы не исполинские размеры, можно было бы предположить, что корабль построен где-то на Сестре по спец-проекту.

Движение наметилось минут через десять. В ангар вошли двое... человек. Во всяком случае, выглядели они именно так. Но тот, что шёл позади, был затянут в серебристый костюм-скафандр, и разглядеть его подробнее сквозь затемнённый шлем было невозможно, так что он вполне мог принадлежать к другому виду.

А вот впереди шёл мужчина совершенно человеческой наружности, и я бы не слишком удивилась, встретив его на том же Брате. Светлые волосы какого-то непонятного тусклого цвета, светлая кожа, строгие черты узкого скуластого лица, совершенно человеческая пластика движений. В отличие от своего спутника, этот был одет явно повседневно. Тёмные, почти чёрные штаны, того же цвета обувь (или это была не обувь, а часть штанов?) и серебристо-серая долгополая безрукавка с невысоким воротником-стоечкой. Безрукавка плотно обтягивала торс, оставляя открытыми сильные жилистые руки. Ещё из одежды имелся широкий пояс, напоминающий своим видом наши разгрузки, и широкий глянцевочёрный браслет на левой руке. Последний, кажется, выполнял совсем не декоративную функцию.

Тот, что был без шлема, остановился в нескольких метрах от корабля, а второй замер за его плечом — видимо, он представлял собой охрану. Со спокойным интересом в глазах осмотрев нашу яхту с близкого расстояния, мужчина выжидательно уставился прямо на нас, сделав широкий приглашающий жест рукой. И замер, сложив руки за спиной; он явно был настроен ждать столько, сколько понадобится.

Смотрел он, конечно, на камеру внешнего обзора, непонятным образом распознав её среди монолитной обшивки, но было такое ощущение, что он видит нас сквозь обшивку и все переборки. И с ироничным сочувствием ожидает, пока до нас дойдёт, что сопротивление бесполезно, и мы всё-таки выйдем наружу.

— Ну, что, отправляемся проверенной группой? — хмыкнул, наконец, Кварг.

— Идите, — нехотя благословил нас младший. — Передатчики с переводчиками не забудьте!

Ничего на это не ответив, мы вышли из рубки.

Перед вылазкой наружу пришлось для начала завернуть в каюту, которую мы делили на двоих. Если брать оружие и натягивать защитные комбинезоны было попросту бессмысленно, — тот факт, что наш корабль пока ещё принудительно не вскрыли с особым цинизмом, был просто жестом доброй воли, — то устройства связи, переводчик и ещё какие-то мелочи прихватить стоило. В итоге смотрелись мы довольно колоритно: я в своём чёрном обтягивающем комбинезоне при разгрузке и нынче по определению весьма эффектный (пока не наступит привыкание к новому цветовому решению шевелюры) Кварг в свободных тренировочных штанах, в свободной же рубашке навывпуск и удобных мягких ботинках. Он в разгрузку впрягаться не стал, только застегнул поверх рубашки пояс с самым необходимым, да прилепил к уху переводчик с рацией.

В общем, в нашем тандеме именно я была похожа на охрану. Забавно.

Время мы искусственно не затягивали, но всё равно несколько минут на выход из корабля ушло. За это время оба представителя незнакомой цивилизации, кажется, даже не пошевелились. И когда мы спустились по трапу, тоже не двинулись с места, явно предлагая нам самим подойти для контакта.

— Здравствуйте, — первым нарушил молчание светловолосый, слегка склонив голову. Переводчик сработал исправно, что не могло не радовать. Посмотрим, что будет дальше.

— Здравствуйте, — также невозмутимо кивнул в ответ Кварг, то ли намеренно, а то ли случайно копируя позу собеседника: ноги на ширине плеч, руки сцеплены за спиной. Вообще, при ближайшем рассмотрении эти двое показались мне очень похожими. Нет, внешность была совершенно разная, но... что-то, определённо, их роднило.

Может, профессия?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Почему вы не отвечали на запросы? — с мягкой дружелюбной улыбкой поинтересовался собеседник.

— Мы, к сожалению, не успели расшифровать ваши сигналы, и не могли ответить чисто технически, — таким же спокойным светским тоном с точно такой же вежливой гримасой ответил Кар, пожав плечами.

— Расшифровать? — уточнил так и не представившийся мужчина неопределённого вида. Хотя я уже почти не сомневалась, что перед нами человек; тоже что ли потомки каких-нибудь колонистов? Начинаю соглашаться с той так и оставшейся безымянной девочкой-планетой: многовато вокруг людей развелось. — Хм. В таком случае, назовите, пожалуйста, цель вашего пребывания в данной системе, порт приписки и цель назначения.

Похоже, чужаков в нас не распознали, иначе вряд ли его интересовали бы именно эти вопросы...

У Кварга между тем ни один мускул на лице не дрогнул, вот что значит выучка и опыт. И ведь даже синяя шевелюра не портит впечатления! Впору залюбоваться, но я тоже вспомнила навыки и сохраняла каменно-спокойное выражение лица.

— Свободный поиск, туризм, — невозмутимо ответил он. — Порт приписки по техническим причинам отсутствует.

— А почему говорит он, а не вы? — с лёгким оттенком любопытства поинтересовался незнакомец, явно обращаясь напрямую ко мне.

— А чем он не устраивает вас в качестве собеседника? — с трудом удержав на лице нейтральное выражение, уточнила я.

— Ну как-то странно разговаривать с ним при наличии тут хозяйки, — пожал плечами светловолосый.

Вот тут я офигела совершенно. Судя по тому, как озадаченно переглянулся со мной Кварг, — он тоже.

— А я ему не хозяйка, — бесхитростно сообщила я, ничего умнее не придумав.

— Ах да, надо думать, капитан внутри? — понимающе кивнул абориген.

— Хм. Нет, вообще вот он — капитан. Потому и с вами разговаривать вышел именно он, — пояснила я, почему-то чувствуя при этом определённую неловкость, будто сообщала нечто очень неприличное.

Как-то совершенно не так я представляла себе встречу с развитой инопланетной цивилизацией.

Теперь пришла очередь местного офигевать, и он обвёл нас обоих растерянно-ошарашенным взглядом. Да за кого он Кара принял?!

— Я могу подняться на борт? — вежливо уточнил он. Как будто мы действительно имели право отказать ему в этой маленькой прихоти.

— Да, пожалуйста, — не стал спорить Кварг, делая приглашающий жест в сторону трапа и кивая мне. Я послушно направилась первой, а белобрысый сделал своему спутнику знак остаться снаружи. — Вы желаете взглянуть на остальных экипаж?

— В том числе, — уклончиво ответил белобрысый, следом за мной ступая на наклонную плоскость.

Предположить, что на яхту заявятся гости, мы не могли, поэтому мне пришлось спешно прикидывать, откуда начинать экскурсию. Вряд ли его интересовали двигатели, правда? Поэтому я решила начать с того, о чём спросила: с экипажа. С одной стороны, было довольно глупо вот так спокойно вести незнакомое существо в святая святых. Но мы, опять же, находились не в том положении, чтобы дёргаться ещё и из-за подобных мелочей.

Встреча в рубке началась с немой сцены. Белобрысый разглядывал помещение и экипаж, экипаж отвечал ему взаимностью. Причём в глазах Пи светилось любопытство, — она явно желала пощупать живого инопланетянина, но героически сдерживалась, — а все остальные глядели настороженно. Ридья явно жалела об отсутствии под рукой верного «Приказа», а Кверр рассматривал гостя сквозь лёгкий прищур, будто прицеливался.

— Забавно, — пробормотал себе под нос гость, озираясь. — Это весь экипаж?

— Да, — ответил Кварг, продолжая стоять в проходе.

— Забавно, — повторил визитёр, не конкретизируя, впрочем, что именно кажется ему забавным. — Так откуда вы, говорите, следуете, и что делаете на орбите этой планеты? — повторил он, ни к кому конкретному не обращаясь.

— А мы не говорили, — усмехнулся Кверр.

— Мы с Брата, — наконец, перестал ломать комедию Кварг, и ответил внятно.

— С Братска? — удивлённо переспросил белобрысый, резко оборачиваясь и озадаченно разглядывая нашего капитана.

— Нет, с Брата, — повторил Кар.

— Может, проще будет на карте показать? — внесла рацпредложение я. Синеволосый недовольно поморщился, но кивнул, и сидевший за пультом навигатора Кверр вывел на центр рубки голографическую проекцию карты доброй трети галактики. — Мы сейчас вот здесь, а прилетели вот отсюда, — и среди россыпи звёзд зажглись две яркие точки.

— Это довольно неудачная шутка, — ровным голосом прокомментировал белобрысый.

— Не, у нас последнее время в шутках Яра отличается, — не утерпела Птичка. — А Веф правду говорит. А что не так?

Белобрысый опять оглядел нас очень внимательным взглядом и не слишком уверенно предположил:

— Вы люди?

— С утра были, — захихикала неугомонная Птера. — Хотя вот за эту парочку я после всех приключений не уверена, — она кивнула в нашу с Кваргом сторону. — Но они вроде тоже не пытаются заколоситься.

— И он тоже человек? — гость кивнул на Кварга. — Не кибер и не конструктор? Живой?

— Это, пожалуй, вам тоже Яру спрашивать надо, — пользуясь возможностью поболтать, опять захихикала Пи. — Она с гарантией...

— Пи! — не выдержав, одёрнула её я. Да и вообще все эти словесные танцы и брожения вокруг да около здорово надоели. По-моему, в нашей ситуации было куда логичней объяснить всё сразу и по существу, а не цедить по слову в час. — В общем, вы, конечно, извините, но мы представители другой цивилизации. То есть, мы действительно прилетели именно оттуда, откуда показали. Здесь мы на дозаправке, двигателю нужно время для восстановления. А летим мы вот сюда, — я просто ткнула пальцем в нужный сектор галактики, — потому что хотим найти Землю, и по нашим прикидкам она должна быть там. И — да, мы люди. Ну, если переводчик правильно подбирает аналог. Наша цивилизация — это потомки земных колонистов.

— Кхм, — глубокомысленно кашлянул белобрысый, разглядывая меня. — Человек? Синий? — и он недоверчиво кивнул в сторону Кварга.

Это замечание вызвало очень бурную реакцию. Я только смущённо хмыкнула, а остальные дружно грянули хохотом. Даже сам Кварг, хоть и не смеялся, но посматривал на меня с насмешливым ехидством.

— Да это случайно получилось, он не от природы такой, — сквозь смех пояснила Птера. — Краска просто; это кое-кто так пошутил. Слушай, «кое-кто», а вы выяснили, почему оно не смывается?

На этом месте Кар не удержался от насмешливого фырканья, а я, виновато вздохнув, пояснила, несмотря на несвоевременность вопроса:

— Дефекты перевода инструкции по применению. Короче... он теперь навсегда такой. Нет, ну, конечно, можно более традиционными методами покрасить в нормальный оттенок, но тогда придётся регулярно обновлять, — неуверенно предложила я Кваргу.

— Нет уж, один раз ты меня покрасила, хватит, — ехидно возразил он.

— С ума сойти, — прервал наш разговор озадаченный возглас гостя, про которого все немного забыли. — Я не уполномочен решать подобные вопросы, поэтому вам всем лучше пройти со мной.

— Куда? — настороженно уточнили сразу несколько голосов, включая мой.

— К капитану, разумеется, — со вздохом ответил белобрысый.

Мы не хотели идти всем составом (точнее, боюсь, не хотели этого только мы с Каром), но так и не представившийся абориген настоял. Надо думать, в наше отсутствие здесь произойдёт тщательный и очень подробный обыск. Впрочем, я не думала, что нам удастся чем-то этих «искателей» удивить, поэтому даже не стала оглашать свои подозрения вслух. Всё равно, повторяюсь, мы не в том положении, чтобы спорить и качать права. Надо сказать спасибо, что хотя бы обращаются вежливо.

Путь по чужому кораблю оказался неожиданно коротким, или, вернее, недолгим. Оценить пройденное расстояние было невозможно: из ангара мы в сопровождении присоединившегося к нам типа в скафандре прошествовали в... наверное, это был лифт. Рискну также предположить, что перемещался он отнюдь не в одном направлении. Хотя как именно он управлялся, я так и не разобралась, потому что наш провожатый ни на какие кнопки не нажимал и ничего никому не командовал. То ли извне, то ли какими-то непонятными нам манипуляциями, — но как-то управлялся, потому что из небольшой комнатки яйцеобразной формы мы вышли совсем не в ангаре.

Короткий безликий коридор нейтрального серого цвета до боли напомнил внутренности военных (да и большинства мирных, честно говоря) кораблей далёких Сестры и Брата. А вот комната, в которую мы вслед за белобрысым и под конвоем типа в скафандре прошли через неприметную серую же дверь, напомнила скорее интерьеры мест обитания всяческих высокопоставленных типов вроде Кварга в прошлом. Просторное помещение было разделено на две зоны: вход вёл в гостиную с удобными креслами и диванами вполне приятных нашему глазу очертаний, а впереди и сбоку на небольшом возвышении располагалась зона рабочая, там виднелись какие-то шкафы и длинный стол с рядами стульев. Вся комната была выполнена в бело-зелёных тонах с серебристой отделкой.

Единственный обитатель покоев обнаружился в кресле, возле заваленного какими-то плотными полупрозрачными листами и даже целыми папками стола. Слева от него в воздухе висел по виду совершенно однородный серебристый диск, а справа между документов (а что это ещё могло быть?) стоял высокий прозрачный стакан в странной металлической конструкции с ручкой, в котором мужчина помешивал ложкой что-то прозрачно-коричневое.

— Докладывай, — не отрываясь от чтения и позвякивания ложки, кивнул он.

— Товарищ полковник, тут... представители дружественной цивилизации, — что называется, «в лоб» ответил наш провожатый.

— Насколько дружественной? — хмыкнул «товарищ полковник».

— Ну... — растерялся от такого вопроса белобрысый. — Не могу знать. Я подумал, что вам будет полезнее лично на них взглянуть. Они из дальних секторов. Которые карантинные, — понизив голос, сообщил наш проводник.

— Да не карантинные они! — раздражённо проговорил обитатель комнаты, наконец-то поднимая взгляд от бумаг. И замер, ошарашенно разглядывая нашу компанию. — Капитан, — тихо, проникновенно проговорил он, причём на представление это было не похоже: он явно обращался к проводнику. Тогда почему «капитан»? Надо думать, дефекты перевода. — Твою бога душу мать! — процедил он, поднимаясь с места. — Ты заранее сообщить мог?

— Виноват, — вытянулся сопровождающий.

— Ох, проваливай с глаз моих, считай — отделался устным предупреждением. И это с собой тоже заberi, — он махнул почему-то не на нас, а на молчаливого типа в скафандре.

— Может, лучше не стоит? Вдруг цивилизация не слишком дружественная? — неуверенно предположил белобрысый.

— Дощенков, какая буква в слове «приказ» тебе непонятна? — раздражённо рявкнул хозяин помещения, шваркнув об стол своими документами.

— Виноват! Разрешите идти?

— Иди уже, иди! — глубоко вздохнул «товарищ полковник». И, когда за двумя нашими

конвоирами закрылась дверь, проговорил, с интересом разглядывая нас. — Правда что ли из заповедника?

— Простите? — озадаченно переспросил Кварг. Мне слово «заповедник» тоже не очень понравилось, но «карантин» не понравилось ещё больше, и я промолчала. Куда сильнее я сейчас была увлечена созерцанием, чем разговорами. Как, подозреваю, и обе сестрички.

Дело в том, что «товарищ полковник» был... великолепен. Потрясающе красив, в превосходной степени этого слова. Им можно и нужно было любоваться, и даже, наверное, стоило водить экскурсии.

Точно такой же, как у нашего проводника, наряд обтягивал скульптурно вылепленный торс, оставляя открытыми сильные плечи и руки. Но особо стоило остановиться на лице; я вообще никогда прежде не видела мужчин, которых можно было бы назвать красивыми, но при этом совершенно лишёнными слащавости, и не думала, что такая внешность может существовать в природе. Однако — вот оно, пожалуйста. При взгляде на этого человека в голове отчётливо и настойчиво билось одно слово: «идеал». И что-то подсказывало, теперь при упоминании этого понятия я долгое время буду вспоминать именно «товарища полковника».

Но самой потрясающей деталью его внешности были глаза. Чистые, открытые, ярко-зелёного цвета, с мимическими морщинками в уголках и до того весёлые, что, глядя в них, так и тянуло улыбнуться в ответ. Наверное, был у него такой специфический разрез глаз, потому что даже когда он ругался, создавалось впечатление, что в душе мужчина потешается и над собой, и над собеседником.

— Кхм, — озадаченно (и как мне показалось слегка смущённо) кашлянул он. — Давайте мы всё-таки для начала присядем и познакомимся, как цивилизованные люди. И извините за беспорядок, что ли; я как-то не ожидал гостей, — обезоруживающе улыбнулся он. Мы (по крайней мере, женская часть экипажа — точно, а на остальных я не оглядывалась) заулыбались в ответ и синхронно проговорили что-то в духе «ничего страшного, всё замечательно», устраиваясь в креслах. — Может быть, чаю? — предложил он, когда все присели.

— А что это? — уточнил Тимул.

— Это напиток такой. Если смотреть шире, это отвар листьев одного замечательного куста. Но я, впрочем, погорячился с подобным предложением; чёрт его знает, как он на вас подействует, сначала проверить надо. Сейчас денщик всё организует, — он опять улыбнулся, ткнул что-то на браслете, и буквально через несколько секунд открылась дверь.

— Звали, товарищ полковник? — поинтересовался вошедший мужчина. Был он немолод, лет шестидесяти на вид, носил усы (кажется, подобная растительность на лице называлась именно так), и одет был иначе, чем наш собеседник. Точнее, внизу всё было похоже, а вот рубашка была свободная и с длинным рукавом, хотя в остальном (в частности, материалом, воротником, отсутствием видимой застёжки и наличием широкого пояса) и походила на наряд капитана корабля.

— Да. Организуй нам тут чаю на всех, ага? И прихвати анализатор; он, по-моему, в переговорной лежал.

— Будет сделано, — зачем-то махнув ладонью у виска, ответил тот и вышел.

— Так. Ладно. Что я ещё... А! Представиться. Полковник космического флота Алексей Сергеевич Яхрушев, капитан патрульного крейсера «Детка Буря».

— Какое странное название, — хмыкнула я.

— Не то слово, — махнул он рукой, улыбнувшись. — Но мы вроде привыкли. Кстати, можно просто «Алекс».

В ответ на это мы все представились, причём Ридья отчего-то смутилась (чего я от неё совершенно не ожидала), а Пи сначала представилась Птичкой, и только потом, опомнившись, исправилась. Почему-то её настоящее имя мужчине очень озадачило, но уточнять подробности я не стала.

— Теперь можно и по делу поговорить. С вашего позволения, первый вопрос: куда вы всё-таки направлялись, когда мы вас подобрали?

— Мы искали Землю, — ответила я через несколько секунд, когда молчание начало затягиваться и выглядеть неприличным. Почему-то Кварг в этот раз слово брать не стал. — Ну, ту, изначальную, с которой прилетели наши предки.

— Кхм, — вновь кашлянул Алекс. — Вот даже как! И зачем вы её искали?

— По моей инициативе, — сразу созналась я, не упоминая, впрочем, об основном факторе, толкнувшем нас в это путешествие. — Я с детства бредила сказками о ней, и не верила, что её не существует, на чём настаивала официальная наука. Мне казалось, что цивилизация, отправившая такие совершенные корабли для колонизации далёких планет, не могла бездарно погибнуть.

— О! Ну, тогда поздравляю, вы оказались правы... Ярника, да? Замечательное у вас всё-таки имя, очень знакомо звучит, — он, удивлённо вскинув брови, задумчиво качнул головой, но потом всё-таки продолжил. — Так вот, Земля действительно существует. И полгода назад, когда я был в отпуске, спокойно болталась на привычной орбите; а там кто его знает, — он весело и бесшабашно улыбнулся.

— То есть, вы всё-таки земляне?! И этот корабль, он построен землянами?! — я от восторга подалась в кресле вперёд, вцепившись в подлокотники и пристально вглядываясь в лицо Алекса в попытке уловить малейшие признаки фальши.

Подозрение, — даже, скорее, надежда, — что корабль принадлежит именно тем, кого мы ищем, было у меня с самого начала. Но всерьёз поверить в такое чудо было очень сложно.

— Строго говоря, построен он на дальней верфи на орбите Урана, но — да, землянами, — с весёлой улыбкой ответил он. — Более того, если то, что вы говорите, правда, я обязан доставить вас на Землю в целости и сохранности в кратчайшие сроки.

— Зачем? — напряжённо подал голос Кверр.

— Потому что это уникальный случай: народ из заповедных секторов самостоятельно вышел на контакт. И разговаривать с вами должно высокое начальство, а не пограничники, — он пожал плечами.

— А почему вы назвали эти... сектора заповедником? — уточнила я. Раз уж никто больше не хочет брать слово, то — духи с ними! А мне чудовищно любопытно, и бороться с этим ощущением никакого желания нет. Подумать только — огромный великолепный корабль, построенный ими, самыми настоящими живыми землянами с живой и настоящей Земли! И одно из этих легендарных существ сидит сейчас прямо передо мной, и я могу с ним разговаривать! Более того, оно — это обаятельный улыбчивый мужчина совершенно привычной (ну, не считая его выдающихся эстетических качеств) наружности, охотно идущий на контакт.

— Вы только не обижайтесь, но... потому что это заповедник, — он виновато развёл руками. — Антропологический заповедник. После Первой Космической эпохи, в которую,

собственно, произошло массовое заселение удалённых планет, на Земле произошла война, имевшая тяжёлые последствия. Но через полтора года выжившие оклемались и вновь выползли в космос. Грань вымирания несколько изменила наше мировосприятие, мы немного поумнели в сравнении с нашими предками, и стали бережнее относиться к окружающему миру. Так что теперь мы очень аккуратно подходим к вопросу заселения подходящих для того планет, а те, которые были заселены прежде... наблюдаем, но не вмешиваемся. В конце концов, каждый должен делать свой выбор, как ему лучше жить. Вы на эту планету, возле которой мы вас нашли, не спускались? Там можно наблюдать совершенно потрясающий и уникальный случай ассимиляции... Так, это уже лирика. Главное, мы старательно обходим заповедные сектора дальними дорогами. В мои обязанности, собственно, входит отлов всяческих нарушителей границ. А тут — вы. Вы, честно говоря, первые представители какого-то из заповедных миров, пожелавшие вступить с нами в контакт. Так что готовьтесь, наши антропологи, лингвисты и прочие исследователи из вас душу вынут, — рассмеялся он. — Фигурально выражаясь; никто вас, конечно, резать не будет, не волнуйтесь.

— Такой огромный корабль — для ловли... браконьеров? — спросила я, потому что остальные возникшие в голове вопросы были риторическими, а то и вовсе вопросами не были. Сложно спокойно принять тот факт, что тебя воспринимают как редкую и тщательно оберегаемую зверушку, вдруг продемонстрировавшую нетипичное поведение и признаки разумности.

— Видели бы вы этих браконьеров! — поморщился Алекс. — Встречный вопрос, а скажите, вот такая расцветка...

— Это краска! — поспешно перебила я его. Ох, чувствую, Кварг мне сегодня точно голову открутит за этот «цвет молодой листвы»! Медленно и мучительно, и будет полностью прав.

— И у вас тоже краска? — с некоторым разочарованием проговорил он.

— У меня? — растерялась я. — Нет, у меня как раз настоящий цвет. А что в нём необычного?

— Ну, просто сочетание странное. Довольно тёмная кожа и белые волосы; на Земле беловолосые в основном обладают очень бледной кожей, да и вообще такой оттенок встречается крайне редко.

— Нет, для Сестры... для той планеты, откуда я родом, это довольно типичная внешность, — озадаченно пояснила я. — У нас теплее, чем на Брате, и мы все более смуглые.

— Сестра и Брат? — заинтересованно уточнил он.

Не поддаваться обаянию Алекса было невозможно. Если бы он был просто красивым человеком, это было бы пол беды; но с ним при этом ещё было невероятно легко и приятно общаться, что подкупало. И я принялась рассказывать.

Впрочем, мозги мои затуманились ровно настолько, насколько это было допустимо с профессиональной точки зрения. Как бы себя ни вёл и что бы ни говорил этот мужчина, и как бы ни пела моя душа от осознания того факта, что Земля существует, и передо мной сидит один из её уроженцев, было очень глупо верить ему на слово. Да и рассказывать лишнее тоже не стоило: я прекрасно помнила собственные подозрения, а слова «товарища полковника» о заповеднике совсем не объясняли всех обнаруженных нами странностей и противоречий. Если они не воздействуют на наши миры, кто-то ведь это делает!

Но, духи поберите, я не готова была отказаться ради конспирации от такого собеседника: мне было невероятно интересно и приятно с ним разговаривать! И, повторюсь, отказывать себе в этом удовольствии я не собиралась.

Ну, вот опять. Как же мне надоела эта неработающая интуиция, кто бы знал!

Происходящее мне категорически не нравилось, нервировало и жутко раздражало. Я, опять же, чувствовал надвигающуюся беду, и как всегда не мог точно определить, на самом ли деле это предчувствие, или опять осечка.

Может, я путаю, и это на самом деле никакая не интуиция, а просто здравый смысл, опыт или вовсе паранойя?

Опять всё мирно и безобидно вокруг, и опять меня это нерврует. Слишком благодушные эти «земляне», слишком легко верят на слово, слишком наплевательски относятся к вопросам безопасности. Даже если они считают нас чем-то вроде необычных зверушек, глупо находиться рядом с диким непредсказуемым животным в клетке один на один. И если первый, которого называли капитаном, сопровождался охраной (от типа в скафандре за несколько метров тянуло нешуточной опасностью), то этот Алекс проявлял феноменальную беспечность.

Ну, или, если откинуть версию о его глупости как несостоятельную, здешние охранные системы мы просто не могли распознать.

Вот кем-кем, а глупцом этот «товарищ полковник» не был. Он категорически, просто до отвращения не понравился мне с первого взгляда, и очень хотелось считать его бездарью и ничтожеством, но недооценка противника — первый и самый большой шаг к смерти. Перед нами находился профессионал высочайшего класса. Да и не удивительно, вряд ли на должность командующего такой махиной поставят абы кого.

Почему Алекс вызвал у меня настолько сильную негативную реакцию, я и сам не понял. Наверное, при других обстоятельствах всё было бы иначе, а сейчас собственная беспомощность и зависимость от каких-то совершенно непредсказуемых факторов очень раздражала. Может, и жаль, что обучение и служба моя проходили по боевому направлению, а не по разведывательному.

Поэтому я решил не лезть на рожон: сомневался, что личное отношение не скажется на исходе всего разговора, и я не наворочу глупостей. Я всегда в таких ситуациях предпочитал отмалчиваться.

Но зато у меня появилась великолепная возможность вновь увидеть Яронику «в деле» и получить удовольствие от наблюдения.

Поначалу я, каюсь, подумал о женщине плохо. Я был в полной уверенности, что она, как и Ридья с Птерой, и даже Тимул, купилась на обаяние Алекса.

Но, так это было или нет, она всё равно осталась собой, и, слушая её рассказ, я не мог ею не восхищаться. Если бы я не знал, как всё обстояло на самом деле, я бы точно поверил. Верил ли оппонент? Сложно сказать, по нему вообще было сложно что-то определить.

Как бы то ни было, выглядел их разговор как увлечённая светская беседа. Яра бодро рассказывала о всех нас; почти правду, но столь изящно исправленную, что её бы никакой детектор лжи не уличил. Я в её словах был отставным офицером, она — профессиональным пилотом. Программист и навигатор Тимул, его жена домохозяйка Ридья, техники Кверр и Птера... И ведь ни одного слова лжи!

В общем, по результатам наблюдения можно было сделать один важный и приятный вывод: да, Алекс профессионал, но Яроника делала его по всем статьям. Я бы точно так не

смог; что называется, опыт! Сохранять невозмутимость я, например, умел практически в любой ситуации, а вот так изящно с искренним восторгом врать в глаза — это был высший пилотаж. С другой стороны, в этом ничего удивительного не было: Яра всё-таки полевой агент, а Алекс — военный. Вот когда за нас возьмутся профессиональные коллеги нашей Дочери, тогда и начнётся настоящая игра.

Впрочем, когда за нас возьмутся всерьёз, никакие личные качества и таланты не спасут даже её. Просто потому, что нас шесть человек, а нужными навыками и вообще пониманием происходящего отличаются не все. Как минимум, Птичка, Кверр и Тимул — уже уязвимые звенья. Первая слишком порывистая и импульсивная, второй — слишком вспыльчивый и несдержанный, третий — витающий в облаках и местами удивительно простодушный. Ридья... с ней всё сложно. С одной стороны, у этой женщины действительно железные нервы, но, с другой, на неё в её положении довольно просто надавить.

В общем, чем дальше, тем активнее я задавался вопросом: на кой всё-таки ляд мы потащились к этой Земле? На что рассчитывали?

Разговор по ощущениям был очень долгим, но на самом деле прошло чуть больше часа, когда нас отпустили. Алекс ссылался на важные дела, очень извинялся и просил без сопровождения по кораблю не ходить. Ещё он предлагал выделить нам каюты в жилой части корабля, но, видя, что Яра явно колеблется, я предпочёл вмешаться.

— Мы лучше останемся в яхте, в привычной обстановке, — со спокойной благожелательностью отказался я. Знал бы кто, чего стоил мне этот тон, когда хотелось свернуть товарищу полковнику шею!

— Да, понимаю, капитану не стоит оставлять корабль, — улыбнулся он в ответ. — Но остальных, может, отпустите?

— Экипаж во время перелёта должен занимать места согласно штатному расписанию, — отчеканил я пункт из устава космолётчиков.

— Вот теперь вижу, что мы с вами коллеги, — засмеялся Алекс. — А вы по какой части служили-то?

— По комендантской, — спокойно ответил я. И ведь тоже почти не соврал, а назвал одну из функций Неспящих... Определённо, расту над собой!

Главное, в потолок не упереться, но они тут вроде бы высокие.

— Похоже, похоже, — весело улыбаясь, покивал капитан корабля. — Вас проводят, — кивнул он на открывшуюся дверь, через которую в помещение вошёл незнакомый человек в уже знакомой форме.

Путь до корабля проделали в молчании, тем более он был недолгим, а распространяться о собственных мыслях и впечатлениях при посторонних — глупо. Впрочем, надо полагать, уж какое-нибудь следящее оборудование в корабль подсунули, обязательно надо проверить.

— Младший, можешь глянуть, не заходил ли кто-нибудь к нам в гости в наше отсутствие? — спросил я, следом за ним поднимаясь по трапу.

— Как раз собирался, — хмыкнул он. — Ладно, предлагаю сейчас собраться в кают-компании; думаю, нам есть, о чём поговорить.

В кают-компании собрались все. Женщины о чём-то оживлённо шушукались, периодически хихикая, Тимул с совершенно невозмутимым видом что-то шаманил в планшете.

— Хотите верьте, хотите нет, — сообщил Кверр с порога и двинулся прямой наводкой к бару. — Но сюда действительно никто не заходил. Даже к кораблю не подходили! Или у них

есть какие-то технологии, позволяющие делать это незаметно, — скажем, они могут видеть сквозь стены, — или я чего-то не понимаю. Тим, у тебя как?

— Да, мои следилки тоже ничего не нашли, — рассеянно улыбнувшись, отмахнулся Тимул.

— Ну, у кого есть, что сказать? — бодро поинтересовался младший, присаживаясь к столу со стаканом в руке.

— Ка-акой мужчина, — с глубоким вздохом, закатив глаза, проговорила Птичка. И женщины втроем заговорщически захихикали.

Почему-то в этот момент я почувствовал себя не в своей тарелке и вообще лишним на их празднике жизни.

— А по существу? — ухмыльнулся Кверр.

— Это и было по существу, — с довольной улыбкой проговорила Яроника, поднимаясь с дивана и грациозно потягиваясь. Учитывая её наряд, выглядело это движение завораживающе. — Я вот думаю, может, соблазнить его? Он действительно чудо как хорош, — проворковала она, тоже подходя к бару. Но открывать его не спешила, застыв у закрытой дверцы.

— Думаю, проблем с этим не будет, — фыркнула Птичка. — Мне кажется, он на тебя запал.

— Я бы не сказала, что это хорошая идея, — осторожно проговорила Ридья, качнув головой. — Кто знает, какое у них отношение к подобным... отношениям?

— Да ладно, зато она может что-нибудь интересное выяснить! — возразил Кверр. — А я знаю, мы вот сейчас капитана спросим. Старший, ты-то как думаешь, стоит Яре рискнуть? — весело поинтересовался он.

— А смысл? — я изобразил усмешку и пожал плечами. — Нет, если очень хочется, можно попробовать, но я не думаю, что он знает что-то действительно полезное, — невозмутимо пояснил я свою позицию. — Впрочем, может, и правда стоит. В любом случае, уж это точно решать Яронике.

Это, наверное, станет девизом сегодняшнего дня, но... кто бы знал, чего мне стоила эта невозмутимость! Зато лицо сохранить удалось; хотя по ощущениям было похоже, что от ироничной усмешки сводит скулы, и она так и норовит превратиться в оскал.

Мне было паскудно, причём так паскудно, как не было уже очень, очень давно.

Высказанная Яроникой идея, в которой на первый взгляд не было ничего неожиданного или страшного, произвела на меня неизгладимое впечатление. По ощущениям было похоже, будто кто-то коротко и сильно врезал кулаком под дых, или будто я с большой высоты шарахнулся спиной о твёрдый пол. Дыхание перехватило, в глазах муть, но при этом пока ещё не больно. Сложнее всего было спокойно сделать первый вдох.

Но беспокоили не ощущения, а их причина. Я вдруг очень чётко и ясно осознал: это ревность. Та самая, разрушительная и беспощадная, слепая и бешеная. И если я ревную, мне, стало быть, не всё равно. Мне небезразлична эта женщина, и отношения наши выходят за рамки просто постельного интереса. Во всяком случае, с моей стороны, и, похоже, только с моей стороны.

Главный же вопрос, насколько глубоко засела во мне эта заноза. Простой ли это эгоизм и собственнические чувства, или всё гораздо хуже? Если судить по степени накала эмоций, охвативших меня от одного только предположения... это не проблема, это уже форменная катастрофа и полный абзац, если пытаться описать ситуацию без ненормативной лексики,

что довольно трудно.

Дружба спасает жизнь, а вот любовь... любовь слепа. Когда неосторожный шаг может оборваться в пропасть, слепота — не лучшее подспорье. Наглядный пример: я только что не сумел правильно оценить противника именно из-за того, что на мозги мои давила ревность. Будь благословенна привычка не поддаваться личным впечатлениям, а то духи знают, чем бы закончился мой с ним разговор!

Влюбляться хорошо в молодости, когда голова пуста, сердце поёт и горы по колено. Тогда это чувство действительно окрыляет, вдохновляет на подвиги и, как правило, серьёзного вреда не наносит. А когда от тебя что-то зависит, — важное дело и, тем более, жизни людей, — худшую подлянку от судьбы представить сложно.

Впрочем, ладно, это ещё не конец света. Осознание проблемы — если не половина, то треть её решения точно. А у такого чувства, как любовь, есть одно великолепное достоинство: она может как мгновенно возникнуть, также мгновенно и сдохнуть. Её убивает боль, безразличие, предательство, скука и ещё куча мелких и крупных вещей, но стоит начать, пожалуй, с этих. Боль терпеть я умею, безразличие налицо, предательства тоже вполне возможно добиться — в конце концов, она ведь сама именно это и предложила. Скука... Вот с этим сложно, с этой язвой заскучать сложно; а жаль, средство-то вернейшее!

Но, будем надеяться, хватит и того, что есть.

— Ладно, в любом случае, не сейчас же этим заниматься, — махнула рукой Яра. — Вы как хотите, а я пойду продолжать неоконченное дело. В душ — и спать! Кар?

— Я попозже подойду, — равнодушно отмахнулся я, изображая глубокую задумчивость. Я пока ещё был морально не готов к тому, чтобы после столь эпического открытия оказаться один на один с женщиной, неожиданно перевернувшей всё моё существование с ног на голову. Нет, я не боялся сорваться, или сболтнуть что-то не то; просто в её обществе мне пока требовался жесточайший самоконтроль, а настроения к нему не было.

В итоге, вооружившись на камбузе самоподогревающимся кофейником и чашкой, я вернулся в опустевшую кают-компанию и решил скоротать несколько часов за книжкой. Поскольку целью моей было основательно отвлечься, выбор пал на читанный много лет назад триллер, оставивший по себе впечатление «пустоты в красивой обёртке». То есть, написано хорошо, увлекательно, но смысл и сюжет не прослеживаются.

Вытянувшись на диване, — он оказался коротким, поэтому ноги несколько свисали с подлокотника, но это мелочи, — я настроил голопостроитель на нужную высоту и угол наклона проекции и, плеснув в кружку кофе, погрузился в чтение.

Воспоминания не подвели. В книге действительно было очень много очень образно описанных сцен кровавого мордобоя с горами трупов и омерзительными мутантами, а, самое главное, никаких моральных терзаний. И я действительно отключился от реальности.

Правда, корабль оказался слишком тесным для такой толпы народу, — целых шесть человек! — и возможности побыть в одиночестве мне не дали. Буквально через полчаса после погружения в озёра крови и перемолотых внутренностей моё уединение было нарушено, причём никем иным как младшим.

— А ты почему тут сидишь? — поинтересовался он. Поскольку я не ответил, — на глупый вопрос можно ответить только глупость, поэтому я предпочёл промолчать, — он подошёл сам и заглянул в голопроекцию книги. — Кварг, ты меня разочаровываешь, — вздохнул младший, усаживаясь на диван рядом со мной.

Спрашивается, что за удовольствие? Ему кресел мало?

— Ну, это явно не шедевр мировой литературы, кто бы спорил, — хмыкнул я, не отрывая взгляда от книги.

— Да я не об этом, — недовольно отмахнулся он. — Старший, скажи мне, я похож на идиота?

— Да, — честно ответил я, переводя на него раздражённый взгляд. — Сейчас в особенности.

— Тьфу! Ладно, зайдём с другой стороны. Как ты думаешь, я хорошо тебя знаю? Или, точнее, давно?

— Кверр, давай без этих введений, а? — мрачно вздохнул я. — Что ты мне такое важное и принципиальное хотел сказать?

— Ладно. Как скажешь. Ты сейчас напоминаешь мне меня самого в тот момент, когда я пытался из камеры сбежать. Точнее, сидел в ней и планировал этот самый побег. Проще говоря, ты сейчас ведёшь себя как малолетний придурок, а не как взрослый человек.

— Малыш, ты вроде уже большой мальчик, — недовольно поморщился я, понимая, что так просто меня в покое не оставят, и поговорить с ним всё-таки придётся. Хотя я и догадывался о теме предстоящей беседы, и понимал, на что он намекает, обсуждать этот вопрос категорически не хотелось. Но Кверр... Вот чем мы с ним похожи, так это упрямством. — А всё ещё веришь, что взрослые всегда поступают правильно и по уму, — продолжил я. Но младший рано обрадовался свернувшей в нужное русло теме: намёков я нынче не замечал принципиально. — Но мне иногда тоже хочется почитать какой-нибудь лёгкий бессмысленный бред. Это нормально.

— Кар, — скривился он. — Не надо делать вид, что ты не понял, о чём речь. Впрочем, если ты настаиваешь, чтобы я спросил прямо, я так и сделаю. Ты что, в самом деле собираешься отказаться от этой женщины? Вот просто так, на ровном месте?

— От какой? — насмешливо ухмыльнулся я.

— От Яроники, — сдержанно пояснил он, не купившись на мой насмешливый тон. — Слушай, я же не слепой. Ты ведь не просто так рядом с ней выползаешь из-под отточенного многолетней работой монумента «Идеальному Неспящему» и оживаешь. А теперь вдруг после нескольких слов превращаешься в обиженного подростка и забиваешься сюда с книжкой с видом «оставьте-меня-все» и «меня-никто-не-любит»! Небось именно потому, что до тебя наконец-то дошло, что она для тебя что-то значит. Кар, это глупо.

— Младший, что тебе от меня надо? — устало вздохнул я, скрестив руки на груди и мрачно смотря снизу вверх на Кверра. — Только без патетики и душеспасительных бесед. Конкретно по пунктам.

— Я хочу, чтобы ты с ней поговорил, и высказал ей всё, что думаешь о ней.

— Зачем? — с усмешкой уточнил я.

— Затем, что если ты откажешься от этой женщины, ты будешь клиническим идиотом. Даже хуже меня!

— Во-первых, почему ты думаешь, что ты больший придурок, чем я? — насмешливо хмыкнул я. — А, во-вторых, зачем? Нет, я понимаю, ты хочешь меня несказанно облагодетельствовать и из каких-то мстительных соображений пытаешься устроить мою личную жизнь, но зачем это мне?

— Но ведь тебе с ней хорошо! — почти взвыл младший.

— Тьфу, — не сдержался я. — Мне и с ней хорошо, и без неё совсем неплохо. Я вообще люблю быть живым, а остальное второстепенно.

— Глюм упёртый! — рявкнул Кверр, рывком вскакивая с места.

— Да, — решил не спорить я и спокойно кивнул. — Теперь я могу вернуться к чтению?

— Не будешь с ней говорить? Ладно, я сам это сделаю, — пригрозил он. Пару секунд помаячил на границе поля зрения, видимо, ожидая реакции и возмущения. Но, дождавшись лишь безразличного пожатия плечами, грязно выругался себе под нос и вышел.

Откуда только у некоторых людей берётся подобная страсть лезть в чужую жизнь? Ладно, надеюсь, у остальных не хватит духу разговаривать со мной «по душам» и в эту самую душу лезть.

Я чувствовала себя странно. Не то полной дурой, не то просто маленьким ребёнком. Нестерпимо хотелось забиться куда-нибудь в угол и... поплакать, что ли?

Нет, идея Пи мне не понравилась с самого начала, и я не слишком-то поверила во все её рассуждения относительно причин и «истиной подоплёки» поведения Кварга. Но, поскольку хуже от пары слов вряд ли могло стать, я согласилась проверить.

Зря, надо было отказаться. Потому что если каких-то двадцать минут назад я пребывала в приподнятом настроении, почему и согласилась на эту авантюру, то теперь... Теперь мне было плохо.

До разговора с Птичкой всё было просто. Я не задумывалась ни о мотивах, ни о причинах, ни о следствиях, а просто получала удовольствие от возможности жить и ни на кого не оглядываться. А вот после её очень убеждённых и увлечённых заверений, что Кар совершенно однозначно ревновал меня к Алексу, на свою голову задумалась.

О многом задумалась. Например, о том, что мне очень легко и хорошо рядом с ним. Или о том, каким он умеет быть забавным, и что в такие моменты я готова им любоваться бесконечно, потому что искренняя улыбка невероятно преображает его лицо, сглаживая слишком резкие черты и заставляя глаза сиять. О том, что, похоже, он давно и сильно мне нравится, причём как бы не с первого взгляда. Гораздо больше, чем это уместно.

И я согласилась с предложенным Птерой способом проверки его собственного отношения.

Если бы я знала, как это будет больно! Насколько, оказывается, тяжело осознавать себя ненужной.

Я даже рада была, что у Кварга возникли какие-то срочные дела, и он не пошёл со мной. Можно было немного успокоиться, осознать и обдумать ситуацию. Признаться хотя бы самой себе, что «нравится» — это недостаточно сильное слово для описания моего отношения к этому человеку. И задуматься, что делать дальше.

И видела я всего один вариант: ничего. Продолжать жить, как раньше, и делать вид, что всё хорошо. Безответная влюблённость — это крайне распространённое заболевание, от которого обычно не умирают. Вернее, умирают, но обычно случается это с глупыми маленькими девочками, слишком сильно отдающимися своим чувствам, а я... Поболит-поболит, да перестанет. По сравнению с некоторыми моментами моей биографии, это была совершенно недостойная внимания мелочь.

Хотя и подмывало забиться в ванну и немного поплакать, да. Эдак по-детски, навзрыд. Но это было бы крайне непрофессионально, и уже за одни только эти мысли мне было стыдно перед собой и целой плеядой моих наставников, убивших на моё воспитание долгие часы собственного времени.

В ванну я в итоге всё-таки забилась. Исключительно во имя практической пользы, чтобы помыться и понежиться в горячей воде, из которой меня так безжалостно вырвали.

Поскольку предаваться рефлексии было глупо, я решила сосредоточиться на иных мыслях. Благо, способность не заикливаться на одной идее прививалась нам с самого детства, поскольку очень помогала в работе. И в жизни, оказывается, тоже.

Поэтому, сидя в ванне, я думала о ситуации, в которую мы угодили. В более широком и принципиальном смысле, чем мои взаимоотношения с Кваргом.

Можно ли верить этим людям, корабль которых стал нашей временной тюрьмой?

С одной стороны, очень хотелось. И их вежливость, и обаятельная тактичность Алекса, и отсутствие попыток проникновения в наш корабль, — всё это подкупало. Да даже этот их чай, которым товарищ полковник нас поил, и в котором действительно не было ничего вредного. Чужой технике я, конечно, не поверила, поэтому украдкой проверила коричневую непривычно пахнущую жидкость своими средствами (вот где пригодилась разгрузка со всем её содержимым!), и она действительно обладала только заявленными свойствами: тонизирующий напиток, вероятно, растительного происхождения.

А, с другой, всё было слишком уж гладко и благостно. Может, в далёком детстве я бы и поверила в ожившую сказку, но не теперь. В любом случае, возможности сбежать у нас сейчас не было, а отпускать добровольно нас никто пока не собирался.

Так не придя ни к какому конкретному выводу, я закончила мытьё и вышла в каюту. Странно, но Кварга ещё не было; чем он там занят, интересно знать?

Волевым усилием отогнав не несущие ни пользы, ни удовольствия мысли, я уже собралась лечь спать, когда сигнал возвестил о посетителе. Поскольку Кар в свою собственную каюту просто вошёл бы, я искренне удивилась, кого могло принести. Почти отдав команду об открытии двери, сообразила, что стою посреди гостиной в том же виде, в каком вышла из ванны, и это не слишком вежливо по отношению к посетителю. Пришлось открывать шкаф и извлекать из него халат (благо, после ревизии я точно знала, где в этом шкафу что лежит), и только потом спрашивать, кого принесла нелёгкая.

— О, ты не спишь, — удовлетворённо кивнул Кверр, вваливаясь в каюту.

— После того, как ты пять минут ломился в дверь? — иронично уточнила я, скрещивая руки на груди и насмешливо разглядывая позднего гостя. — Я бы в любом случае проснулась. Но — да, пока не успела лечь. Что за паника среди ночи, и почему не по общему оповещению?

— Я к тебе по личному вопросу, — улыбнулся он, приземляясь в кресло. Я только обречённо вздохнула: судя по виду Вера, разговор планировался долгий.

— Ну, оглашай, — разрешила я, усаживаясь в кресло напротив.

— Я, с твоего позволения, начну с главного: как ты относишься к моему брату?

— Положительно, — усмехнулась я. — А что, ты хочешь предложить мне заговор с целью его свержения?

— И эта туда же, — недовольно буркнул он. — Ты в курсе, что он тебя ревнует, и что ты ему очень нравишься?

— И ты туда же? — поморщилась я, передразнивая мужчину. Договорились они с Пи, что ли? — Во-первых, почему мне об этом говоришь ты?

— Потому что он — глюм упёртый, и решил, что может обойтись без тебя! — проворчал Кверр.

— Замечательно, — я опять усмехнулась. — То есть, ты предлагаешь мне доказать ему обратное что ли?

— Вроде того, — вздохнул он. — Он ведь действительно влюбился, я же его хорошо знаю, и это заметно невооружённым глазом! Он потому сейчас и не здесь, что сидит там, делает вид, что увлечённо книжку читает, и лопается от ревности, а гордость не позволяет в этом сознаться!

— А мысль, что человеку просто захотелось почитать книжку, тебе в голову не заходила? — не скрывая скепсиса и насмешки, заметила я.

— Нет, только не говори мне, что и ты тоже! — с ужасом воззрился на меня младший.

— Я тоже — что? Тебе кто-то об этом уже говорил?

— Тьфу! Тебе Кварг нравится?

— Ну, вряд ли бы я ради собственного удовольствия спала с тем, кто мне противен, согласись, — я пожала плечами.

— Ладно, я тоже упрямый, — сквозь зубы процедил он. — Ты в самом деле планируешь соблазнить этого... Алекса, поberi его духи, или это была проверка на вшивость?

— Я уже говорила, что принимать такие решения нужно спокойно и взвешено, а я всего лишь огласила идею, — ровно ответила я.

— Грр! Значит, признавать очевидное не хотим. Ладно. Ты Кара любишь? — зло рыкнув, Вер нервно подскочил на месте.

— В том смысле, который ты сейчас вкладываешь в это понятие, — нет, — спокойно ответила я, пожав плечами. Ведь влюблённость — это же пока не любовь, правда?

— И эта туда же! Ладно, пойдём сложным путём, — и он, не прощаясь, вышел. Даже почти выбежал, едва не трясаясь от злости.

Мои мысли были схожими. «И этот туда же, мало мне было Пи!» Только она-то просто предположила, и я тогда ещё не знала, в насколько неприятной ситуации оказалась, а вот Кверр прошёлся по больному месту. Слишком сильно мне хотелось ему поверить, и слишком убедительно он говорил, поселив в моей душе надежду на что-то неопределённое.

Я толком не могла понять, зачем мне нужны какие-то чувства со стороны Кварга. Пока я об этом не задумывалась, всё было просто: я жила и получала удовольствие от процесса. Теперь же вдруг возник вопрос, а что потом? Ну, после? Чего я хочу от того же Кара, какой вижу свою дальнейшую жизнь?

На эти вопросы найти ответ не получилось, но вдруг почти до боли захотелось увидеть Кара. Обнять, прижаться к его груди и ни о чём не думать.

В этот раз мысли о синеголовом капитане выкинуть из головы было гораздо сложнее, но я всё-таки справилась.

Назло всем неприятностям выпался я великолепно, хотя мрачные размышления ко мне вернулись вместе с утром. Так что на камбуз я выбрался в мрачном, но бодром состоянии. Хотелось свершений и активных действий, а ещё хотелось настучать кое-кому по упрямой голове.

К счастью, в камбузе обнаружилась только Пи. Она сидела перед пустым столом, подперев голову ладонью, и мрачно пялилась в пространство перед собой.

— Ты чего? — поинтересовался я, берясь за приготовление кофе.

— А? А, привет. Да вот думаю, что делать. О! Можно и мне кофе?

— Да я оптом готовлю, на всех, — отмахнулся я. — Что делать с чем?

— Да с братом твоим и Ярой, — вздохнула Птичка.

— А что с ними? — насторожился я. Да неужели не я один это заметил?

— С ними? Чемпионат галактики по упрямству, — поморщилась она. — Хотя, может, это я просто мнительная, и ничего он её не ревновал на самом деле.

— Ну, к нему тут вопросов нет, это диагноз, — хмыкнул я. — Если бы я был уверен, что Яроника... Ты чего? — оборвал я свой монолог, потому что Птера рывком обернулась ко мне, вцепившись в спинку стула.

— Предлагаю заняться этим всерьёз! — с горящими глазами заявила она.

— Чем? — осторожно уточнил я.

— Да этой парой. Ты, стало быть, уверен, что твой брат не безразличен к Яре? Уверен, я по лицу вижу. А я готова поклясться, что Яра влюбилась. Собственно, вчера мы пытались выяснить, насколько у них там всё взаимно. По результатам я решила, что ошиблась, но, похоже, я просто недоценила самообладание и выдержку твоего старшего.

— Я пытался с ним вчера поговорить, — сознался я, с кофе и кружками возвращаясь к столу. — Самое глупое, он не отрицает собственных чувств. Он просто уверен, что они ему не нужны. Может, потому, что в ней сомневается, может — по определению боится. В общем, если ими заниматься, то начинать надо не с него. Слишком уж он упрямый, и если себе что-то в голову вбил, выбить это оттуда сложно.

— Думаешь, с Ярой будет проще? — вздохнула она. — Она мне теперь после вчерашнего не поверит, что бы я ей ни говорила. Может, их просто запереть в комнате и не выпускать оттуда, пока не договорятся?

— Не поможет, — мрачно возразил я. — Ни до чего они не договорятся. К тому же, долго мы их там не продержим, не забывай, где мы находимся. Никакие шокотерапевтические методы, вроде сыворотки правды, тоже применять нельзя: духи знают, в какой момент нами заинтересуются. Надо как-нибудь потоньше всё это организовать. Есть идеи?

— Ну, ревность вроде как не помогает. Если только Яронику на это дело проверить, но пока возможности нет; я, уж извини, приставать к твоему брату не буду, у меня против него лёгкая фобия. Если нормально разговаривать с ним я ещё могу, то воспринимать как мужика — упасите духи! Реклама, думаю, тоже не поможет, скорее навредит. Может, от противного попробовать? Мол, правильно, нафиг тебе этот придурок нужен, и так далее...

— А духи знают. Про ревность ты, кстати, зря; помогает она хорошо, просто чтобы вывести из себя Кварга, нужно что-то большее.

— Странные люди, — вздохнула Птичка. — Они так друг другу подходят, так друг другу

нравятся — и вдруг такое нежелание принимать очевидное.

— Поведение старшего меня как раз не удивляет, — хмыкнул я. — Я бы скорее удивился, если бы он в этой ситуации поступил иначе. Да и про Яру неудивительно. Конечно, шанс, что они без вмешательства со стороны разберутся, есть, но он минимален. В общем, надо подумать. Можно ещё Ридью и Тимула подключить, как думаешь?

— Не, — поморщилась она. — Ри точно скажет, что лезть в чужую жизнь неправильно, а Тим... Он редкостный зануда, он просто не поймёт, что от него требуется и зачем. Мне кажется, эти двое были специально созданы духами друг для друга, — фыркнула Пи. — Примерно как Яра с Каром, только они это сразу признали. Ладно, значит, будем думать и ориентироваться по ситуации, — она протянула мне ладонь, которую я с чувством пожал.

С одной стороны, я понимал, что мы с Пи планируем сунуть нос совсем не в своё дело. Это, если подумать, довольно нагло, бесцеремонно и неправильно: лезть в чужую жизнь. Что Кварг, что Яроника — вполне взрослые люди, которые и сами могут определить, чего хотят от жизни.

Вернее, так было бы, если бы не другая сторона. Я слишком хорошо понимал причины поведения старшего, и просто не мог позволить ему так напортачить. Мы в данный момент буквально поменялись ролями: если тогда, на Брате, Кварг делал всё, чтобы удержать меня от глупостей и минимизировать их последствия, теперь была моя очередь. Оставалось надеяться, что Кар проявит большую сообразительность и меньшее упрямство, чем я в своё время.

Нет, я не спорю, в чём-то он был прав. Он действительно прекрасно бы обошёлся без Яроники, и никто бы не умер, и даже, наверное, не пострадал. Но одно я знал точно: дойдёт до него, насколько всё могло быть по-другому и насколько это «по-другому» было бы лучше, только тогда, когда будет безвозвратно поздно. И сидеть, сложа руки, наблюдая, как старший гробит свою жизнь, я не собирался. Даже если при этом я лез не в своё дело.

Первым из нашей пары феерических упрямцев явился Кварг. И одного только взгляда на его физиономию было достаточно, чтобы окончательно убедиться в правильности своего решения. Обменявшись с Птичкой взглядами, я понял, что её голову посетили те же самые мысли.

Нет, Кар, разумеется, не выглядел грустным и подавленным; я бы удивился, если бы так случилось. Просто перед нами появился Разум Неспящий Кварг Арьен собственной персоной, а не воскресший из небытия старший.

— Доброе утро, — поприветствовал он нас со своей обычной ничего не значащей улыбкой.

— И тебе того же, — кивнул я и уткнулся обратно в тарелку. В таком виде мне совершенно не хотелось с ним о чём-нибудь разговаривать, он опять начал невероятно раздражать.

Яроника явилась где-то через полчаса, и тоже была совершенно спокойна и сдержана. Смотреть на это было довольно тошно, и думать в таком окружении совсем не получалось, так что я предпочёл дезертировать в рубку.

Правда, долго моё одиночество не продлилось: по наши души пришли. Точнее, пришёл вчерашний подозрительный «товарищ полковник» собственной улыбчивой персоной и без охраны, о чём сообщила система оповещения. Пришёл, и с невозмутимым видом замер в нескольких метрах от корабля, с интересом разглядывая его. Даже ничего не предпринял, чтобы привлечь к себе внимание.

Был большой соблазн не пустить его внутрь, но я быстро его преодолел. Во-первых, что бы ни служило истинной причиной подобного поведения и отношения землян, это не отменяло их вежливости, и отвечать на неё хамством было неправильно. Во-вторых же, и это было главное, сейчас визит подобного раздражающего фактора был очень кстати. Кое-кого не мешало бы лишний раз встряхнуть.

Конечно, в случае передозировки это могло закончиться мордобоем, но я, честно говоря, землянину не сочувствовал.

Объявив по общей связи, что у нас гости, и гости эти скоро окажутся в кают-компании, я открыл шлюз и отправился на встречу.

— Доброго времени суток, — поприветствовал меня Алекс, поднимаясь по трапу. — Как отдохнули, как настроение? — жизнерадостно поинтересовался он.

— Настороженно, — честно хмыкнул я. — Какими судьбами?

— Да вот по поводу вашей настороженности, — рассмеялся он. — Как раз хотел предупредить, что мы уже прибываем в Солнечную систему, и вас там ждут с нетерпением.

— Уже? — не удержался от растерянного возгласа я.

— А что в этом странного? — в свою очередь озадачился он. — А, понимаю, у вас, должно быть, несколько более медлительные двигатели. Ну, так ничего удивительного нет, по галактике мы прыгаем вполне уверенно. Единственное, за её пределы пока не выбрались, там другие принципы нужны, но мы уже к тому близки.

— Может, кофе? — решил проявить гостеприимство я, когда мы дошли до цели, и я жестом предложил гостю присесть.

— Кофе? — очень озадаченно переспросил он. — А у вас он растёт? Очень странно: вы явно называете именно это слово, и подобное нельзя назвать дефектом перевода. Любопытно.

— Растёт. В отличие от вашего чая, — хмыкнул я. — Сейчас...

Но никуда мне выходить не пришлось. На пороге явилась Птичка. Что характерно, и кофе, и чашки, и даже какая-то еда были с ней. Да что там, эта неугомонная девица даже поднос где-то нашла! Положительно, мы с ней синхронно мыслим.

Вернее, нет, кофейник несла Яроника, и вид у неё при этом был несколько озадаченный. Правда, увидев гостя, она обворожительно улыбнулась.

Ага. Или Кар полный идиот, и всё, что мог, он уже продолбил, и шансов у него нет, или Яра, сама того не замечая, планирует нам помогать. Или она это делает осознанно? Может, она всё-таки мне поверила и решила воспользоваться ситуацией? Учитывая характер этой белобрысой, я готов был поставить на последний вариант. Всё она прекрасно осознаёт, и пытается таким образом совместить несколько полезных эффектов: окончательно очаровать этого «полковника» и испытать нервы старшего в том случае, если есть, чем их испытывать.

Осталось теперь понадеяться, что Кварг...

Додумать я не успел: его синяя макушка замаячила в проходе. Нет, ну до чего же обалденный вид — синий Кварг Арьен! Видел бы его Первый Неспящий в таком облике, а!

Так. Стоп. Не о том думаю, потом веселиться будем, сейчас главное — он тоже тут. Обдумывать мотивы поведения Кара сейчас не хотелось, но для нашего с Пи плана оно было весьма кстати.

— Это кофе? — очень удивлённо уставился на нас Алекс, разглядывая жидкость в прозрачной кружке.

— А что с ним не так? — уточнил я.

— Вам знаком этот напиток? — в свою очередь поинтересовалась Яра, присевшая на диван рядом с гостем.

— Ну, как вам сказать... Он же синий! Даже не синий, а какой-то небесно-голубой. У нас, знаете ли, кофе чёрного цвета. Вернее, не чёрный, а очень тёмно-коричневый. Так что, наверное, у вас этим словом по какой-то причине называется совсем другой напиток. Чёрт, а вкусно! — похвалил он, осторожно отпивая немного. — Кофе ладно, я же к вам всё-таки по делу зашёл. Вот-вот, буквально с минуты на минуту, мы осуществим стыковку с дипломатическим кораблём, который вас заберёт.

— Это замечательно, но что делать с нашей яхтой? — подал голос Кварг.

— Не беспокойтесь, — с улыбкой качнул головой Алекс. — Её тоже заберут, не надо подозревать нас в мелком воровстве. Единственное, боюсь, вам её так просто не вернут. Но если вы согласитесь на равнозначный обмен, думаю, вам смогут подобрать что-нибудь достойное.

— Обмен? А зачем вам наш корабль? — подивилась Птичка. — Исследовать что ли будете? — хмыкнула она.

— Думаю, да, — кивнул он. — Во всяком случае, меня просили уточнить, как вы относитесь к подобному обмену.

— Принципиальных возражений, думаю, нет, — пожал плечами Кварг. — Вот только как вы нам предлагаете находить общий язык с чужой техникой?

— Ну, это вы уже спросите, когда вам сделают подобное предложение, — улыбнулся Алекс. — Может, ещё и не сделают; кто их знает. В любом случае, не волнуйтесь. За вами сейчас летит лично подполковник Ямов, он хороший человек и мой давний друг, его можно не опасаться.

— Как жалко, Алексей, что вы не полетите с нами, — улыбнулась Яра. — Было бы спокойней, если бы рядом было какое-то уже более-менее знакомое лицо. А чего ожидать от ваших коллег мы, увы, не в курсе.

— Да мне тоже жалко терять такую замечательную компанию, — с ответной улыбкой развёл руками землянин. — Но ничего не поделаешь, служба. Мы и так снялись с маршрута для вашей доставки, у меня там вся исследовательская группа на ушах стоит. Хотя, казалось бы, куда денутся их аборигены? За пару тысяч лет никуда не сбежали, а теперь вдруг исчезнут?

— А они собираются высаживаться на той планете, от которой вы забрали нас? — полюбопытствовала Яра.

— Ну да, а что не так? — насторожился он.

— Просто вы говорили, что не вмешиваетесь в развитие... цивилизаций из заповедника.

— Ну, что вы, — облегчённо рассмеялся землянин. — Это не вмешательство, они даже близко к аборигенам не подойдут. Обоснуются в исследовательском центре на орбите, и будут автономные зонды спускать. Люди если и будут высаживаться, то исключительно редко и в необитаемых районах.

— Алекс, а если вдруг подобное вмешательство имеет место быть, кто может дать на него разрешение? — поинтересовалась Яра.

— Глава антропологического исследовательского центра, я полагаю, — озадаченно нахмурился мужчина. — Но я не уверен, что он на такое пойдёт; невмешательство — это его главный принцип в этом вопросе. Если только случится нечто совсем уж из ряда вон выходящее, вроде угрозы уничтожения всей популяции. То есть, прошу прощения, народа.

— А если угрозы нет, кто может вмешиваться?

— Чёрт его знает, — он развёл руками. — По официальной версии никто, а как там на самом деле дела обстоят, я вам не смогу сказать. Во-первых, от антропологов я очень далёк, и не знаю ни их методов, ни их принципов. А, во-вторых, пограничники не вездесущи, — он, мрачно вздохнув, поморщился. — Контрабанда из заповедных миров существует, увы. И если есть контрабанда, значит — есть люди, которые её возят. Поэтому по мелочи могут вмешиваться и преступники.

— А если не по мелочи? — мрачно поинтересовался Кар. С ума сойти, он решил немного побыть прямолинейным?

— Тогда даже не знаю, — с искренним удивлением хмыкнул Алекс. — Может, правда антропологи какой-нибудь сложный секретный эксперимент пытаются организовать. А, может, это вообще деятельность какого-то крупного пиратского синдиката или ещё кого. Что же такое вы подозреваете? — нахмурился он.

— Ничего конкретного, — с привычной снисходительной усмешкой отмахнулся старший.

— Надеюсь. Если же подозрения есть, лучше всё-таки выскажите их Серёге... То есть, Ямову. А, ну вот и они! — проговорил он и нажал что-то на своём браслете. — Пойдёмте знакомиться, заодно пока ваш корабль погрузят: по инструкции транспортировать подобным образом людей запрещено, увы.

Минут десять мы всё-таки потратили на бессмысленную возню и подъём спящих Ри и Тима (как всё-таки прилипчивы оказались привитые Яроникой сокращения), не пожелавших выползть из комнаты после всеобщего оповещения. После чего уже всей компанией вышли из корабля, пересекли ангар и зашли в знакомую светлую комнату.

— Скажите, Алекс, это — лифт? — широким жестом обведя помещение, уточнила Яра.

— В некотором роде, — спокойно пояснил он. — Но принципиально он работает совсем по-другому. Это телепорт, если вам о чём-то говорит подобное понятие. Он построен практически на тех же принципах, что и наши прыжковые двигатели, просто с какими-то своими тонкостями. Я, уж извините, не инженер и вообще не техник, так что подробнее пояснить не смог, — он развёл руками.

— Понятие знакомое, но мы такое ещё не изобрели, — с сожалением вздохнула Пи.

Из лифта-телепорта мы вышли в уже знакомый коридор, прошли в уже знакомую гостиную-кабинет, где сидели совершенно незнакомые люди.

Их было трое.

Один, одетый во что-то бесформенно-мешковатое, был мелкий и суетливый, крайне неприятный тип с бесцветными редкими волосами (судя по всему, ещё и немытыми) и бегающими глазками. Перед нашим появлением он, похоже, нарезал круги по гостиной. Завидев же посетителей, кинулся к нам, что-то невнятно тараторя, — переводчик за ним не успевал, или просто не понимал, что именно он говорит, — врезался в идущего первым «товарища полковника» и, отскочив, опять невнятно что-то пробормотал и замер, не сводя с нас взгляда.

Второй, одетый в белую рубашку с длинным рукавом, короткую жилетку, брюки и ботинки, при виде этой сцены недовольно поморщился и поднялся, приветствуя вошедших коротким вежливым поклоном. Это был мужчина лет пятидесяти пяти, невысокий, подтянутый, совершенно седой, с ухоженной бородкой и с какой-то странной конструкцией на голое, внешне представлявшей собой металлический тонкий обруч в два пальца шириной

с какими-то широкими вставками на висках. Этот человек в целом производил благоприятное впечатление, хотя холодный и лишённый всякого выражения остановившийся взгляд здорово напрягал. Правда, через пару секунд я сообразил, что взгляд этот никак не определяет его характер: мужчина просто был слепым. Надо полагать, обруч на голове был призван это компенсировать.

А третьим был человек ещё более неординарной наружности. Начать с того, что он обладал ростом явно больше двух метров при ширине примерно в полтора меня, и всё это было отнюдь не излишками веса, а мышечной массой. Кроме того, примечательна была и его причёска, — светлые очень длинные волосы были собраны в высокий хвост, — и лицо с тяжёлой челюстью, упрямо насупленными бровями и кривым, будто сломанным когда-то носом. И всё это дополнялось чистыми, ясными, почти детскими голубыми глазами; наверное, в детстве он был очень милым ребёнком. А в целом этот третий показался мне чем-то неуловимо похожим на Яронику. Может, как раз этими самыми глазами?

— Здравствуйте, — с улыбкой поприветствовал всех троих Алекс.

— Привет, Конфетка, — радостно осклабился тот самый, третий, вставая с места и подходя к командиру корабля. Судя по тому, что на прозвище тот никак не отреагировал, оно было старым и привычным.

— Рад видеть, — кивнул он. Мужчины обменялись крепкими рукопожатиями, от души хлопнули друг друга по плечам. Товарищ полковник даже не шелохнулся, что заставило посмотреть на него с уважением.

— Эти что ли из заповедника сбежали? — хмыкнул рослый, оглядывая нас.

— Знакомьтесь, — вместо ответа обернулся, выпуская руку своего огромного собеседника, Алекс. — Мой друг и в далёком прошлом сослуживец, Сергей Сергеевич Ямов. Или Белая Дыра, как мы все, особенно наш повар, его называли, — рассмеялся Алекс. — А это наши гости. Капитан Кварг Арьен, навигатор Тимул Иквар, его очаровательная супруга — Ридья Иквар, механики Кверр Лерье и Птера Крайм, и прекраснейшая из пилотов Яроника Верг.

— Ага. То есть, по-нашему все понимают? — вопросительно вскинув брови, уточнил здоровяк. — Лёх, я тебе в ухо дам за такую подставу.

— Да ладно, не стоит. Мы не обижаемся, — улыбнулась Яра, оказавшаяся к Алексу и его другу ближе всех.

— Благодарю, леди, — серьёзно кивнул Сергей и, вдруг склонившись, аккуратно перехватил и поцеловал руку Яроники. Та замерла в растерянности, озадаченно посмотрела сначала на него, потом на Алекса.

— Этот жест вам не знаком? — правильно истолковал взгляд товарищ полковник. — Тогда бойтесь, — весело усмехнулся он. — Этот парень может ещё и не такое выдать. При виде красивых женщин из него вдруг во все стороны начинает переть воспитание.

— А из тебя — глупость, — иронично усмехнулся человек по прозвищу Дыра.

— Ну, у кого что записано на рефлексы, — рассмеялся Алекс. — Повторюсь, Яроника, бойтесь его. Он только на первый взгляд кажется огромным и жутким, а потом и сами не заметите, как окажетесь окончательно очарованы. Во всяком случае, наши дамы от его галантности тают мгновенно. Держитесь!

— Я учту, — мягко и многообещающе улыбнулась Яра.

Эх, вот что значит талант и опыт! Даже мне на пару мгновений жарко стало, а ведь я знаю, что это просто игра!

Я украдкой покосился на старшего. Тот был сдержанно-невозмутим, но слишком внимательно рассматривал двух других землян, не участвовавших в разговоре, и старательно избегал смотреть в сторону Алекса, его друга и Яроники.

Хм. Не знаю, специально ли это делает наша белобрысая шпионка, но эффект мне нравится. Так они, дадут духи, и правда без нас с Птерой разберутся!

Я глянул на стоящую рядом Пи, та ответила мне ехидной ухмылкой и подмигнула. Тоже оценила.

— А что именно значит этот красивый приятный жест? — уточнила Яроника, продолжая очаровывать землян и изводить старшего.

— Раньше в высшем свете он был принят при знакомстве мужчины с женщиной или при их приветствии, вместо рукопожатия. Ещё он может выражать уважение и восхищение, что, как мне кажется, тоже вполне уместно в данной конкретной ситуации, — спокойно пояснил, включаясь в разговор, слепой мужчина. — Простите, что вот так вклиниваюсь, — он мягко улыбнулся. — Но, похоже, товарищи военные совершенно увлеклись, и про меня благополучно забыли. С вашего позволения, профессор Воскресенский, Глеб Егорович. А этот товарищ — мой ассистент, Валентин Семёнович Куркулев, — он с заметной невооружённым глазом неприязнью кивнул на третьего. Тот что-то опять проямлил, и опять переводчик не сумел разобраться. — Так вот, возвращаясь к теме данного культурного различия, думаю, Сергей Сергеевич, как потомок древнего аристократического рода, получил достойное воспитание.

— Товарищей военных можно понять, — с улыбкой пояснил Алекс. — Всё-таки, не каждый день встречаешь представителей далёких цивилизаций, да ещё среди этих самых представителей оказываются настолько невероятные красавицы, как Яроника.

— А вот сейчас вы, молодой человек, проявляете просто форменную бестактность, если не сказать — хамство, — укоризненно качнул головой профессор. — Здесь присутствуют три очаровательных дамы, а вы грубейшим образом выделяете только одну, как будто остальные недостойны внимания.

— Ничего-ничего, — весело улыбнулась Птичка. — У Ри есть любимый муж, пусть он и восхищается, а я пока за Ярой спрячусь, я застенчивая.

— Скромность украшает настоящую женщину лучше бриллиантов, — с улыбкой склонил голову пожилой мужчина.

— Профессор, а вы, оказывается, сердцеед, — рассмеялся Алекс.

— В отставке! — вскинул тот руки в жесте поражения. — Антонина Дмитриевна навсегда поселилась в моём сердце и моей квартире, отметившись там троицей малолетних разбойников. Да и возраст уже не тот, чтобы бегать за молодыми красавицами. В моём возрасте и при моём здоровье можно только волочиться, что для академика несолидно, коллеги не оценят, — обаятельно улыбнулся он.

— Мне кажется, это невосполнимая потеря для этих самых женщин, — покачала головой Пи, явно беря профессора на себя. — А скажите, почему у вас приняты двойные имена? Ну, имя, фамилия — это и у нас тоже. А третье слово? Это тоже имя, или оно ещё что-то значит?

— Это отчество, — охотно пояснил он. — То есть, имя отца. Это не у всех землян принято, только у некоторых народов, и исключительно в формальном общении. Так обычно обращаются к малознакомым людям, или к старшим, чтобы показать уважение.

— Ладно, будем считать, я передаю вас в надёжные руки, — махнул рукой Алекс. —

Пойдёмте уже, там, говорят, погрузка закончилась, а меня не поглядят по голове за немотивированные задержки. Даже ради столь замечательной компании. Прошу! — и он указал на дверь.

— Позвольте вас сопровождать? — слегка поклонившись, обратился профессор к Пи.

— Какие у вас странные обычаи. Но приятные, — весело хмыкнула Птичка, беря мужчину за предложенный локоть.

— Окажите мне честь, — склонился в поклоне перед Ярой высоченный землянин.

— Ну что вы, для меня это удовольствие, — улыбкой ответила Яроника, принимая правила игры и с видимым (и даже немного демонстративным) удовольствием подхватила мужчину под локоть. РИ с Тимом переглянулись, обменялись весёлыми улыбками, и Тимул, здорово меня шокировав, точно так же согнул руку.

— Прелестная супруга моя, позвольте сопровождать вас!

— С удовольствием, дражайший супруг, — сияя улыбкой, согласилась Ридья, подхватывая мужа под локоть. Какие у землян заразные привычки, оказывается. Но интересные, ничего не скажешь.

Следом за ними вышел я, за мной — мрачный Кварг, замыкающим — Алекс.

Хм. Или я совсем слепой, или старший правда в бешенстве, и уже с трудом себя контролирует? Духи, да такими темпами им правда наша помощь не понадобится. Молодец Птера, что профессора перехватила!

Хотя... Мне кажется, и это просто влияние общечеловеческой зависти, или я сам нынче испытываю схожие с братскими эмоции? А то, пытаясь устроить чужую жизнь, можно и свою проморгать.

Если быть откровенным, Пи всегда мне очень нравилась, но уж слишком откровенно она меня недолюбливала, чтобы пытаться как-то сблизиться. Теперь же она явно воспринимает меня спокойней, и, может быть, стоит попытаться счастья? Надо бы всё это обдумать в спокойной обстановке.

— Скажите, Сергей, а все земляне такие обаятельные и обладают такими же манерами, как вы? — поинтересовалась идущая впереди Яра, отвлекая меня от второстепенных сейчас мыслей.

— Вы ставите меня в неловкое положение, — хмыкнул в ответ своим густым басом землянин. — Сказать «нет» — значит, показаться нескромным, сказать «да» — погрешить против истины.

— Скажите правду, какой бы она ни была, — с игривой скорбью в голосе попросила женщина.

— Тогда скажу следующее. Если человек хочет считаться человеком, он обязан придерживаться определённых норм морали и соответствующих правил поведения. Кроме того, мы с Алексеем офицеры, а офицерская честь требует быть вежливым с врагами, обходительным с женщинами, снисходительным с подчинёнными, честным с друзьями и добрым с детьми. В какой-то момент человеческой истории это, увы, забылось, но последние века мы стараемся помнить, что «честь» — это не пережиток прошлого, а одна из немногих вещей, делающая человека человеком и отличающая его от животного.

— Дстойная восхищения позиция, особенно если её придерживается большинство землян, — задумчиво ответила Яра.

— За большинство отвечать не возьмусь, — вновь хмыкнул Сергей. — Но надеюсь, что вам будут попадаться именно такие люди. А у вас в норме другая мораль?

— Сложно сказать, — уклончиво пожала плечами она. — Наверное, как и у вас, попадают разные люди.

Слушая беседу Яроники и землянина, мы дошли до лифта, оттуда вышли в какой-то светлый коридор, окончившийся тупиком. Вернее, не тупиком, а открывшейся при нашем приближении дверью, которая через короткий узкий тамбур и дверь меньшего размера привела нас в небольшую совершенно пустую комнату.

— Ну, вот и прибыли, — сообщил Алексей, останавливаясь на пороге. — Рад был познакомиться. Надеюсь, мы ещё когда-нибудь увидимся, а знакомство с прародиной вас не разочарует, — с улыбкой сообщил он нам и обратился уже к своему товарищу. — Счастливо, Серёг. Ты заходи как-нибудь, что ли, Ленка рада будет!

— Ленка твоя скорее тебе будет рада, чем мне, — фыркнул в ответ Сергей. — Сколько она будет читать книги про героических капитанов дальнего плавания и вдохновляться подвигами давних предков? Ты на берег-то списываться собираешься? А то ведь даже её терпение не безгранично.

— Да надеюсь приказ придёт после этого дозора. Ладно, бывайте, — весело махнув рукой, он развернулся и двинулся в обратном направлении, а дверь за его спиной закрылась.

— А кто такая «Ленка»? — полюбопытствовала Птичка. Мы преодолели ещё один пустой короткий коридор и вышли в уютную гостиную, где профессор предложил всем рассаживаться.

— Жена его, — с улыбкой ответил Серёга. — На мой взгляд — героическая женщина, повезло с ней Лёхе. Мало какая будет вот так же безоглядно верить и ждать, согласная видеть мужа в год по месяцу. А Ленка верная, да ещё и не ворчит никогда, понимает: служба.

— И что, не ревнует даже? — растерянно уточнила Птичка.

— А смысл? — хмыкнул Сергей. — Да вы не обращайте внимания на его физиономию и манеру общения, о нём в части легенды ходили; они же с Ленкой поженились когда по восемнадцать обоим было, и Лёха ей сроду никогда не изменял. Думаете, с чего он Конфеткой-то стал? С лёгкой руки поварихи, имевшей неосторожность высказаться, мол, до чего ж хорошенький мальчик — конфетка просто, жалко, чужая.

— А вы тоже женаты? — продолжила допытываться Пи.

— Нет, я как раз святостью и везением Яхрушева не отличаюсь, — рассмеялся он. — Был, но это продлилось недолго.

Я не удержался и покосился на Кварга. С физиономии того можно было лепить «воплощённое спокойствие», но я едва сдерживался от того, чтобы захихикать над иронией судьбы. Надо думать, обрадовался старший смене окружения, а тут вдруг такой облом.

— Скажите, Сергей, а какую функцию при нас выполняете вы? — полюбопытствовала Яроника, которую мужчина усадил рядом с собой.

— Мне поручена ваша охрана.

— Вы планируете охранять нас, или охранять окружающих от нас? — иронично уточнила Яра.

— Одно другому не мешает, — рассмеялся он. — Я буду вашей нянькой. Буду следить, чтобы товарищи учёные не наглели, чтобы вам не досаждали журналисты и чтобы вы вели себя прилично.

— И вы справитесь с этим занятием в одиночестве? — озадаченно вскинула брови женщина.

— Во-первых, я всё-таки профессионал, как бы самонадеянно это ни звучало. К тому же, вы производите впечатление совершенно разумных людей, и вряд ли будете сознательно провоцировать конфликты, а с остальным я справлюсь. Ну, а, во-вторых, к моим услугам на случай участия в массовых мероприятиях целый отряд киберов, просто всюду их с собой таскать — плохая идея.

— Интересно посмотреть на этих киберов. Почему-то ваши коллеги настойчиво путают Кварга с ними.

— Ну, во-первых, у них практически отсутствует мимика, а ваш капитан, не в обиду будет сказано, тоже... не злоупотребляет выражением эмоций. А, во-вторых, чтобы отличать их от людей, им обычно придают неестественную внешность, а причёска уважаемого Кварга...

— Причёска случайно получилась, — вздохнула Яра, не вдаваясь в подробности. — А эти киберы настолько хороши?

— Вполне. Я не думаю, что можно ожидать по-настоящему серьёзных конфликтов, если вы доверите мне вопросы безопасности и будете спрашивать обо всём, что вам непонятно, перед тем как что-то с этим сделать.

— Мы постараемся, — улыбнулась Яроника. — Надеюсь, у вас получится нас защитить, — кокетливо сообщила она.

Не знал бы я, что эта женщина из себя представляет, точно купился бы. А сейчас только восхитился её игрой: очаровательная слабая женщина, какой же мужчина откажется такую защищать!

Сергей оказался мужчиной, и Яронике он знал плохо.

— Обещаю. Лично вас я готов защищать даже ценой своей жизни, — сообщил он, перехватывая ладонь женщины и поднося к губам её руку. Движение было коротким, мимолётным и вполне приличным, но — это был откровенный флирт. На который наша шпионка ответила с видимым удовольствием.

Кварг между тем сидел всё с той же каменной физиономией. Хотя я был готов поклясться, что он слегка побледнел. И вообще, похоже, до той самой «осознанной провокации конфликтов» было недалеко; но старший пока держался.

Как всё-таки удачно нам подвернулся этот Сергей с его понятиями о вежливости и желанием поухаживать за Яроникой. Если этого упрянца даже сейчас не проймёт, я уж не знаю, что с ним можно сделать!

Впрочем, пронимало, да ещё как. Вопрос, насколько крепко он способен прижать себя к ногтю? Что-то подсказывало мне, предел выносливости скоро будет исчерпан, и мы сможем наблюдать взрыв.

Очень скоро. Потому что Яра или действительно на замечала реакции старшего, или умело это изображала.

— В таком случае, в ваших руках я могу быть совершенно спокойна, — с улыбкой ответила женщина и вдруг окончательно переключилась на неформальную беседу. — У вас очень странная причёска для военного; у нас мужчины обычно не носят длинные волосы, особенно — мужчины, близкие к силовым структурам.

— Долго объяснять, — пожал плечами Сергей. — Если в двух словах — это отличительная особенность подразделения, в котором я состою. Так уж повелось с давних времён. Если хотите, я вам попозже расскажу.

— С удовольствием выслушаю, — кивнула Яроника. — А почему не сейчас?

— Потому что товарищ профессор и так смотрит на меня волком, а если я продолжу тратить время на всякую ерунду, он может меня и покусать, — рассмеялся военный.

— Ох уж мне эта молодёжь, — беззлобно хмыкнул профессор. — При виде красивой женщины теряют волю и голову. А старику — сиди и завидуй, — рассмеялся он. — Но я в общем-то хотел прояснить некоторые более общие вопросы и на них ответить, если у кого-то они появятся.

Духи. Профессор, конечно, был прав, но как же он не вовремя влез! Ещё минут двадцать, и был бы у нас чудесный международный конфликт: Кварг почти дозрел. А сейчас успокоится, возьмёт себя в руки, и что прикажете дальше делать?

Одна надежда, что резкая перемена температуры сейчас поспособствует растрескиванию скорлупы, а не закалке брони.

Духи поберите, насколько я всё-таки переоценил собственные силы. Это оказалось гораздо труднее, чем думалось поначалу: наблюдать, как Яроника улыбается другому мужчине, и как он порой будто невзначай приобнимает её, поддерживает под локоть, берёт за руку, а ей это доставляет удовольствие.

Я пытался уговорить себя, что всё это просто игра, что меня это мало интересует, что всё к лучшему, и эта женщина мне не нужна. Но голос разума глож на фоне бешено стучащей пульсом в ушах ярости.

Очень кстати влез в разговор профессор с его призывом к конструктивному диалогу; если бы не это, я бы точно окончательно озверел и... Вот что было бы дальше, я не готов был спрогнозировать. Вероятнее всего, мы бы проверили, насколько хорошо способен этот глюмов «профессионал» держать удар. По мне — так с подобной комплекцией он должен быть не самым опасным противником, но всё познаётся на практике.

Впрочем, намного лучше соображать я не стал. Они всё ещё сидели рядом, он всё ещё держал её за руку, и она не спешила что-то изменять. В мою сторону даже не смотрела.

Профессор что-то говорил о принципах взаимоотношений с заповедными цивилизациями, о том, насколько немного они о подобных знают, насколько осторожно подходят к изучению, и — в общих чертах, — о том, что именно они хотят узнать от нас.

Я не мог его слушать: все мои силы были направлены на то, чтобы держать себя в руках. Это было отвратительно непрофессионально, я презирал себя за это, ненавидел попеременно себя и Яронику, мысленно ругал себя и весь окружающий мир последними словами, но — увы, толку было немного. Мне просто не хватало воли и самообладания. Это был тот самый предельный вес, который я физически был неспособен поднять, как ни напрягался. Максимум, что я мог, — до последнего держать себя в руках и не давать ярости выплеснуться наружу. Пожалуй, последний раз со мной такое было как раз тогда, когда я пытался вытащить младшего из той дыры, в которую он себя загнал: бешенство и бессилие до помрачения сознания.

Не помню, сколько это продолжалось. Кажется, часа полтора, но за точную цифру я не был готов поручиться. Главное, я всё-таки сдержался, что было небольшим (честно говоря, очень небольшим) поводом для гордости, а потом нас всех закрутила суета прибытия.

Перед глазами, не откладываясь в памяти, сменяли друг друга лица. Вполне обыкновенные, ничем не отличающиеся от тех же уроженцев Брата, лица землян. Какие-то чиновники, какие-то учёные, какие-то бессмысленные речи. Самое главное, Сергей больше не маячил неотвязно рядом с Яроникой, вынужденный заниматься собственными обязанностями, и я в связи с этим обстоятельством мог хоть немного подумать.

Одно было ясно: так дальше нельзя. Потому что это сейчас у нас суета и какие-то перемещения, а потом... я ведь точно не сдержусь в какой-то момент. Если он наш охранник, то он постоянно будет поблизости, а конфликт с местным офицером и, наверное, неплохим в сущности человеком был нам всем ни к чему. Даже если он окажется сильнее, или если я окажусь достаточно в себе, чтобы не убивать.

Выход я в итоге видел только один. Вернее, их было несколько, но этот был самый разумный и самый правильный, если сделать скидку на то, что именно его я старался всячески избежать: честно и прямо поговорить с Ярой. И чем скорее, тем лучше. Наверное,

если я буду знать, что не имею никакого права претендовать на эту женщину, мне станет легче. Хочется в это верить...

Нас всех поселили в одном крыле какого-то огромного высотного здания, расположенного на небольшом холме и возвышавшегося над в среднем довольно низкорослым городом. Как объяснил нам охранник, комнаты были частью общежития для сотрудников и учеников, трудившихся и учившихся в этом институте.

Апартаменты были, определённо, скромнее, чем в нашей яхте, но всё равно довольно просторные, каждая с индивидуальным санблоком. Нам провели экскурсию, объяснив, что как работает, пообещали до утра не трогать, а утром приступить к собственно исследованиям.

Окончательно меня добил тот факт, что комнаты нам с Яроникой выделили разные (что, в общем-то, было совершенно логично с точки зрения хозяев), а наш охранник, которого я временно ненавидел лютой ненавистью, тоже занимал одно из помещений в этом крыле (что не менее логично, но невероятно выводило из себя).

Некоторое время я, запершись в комнате, просто сидел на стуле и занимался дыхательной гимнастикой, пытаясь взять себя в руки. Получалось из рук вон плохо, — вьёвшийся образ Сергея, держащего белобрысую занозу за руку, категорически не хотел идти из головы, — но я упорно пытался. Когда окончательно расписался в собственном бессилии, решил идти как есть. Дадут духи, никого не убью.

Яроника на стук открыла быстро. Хотя, наверное, было бы лучше, если бы не открывала вовсе, потому что она была не одета, а от подмышек до середины бедра завёрнута в плотную мягкую ткань полотенца, которые нам выдали взамен отсутствующих по техническим причинам сушилок. Так что я, глядя на неё, практически забыл, зачем вообще пришёл.

— Кварг? — удивлённо вскинула она брови. — Привет, — женщина отступила в сторону, пропуская меня внутрь. — У них тут так забавно всё устроено, — с улыбкой сообщила она, закрывая за мной дверь. — Без сушилки, правда, неудобно, но что-то в этих полотенцах определённо есть. Ты чего? — озадаченно вскинула брови Яра, разглядывая меня.

Я же замер буквально на пороге, пытаясь сказать хоть что-то, но мог только восхищаться контрастом белого полотенца и смуглой кожи. И рациональных разумных мыслей в моей голове не было совсем.

— Кар, ты нормально себя чувствуешь? — участливо поинтересовалась она, подходя ближе.

И я не выдержал. Схватил её в охапку, прижал всем телом к двери, запечатывая рот поцелуем.

Она ответила не раздумывая, и некоторое время мы просто целовались. Точнее, я целовал и прижимал её к себе, а она осторожно, как будто пытаясь успокоить, гладила мои плечи и голову. Странно, но в какой-то момент, — полотенца на ней, к слову, уже не осталось, — я действительно понял, что вполне могу разговаривать. Недолго, но могу.

— Маленькая ведьма, — пробормотал я, закрыв глаза, прижавшись лбом к её лбу и осторожно придерживая её за шею, не позволяя отвернуться. — Никогда так больше не делай. Слышишь меня?

— Как — так? — почему-то шёпотом уточнила она.

— Так, — после секундной паузы ответил я, не в силах впихнуть всё, что хотелось, в несколько слов. — Духи! Убью. Любого, кто посмеет дотронуться.

— Ты... ревнуешь? — с непонятным выражением спросила эта догадливая женщина.

— Ревную, — не стал в этот раз отрицать я. — До безумия. Честно пытался это контролировать, но — не получается. Прости. Если он ещё раз возьмёт тебя за руку, если ты ещё раз кому-то так улыбнёшься, если позволишь... невзирая на личности, любому шею сверну. Никогда со мной такого не было. Точнее, было, но давно, уже почти не помню. Даже если не буду иметь на это никакого права, видят духи — убью! Прости...

— Не надо, — тихо шепнула она, и я почувствовал, как её пальцы скользнули мне на затылок, а вторая ладонь легла на запястье той руки, которой я держал её шею. — Извиняться не надо, — со смешком добавила Яра, опередив мой вопрос. Осторожно отвела мою руку, медленно потянула вниз, ладонью прижимая к себе. — Я больше не буду, — вовсе уж едва слышно пообещала она. Не дав моей ладони задержаться на её груди, повела вниз, по боку на бедро, и дальше на ягодицу. — Я думала, тебе плевать. Я... соскучилась, — призналась она, и, запустив обе ладони мне под рубашку, прижалась ещё крепче, насколько это было возможно. — Хочу тебя. Очень, — и руки её, скользнув по моей спине, потянули вниз край эластичных штанов.

Я подхватил женщину под бёдра, намереваясь таким образом добраться до кровати. Правда, когда она в ответ обхватила меня ногами, тихо выдохнув возле самого уха «пожалуйста», стало понятно, что идея обречена на провал. Сил не нашлось даже для того, чтобы окончательно раздеться: для этого надо было на несколько секунд прервать поцелуй, что было решительно невозможно.

От двери мы в итоге так и не отошли, всё случилось на том же самом месте. Грубо, без всяких прелюдий; нам обоим слишком хотелось близости, чтобы откладывать её на какие-то мгновения. Женщина цеплялась руками за мои плечи, я обеими ладонями сжимал её бёдра, и наш бессвязный шёпот смешивался в тишине с мягким влажным звуком, сопровождавшим каждый короткий взлёт. И одно только это возбуждало до полной потери разума. Длинные плавные движения вверх-вниз, сильные и глубокие, — пока она не выгнулась в моих руках с тихим вкрадчивым стоном на выдохе. Разрядка оказалась очень быстрой и яркой, как вспышка молнии, и я прижался лбом к твёрдой прохладной поверхности двери, пережидая темноту в глазах и с наслаждением вдыхая запах женщины, которую сжимал в объятьях.

Моей женщины. И духи с ними, с рассуждениями, логикой и принципами! Я временно не готов поступать разумно.

Несколько секунд я так простоял, потом всё-таки добрался до кровати и присел на её край, не выпуская Яронику из рук.

— А почему ты назвал меня ведьмой? — поинтересовалась она, слегка отстраняясь чтобы стянуть с меня рубашку.

— А как тебя ещё назвать? — ворчливо ответил я вопросом на вопрос. — Со мной такого безумия никогда не случалось, чтобы одна-единственная женщина полностью занимала всё внимание, не давая больше ни о чём думать. Я, например, совершенно не помню, что этот профессор говорил днём, зато помню, что ты на меня ни разу не посмотрела. Это нормально?

— Я смотрела почти не отрываясь, — хмыкнув, созналась женщина. — Краем глаза; у нашего пола вообще хорошо развито периферийное зрение, а у меня оно ещё и тренированное. Хотя всё равно рисковала заработать косоглазие.

— Как приятно осознавать, что не я один мучился, — с усмешкой прокомментировал я это заявление. — Признавайся, ведьма, специально издевалась?

— Конечно, специально, — спокойно согласилась она. — Мне Пи предложила проверить, действительно ли ты ревнуешь, простейшим способом: высказать фривольное предположение в адрес Алексея и наблюдать за твоей реакцией. Реакции не было, я решила, что это всё глупости. Потом твой младший пришёл, и опять начал доказывать, что ты на самом деле ревнуешь, только не признаёшься. Я подумала и решила: а и духи с тобой, буду откровенно флиртовать с землянами, а там или ребята окажутся правы, или я хоть отвлекусь и получу удовольствие.

— Пороть. Нещадно! — хмыкнув, назначил я лечение. — Мерзавка.

К этому моменту мы за разговором успели окончательно обосноваться на кровати, и лежали, сплетясь в единый организм подобно тем существам с безымянной планеты. И почему-то сейчас иную форму бытия даже представлять себе не хотелось.

— Ладно, с ведьмой замнём для ясности; а почему ты меня вдруг Никой назвал? — благоразумно сменила она тему.

— Когда? — я озадаченно нахмурился я.

— Буквально только что, у двери.

— Кхм. Ты сейчас пытаешься добиться от мужчины объяснения, что он говорил во время умопомрачительного секса. Ты делаешь это осознанно, или просто не подумав? — ехидно фыркнул я.

— Пятьдесят на пятьдесят, — откликнулась она, и в голосе явно звучала улыбка. — То есть, я понимаю, что это наивно, но всё-таки надеюсь, что ты сообразишь.

— Не знаю, — хмыкнул я, честно пытаюсь оправдать её надежды. — Может, потому, что звучит мягче. Меня и на ясную голову подмывало, — кстати вспомнил я. — А что? Ты против?

Она почему-то долго молчала, прежде чем ответить. Потом глубоко вздохнула и изрекла, явно скрепя сердце:

— Ладно. Тебе можно.

— Однако! Тебе настолько не нравится этот вариант?

— Да не в том дело, — отмахнулась Яроника. — Так, субъективные глупости.

— Конкретизируй.

— Как ты метко заметил, это сокращение действительно звучит гораздо мягче. Это имя как будто делает меня немного другой; более слабой, более нежной, более беззащитной. Обычно это довольно неприятное ощущение, но... кажется, я согласна побыть для тебя такой. Главное, не злоупотреблять, — она насмешливо хмыкнула. — Меня так всего двое называли: та, кто почти заменила мне мать, и тот, в кого я по молодости имела дурость влюбиться. И если к первой претензий нет, то второй очень меня разочаровал и обидел, а я крайне мстительная женщина, имей в виду, — она тихонько захихикала, потом приподнялась на локте, заглядывая мне в глаза; взгляд был совершенно серьёзный и никак не вязался с насмешливым тоном. — Для меня это важно, Кар. Это доверие. Оправдай его, ладно?

— Постараюсь, — растерянно пообещал я.

Подумать только, какие странные вещи порой имеют для людей принципиальное значение. Сокращение имени; казалось бы, какая разница, как буквы переставить и какие выкинуть? Оскорблением не становится, и ладно.

Я бы даже пожалел, что спросил, и забрал бы слова назад, если бы не одно «но». Это оказалось до дрожи приятное ощущение: осознавать степень её ко мне доверия и быть в этом

единственным. Хотелось надеяться, что после такого ревность не будет отравлять мне жизнь. Хотелось, но всерьёз не верилось.

Это я Кверру мог говорить что угодно и надеяться, что тот поверит, но себе стоило уже наконец признаться: попал ты, Кварг Арьен, и попал так глубоко и конкретно, как не попадал никогда прежде. Проще говоря, влюбился не то что по уши — с головой, и, похоже, всерьёз.

Впору помянуть мать с её пророчествами. Лундра могла быть сколь угодно безалаберной женщиной и плохой матерью именно с точки зрения материнских обязанностей, но при этом она была очень по-женски мудрой. Единственный раз она решила всё-таки поговорить со мной о чувствах. Правда, момент выбрала не слишком удачный: плохая идея, обсуждать подобные темы с упрямым и самоуверенным тридцатилетним мужиком со вполне сложившимся характером и взглядами на жизнь. Но тем не менее сейчас я снова вспомнил её сказанные с сочувственной насмешкой слова.

«Как бы ты ни дёргался, парень, — заявила она, затягиваясь сигаретой, — что бы ты себе сейчас ни думал, как бы себя ни ломал, а темперамент не убьёшь. Смирись, ты слишком похож на меня, чтобы в твоих силах было это изменить. Не спорю, моя вина, что у тебя вообще возникли подобные мысли, — что это нужно менять, — но исправлять ситуацию поздно, ты уже упёрся. Главное, помни: рано или поздно всё тайное становится явным, и надеяться на обратное бессмысленно. Не знаю, как это будет; может, на службе что-то такое случится, коль уж ты на ней так повёрнут. Я бы предпочла, чтобы это была женщина. С удовольствием посмотрела бы, как мой вроде бы разумный и такой сдержанный старший начнёт метаться, биться головой о стены, дурить и чудить так, что младшему и в страшных снах не снилось. Всегда приятно наблюдать, как кто-то, считающий себя самым умным, вдруг садится в лужу и начинает вести себя как полный придурок. Тебя, парень, не за рост в разведку не взяли, а за десяток разбитых носов на счету. И бабы у тебя все одна другой бешены по той же причине: характер чувят, мы это вообще всегда очень хорошо чуем. Запомни, легко оставаться спокойным и сдержанным, только когда тебе по большому счёту плевать на результат. А вот когда будет не плевать, вот тогда ты меня вспомнишь. Надеюсь только, не будет слишком поздно».

Первый раз я вспоминал эти слова после той безобразной вспышки, когда я Правой Руке лицо начистил. И наивно полагал, что хуже не будет. Три раза «ха».

Впрочем, нельзя сказать, что сейчас всё действительно было плохо. Если рассматривать ситуацию с точки зрения общечеловеческих ценностей и среднестатистических привычек, даже отлично. Рядом со мной женщина, от одного только вида которой кровь начинает закипать. Я влюблён как мальчишка, со всеми минусами и плюсами этого удивительного состояния, — тоже редкость в сорок пять лет. Более того, эта самая женщина, похоже, отвечает мне взаимностью.

Паранойя, конечно, пыталась высказаться, что с Яроникой никогда и ничего нельзя знать наверняка, и она способна сыграть что угодно. Но тут парадоксальным образом логика вставала на сторону чувств и задавала простой и закономерный вопрос: «нафиг глюму плазмомёт?» То есть, какой смысл ей такое играть? Какая от этого может быть выгода? С точки зрения выгоды гораздо полезней было сосредоточиться именно на землянине. И правдивость её обещаний очень легко проверится завтра, какой смысл врать?

Почувствовав, что при мысли о землянине во мне опять бдительно шевельнулась ревность, я вдруг ощутил настоятельную потребность страшно отомстить. Чтобы больше

даже мысли такой не возникало — обращать внимание на других мужчин. И плевать мне, что это просто работа, что всё это ничего не значит, что она так привыкла. Мы не на Брате. Менять жизнь — так кардинально. И не только мне.

— Ты чего? — озадаченно уточнила Яроника, когда я начал аккуратно выбираться из кровати.

— Да так, — отмахнулся я, оглядываясь в поисках чего-нибудь подходящего для моих целей. Как назло, на глаза не попало совершенно ничего; пришлось соглашаться на собственную рубашку.

— Кар? — удивлённо вскинула брови женщина, когда я, подобрав с пола рубаху, опять сел на кровать, аккуратно расправляя добытый предмет одежды. — Ты куда собрался? — уточнила она, неосторожно пододвигаясь ко мне ближе. — Ай!

Скрутить маленькую ведьму посредством собственной рубашки оказалось делом техники. Жалко только, у кровати не было ни столбиков, ни каких-то ещё удобных в применении художественных излишеств, поэтому руки пришлось вязать за спиной; локоть к локтю, чтобы не слишком затекали.

— Кварг Арьен, и что это значит? — ехидно поинтересовалась Яра, когда я перевернул её на спину. Вид благодаря вынужденному прогибу в пояснице оказался ещё более впечатляющий, чем можно было ожидать, так что я мимоходом даже порадовался отсутствию упомянутых столбиков.

— А это, моя хорошая, называется красивым высокопарным словом «расплата». Ну, или «мечь», как тебе больше нравится. А по факту — просто некоторые воспитательные мероприятия.

— Пороть будешь? — захихикала она, явно не слишком возражая.

— Зачем так сразу? — притворно возмутился я. — Есть гораздо более гуманные методы. Хотя... гуманность понятие относительное. Не волнуйся, тебе понравится. Потом.

Всё-таки иногда хорошая выдержка — очень полезная вещь. Например, вот в таких ситуациях. Потому что у меня в конце концов получилось добиться от неё того, чего хотелось. Чего мне это стоило — другой вопрос, но оно того однозначно стоило.

Раз за разом я аккуратно и неторопливо подводил её к самой грани удовольствия, чтобы в последний момент остановиться и не позволить её пересечь. Не знаю, сколько это всё продолжалось; поначалу она ещё улыбалась и пыталась меня дразнить, но в какой-то момент окончательно и бесповоротно капитулировала, и это было видно. И наблюдать этот момент было невероятно приятно.

Она жалобно всхлипывала, изгибаясь в моих руках; пыталась сжать ноги и закрыться, но я ей этого не позволял. Она умоляла и просила пощады, стонала, шептала, что больше никогда так не будет, и обещала быть хорошей девочкой. Только моей хорошей девочкой. Попеременно то ругала меня, то звала ласковыми именами, кусала губы, вновь выгибалась, пытаясь продлить прикосновения.

Отпустил я её только тогда, когда понял, что и сам нахожусь почти в том же состоянии. Предварительно предусмотрительно закрыв рот поцелуем: не хватало ещё переполошить всех соседей.

И это тоже было красиво — видеть, как её гибкое тело одна за одной омывают волны удовольствия, пробегая дрожью до кончиков пальцев. В какой-то момент я понял, что сил сдерживаться у меня больше нет, и вжал женщину своим телом в простыни, объединяя наши тела в одно и подводя процесс к логическому завершению. Ника подалась мне навстречу, и

после нескольких движений изогнулась, хватая ртом воздух, содрогаясь от наслаждения подо мной — и вокруг меня.

Вот этого ощущения я уже не выдержал, и мир взорвался фейерверком. А потом я сам на какие-то мгновения перестал существовать, превратившись в один сплошной центр удовольствия.

— Ты глюмов псих, — проворчала женщина, выводя меня из расслабленного состояния бытия без единого проблеска мысли. Усмехнувшись, я приподнялся на локтях, чтобы заглянуть ей в лицо. — Слышишь меня? — повторила она, внимательно меня разглядывая. — Ты. Глюмов. Псих. Маньяк и извращенец.

Я засмеялся, — насколько мог в состоянии полной расслабленности и растекающегося по телу удовлетворённого бессилия, — и перекатился на спину, увлекая ворчунью за собой, чтобы спокойно распутать её руки.

— Совсем недавно ты говорила другое. Хотя, нет, я не прав; эти слова тоже присутствовали, — весело сообщил я. Освобождённые конечности Яроника просто уронила, не делая даже попытки как-то ими воспользоваться, пусть даже и для удушения меня. И вообще никак не шевелилась, просто лежала, уткнувшись носом в плечо.

— Ну, точно. Псих. Полный!

— Хочешь сказать, тебе не понравилось? — провокационно уточнил я.

— Мне понравилось. Раз эдак пять, а может и больше; я на втором уже разучилась считать, — пробормотала женщина. — Но ещё раз ты мне такое устроишь, и я за себя не отвечаю!

— Не ругайся, — хмыкнул я. — По-моему, оно того стоило, разве нет? Что не так?

— Беспомощность, — шумно вздохнула она. — Зависимость и уязвимость. А знаешь, что особенно ужасно? Что вот сейчас мне эти ощущения тоже понравились. Духи поберите, Кар, со мной в жизни никогда ничего подобного не было! В моей очень долгой и очень насыщенной жизни. Потому я и говорю: ты глюмов маньяк и извращенец, — она вновь глубоко вздохнула. Потом вдруг коснулась губами моего плеча, докуда дотянулась, и едва слышно прошептала: — Спасибо. Я никогда раньше не чувствовала себя настолько живой. Настолько... собой.

— Не волнуйся, — усмехнулся я в ответ, медленно глядя её ладонью по спине. — Если бы ты меня сегодня так не вывела из себя, я бы и сам сдался значительно раньше. Так что если захочется повторения, ты знаешь, что делать: здорово меня разозлить.

— Учту, — хмыкнула она.

И мы уснули, в точно том же положении, в котором лежали.

А утром... Утром я понял, что я либо убью эту женщину, либо не отпущу от себя дальше чем на пару метров, но в любом случае мы до последнего будем разнообразить друг другу жизнь. Потому что проснулся я от ощущения невесомых прикосновений чутких пальцев к груди и животу. Со связанными (качественно, я проверил; хотя так и не понял, к чему они были привязаны) над головой руками и, мало того, с повязкой на глазах.

— Ника-а? — насмешливо протянул я.

— Мр-р? — игриво откликнулась она. — Не волнуйся, сейчас по местному ещё раннее-раннее утро, и к моменту пробудки мы вполне уложимся. Во всяком случае, я постараюсь, — с сомнением добавила она.

Ведьма. Как есть — ведьма!

— Жизнь ужасно несправедлива, — проворчала я, лёжа на кровати и не имея сил пошевелить ни рукой, ни ногой. Возмутительно довольный и бодрый Кварг как раз вышел из санблока, на ходу вытираясь.

— Почему? — любопытно спросил он.

— Потому что после такого пробуждения именно ты должен был здесь лежать и не иметь возможности пошевелиться. А получается, ты вчера надо мной поиздевался, потом ещё сегодня удовольствие получил, а страдаю в итоге опять я!

— Ну, извини, — виновато вздохнул он, присаживаясь рядом со мной на край кровати. Хоть бы ширину улыбки поубавил, что ли; я бы тогда ещё может поверила. — Хочешь, я тебя на руках поношу? В знак признательности.

— Только если не с такой ехидной рожей, — фыркнула я. — Хочу. И помыл. И покормил с ложечки.

— Смотри, ловлю на слове, — рассмеялся он и наклонился, собираясь действительно поднять меня на руки. Правда, его прервал стук в дверь. — Ты кого-то ждёшь? — иронично вскинул брови мужчина.

— Да. У меня свидание с землянином, — сообщила я. И, выдержав короткую драматическую паузу, добавила: — Даже, подозреваю, с несколькими. И ещё с группой неплохо знакомых тебе лиц. У нормальных людей эта оргия ещё завтраком называется. Может, откроешь уже?

Он усмехнулся, поднялся, обернул бёдра полотенцем и действительно пошёл открывать.

— Кхм. Кварг? Доброе утро, — прозвучал от двери несколько озадаченный голос Сергея. У меня откуда-то резко прибавилось сил; во всяком случае, их вполне хватило, чтобы соскрести своё брэнное тело с кровати и, завернув его в одеяло, на всякий случай подтащить поближе к двери. Мало ли, до чего мужчины сейчас договорятся? Кар конечно вроде бы успокоился, но лучше перестраховаться. — Я хотел предупредить, что через полчаса завтрак, и там произойдёт знакомство с теми лицами, с которыми вам предстоит общаться в ближайшем будущем. А, скажите, Яроника...

— Тут я, тут, и всё слышала, — на всякий случай сразу вмешалась я, протискиваясь под бок к Кару. — Доброе утро, Сергей.

Это, конечно, было слишком откровенно и демонстративно, но мне сейчас меньше всего хотелось нервировать Кварга и давать ему поводы для ревности. А какой самый простой способ выделить мужчину и успокоить его самолюбие? Правильно, сделать это демонстративно, при потенциальном сопернике. Иногда бывает уместно сделать это ещё и неприлично; на мой взгляд, сейчас был как раз тот случай. Перед землянином было немного неудобно, — кажется, я ему действительно понравилась, — но не до такой степени, чтобы сейчас шадить его чувства, рискуя быть неправильно понятой.

Нет, у меня стояла конкретная задача: продемонстрировать нашему капитану так, чтобы навсегда отложилось в его синей голове, что я хорошая девочка, и ревновать меня не надо. Пусть человек порадует, что его воспитательные методы работают.

Конечно, нельзя сказать, что вчерашний долгий вечер мне не понравился: я вообще не представляла, что подобное удовольствие возможно. Однако повторения я бы предпочла избежать. Во всяком случае, в ближайшие месяц-другой, потому что... ну, это в самом деле

слишком. Определённо, есть нечто притягательное в ощущении, когда твоё тело принадлежит уже не тебе, и живёт не своей жизнью, а чужими прикосновениями; но делать это нормой жизни мне не хотелось. Тут как с пряностями, главное, не переборщить.

Зато теперь я знаю, что мне стоит делать, если захочется забыться в состоянии более блаженно-нездешнем, нежели любая наркотическая эйфория: спровоцировать Кварга.

— Доброе утро, Яроника, — очень озадаченно кивнул землянин, с любопытством меня разглядывая. Даже думать не хочу, что у меня там на лице написано и какие следы вчерашнего порока на нём видны. А то вдруг краснеть научусь? И так всё более чем однозначно: капитан в полотенце, и я, придерживающая на груди сползающее одеяло.

— Не надо меня искать, я не терялась, — тем временем старательно забалтывала я неловкость. — Извините, мы вас не предупредили, что нас нужно в одной комнате селить; мы с Каром просто немного поругались. А теперь вот помирились, — я тщательно изображала смущение, прильнув к боку капитана как будто в поисках поддержки. И тут же была нежно приобнята и к этому самому боку прижата.

Хм. А приятно!

— Рад за вас. Молодожёны что ли? — понимающе ухмыльнулся Сергей. Похоже, его ко мне симпатию я переоценила; оно и к лучшему.

— Да, — сообщил Кар. Не знаю, как я удержалась от того, чтобы недоумённо на него вытаращиться при этих словах, а опять изображала лёгкое смущение.

— Всё с вами понятно, — рассмеялся землянин. — Через полчаса, так что не увлекайтесь, — сообщил он и ушёл.

— Молодожёны? — насмешливо уточнила я, когда дверь закрылась.

— Тебя это расстраивает, потому что тебе не нравится подобное положение, или потому что это неправда? — ехидно уточнил он, отнимая у меня одеяло и подхватывая меня на руки с целью отнести всё-таки в душ.

— Ты нахал, ты в курсе? — вежливо уточнила я.

— Не помню, — он беспечно пожал плечами. — Психа, извращенца, милого и хорошего помню; про нахала не было.

— Тьфу. Уговорил, всё меня устраивает, ври что хочешь и кому хочешь, — отмахнулась я, не желая вступать в полемику.

— Какая жалость. А я надеялся, ты всё-таки ответишь, — усмехнулся он.

— Вот когда будешь звать замуж, тогда и надейся, — пренебрежительно фыркнула я. — А на глупости твои отвечать я не буду.

— И на какой же ответ мне стоит рассчитывать в том случае? — серьёзно поинтересовался мужчина, намывая меня с очень сосредоточенным видом. Я бы даже купилась на напряжённый тон, но его выдали глаза: они смеялись.

— Ты сначала спроси, — отмахнулась я. Больше мы к этой теме, к счастью, не возвращались.

Я даже не стала указывать Кваргу на то, что столь прямолинейную и откровенную ложь прекрасно можно проверить: достаточно просто уточнить у наших спутников. Не маленький, должен сам понимать такие вещи. А, с другой стороны, по большому счёту, кому какая разница?

К обещанию таскать меня на руках мужчина подошёл со всей ответственностью; видать, действительно понравилось пробуждение. Вот так делай людям гадости...

Он сам меня вымыл, сам вытер, сам одел. Я под конец даже почувствовала

определённую неловкость, но мужчине, похоже, это дурачество доставляло удовольствие. Когда он, упаковавшись в собственную одежду, опять подхватил меня на руки с намерением нести к завтраку, я уже была морально готова начать вырываться. Остановило меня понимание простого факта: его это не остановит, а я буду выглядеть как дура.

Но это всё-таки были мелочи. Гораздо сильнее меня в данный момент беспокоил другой вопрос: помнится, я что-то говорила про «покормить с ложечки», и, помнится, меня кто-то поймал на слове. Ой, чувствую, развлечём мы землян по полной программе!

Правда, развлечения начались ещё раньше, и они мне — о, ужас! — понравились. Выражения лиц экипажа стоили всех перенесённых и грядущих неудобств, включая пресловутое кормление. Куда там, я готова искренне подыграть «кормильцу», лишь бы подольше смотреть на эти лица!

Сильнее всего физиономии вытянулись у Кверра и Птички. Они несколько секунд созерцали нашу скульптурную композицию, переглянулись и хором протянули:

— М-да-а-а.

Духи, откуда у меня это ощущение, будто я схожу с ума? Общение с Кваргом, определённо, плохо на меня влияет. Мы находимся на чужой планете, среди чужих людей, с большой долей вероятности виноватых в войне на моей родной планете, их мотивы и планы нам совершенно непонятны. А я, вместо того чтобы собирать информацию и составлять подробную картину происходящего, дурачусь, развлекаюсь и отвлекаюсь на личные отношения с человеком, который, — на минуточку! — номинально является моим врагом. Самое ужасное, мне совсем не стыдно, и всё происходящее мне безумно нравится.

Может, это из-за лишней десятой доли процента кислорода в их воздухе? Или, может, пищевой синтезатор на яхте украдкой что-то эдакое подмешивал, наркотического свойства?

И ведь Кварг ведёт себя точно так же! Скажи мне кто-нибудь год назад, что Разум Неспящий Кварг Арьен будет меня ревновать, экзотическими методами наказывать, прилюдно таскать на руках и... кормить с ложечки, да я бы даже представить подобную картину не смогла! Тот самый человек, который спланировал и руководил легендарной операцией по ликвидации повстанческой группировки на Тильде, и которого нам ставили в пример в учебке как образец тактика современности за его способность не терять холодного рассудительного спокойствия в любой нештатной ситуации (ну не просто же так он без протекций за какие-то десять лет взлетел по карьерной лестнице до высшего звания).

Нет, определённо, что-то в этом мире перевернулось. Или в нас. С пугающей синхронностью, что характерно. Может, всё-таки та разумная планета нас в самом деле подменила?

Мы их потеряли.

Это была первая мысль, пришедшая в мою голову при виде старшего с Яроникой на руках. И чем дальше, тем сильнее она крепла. Ко мне в голову даже закралось подозрение, что они делают это специально, в отместку за сводничество; но даже этот вариант никак не оправдывал подобного поведения.

Даже Птичка, уж насколько существо шебутное и далёкое от Неспящих, смотрела на эту пару с искренним удивлением. Подобное поведение было уместно при друзьях, — скажем, если бы они так начали чудить на яхте, я бы только порадовался, — но в чужом мире? Среди людей, которых вот эти же двое первыми подозревали во всяких гадостях?!

Зато я, кажется, окончательно понял, что чувствовал Кварг, когда он уже был Разумом Неспящим, а я — безалаберным и бестолковым шалопаем. И искренне ему тогдашнему посочувствовал.

Сейчас мне было элементарно стыдно за поведение старшего. Нет, с одной стороны ничего совсем уж неприличного они не делали: не целовались и не обнимались подобно шестнадцатилетним протестующим против всего мира подросткам («а ведь могли!» — с содроганием понял я). Но и того, что делали, с лихвой хватало, чтобы усомниться в здравости рассудка обоих.

— Скажите, а это какой-то обычай? Брачный, или ухаживания? — вполголоса поинтересовалась, склонившись ко мне, пожилая женщина, доктор Вероника Владимировна Черемшанская, представленная как филолог-лингвист широкого профиля.

— Угу, называется «два влюблённых идиота», — поморщившись, сообщил я. — Нет, конечно. Мы сами, честно говоря, удивлены подобным поведением наших товарищей; они оба в норме гораздо более сдержанные и воспитанные люди. Может, у них такая реакция на какой-нибудь из местных продуктов? Или на воздух?

— Оставьте вы молодых людей в покое, — благодушным тоном оборвал нас вчерашний профессор-антрополог, взиравший на сладкую парочку со снисходительно-добродушной улыбкой. — Совершенно нормальное поведение для молодожёнов, я бы вообще предложил их отпустить, так сказать, на вольные хлеба и не портить людям самые счастливые дни жизни, но меня не слушают.

— Это вы, Глеб Егорович, по себе судите? — весело поинтересовалась моя соседка.

— Ну, разумеется, — сварливым тоном отозвался политолог Ярослав Дмитриевич Селезнев, мужчина лет сорока с брюзгливо поджатыми губами и с выражением вечного недовольства, запечатлённого в чертах лица. — Товарищ профессор у нас и поныне находит возможным позволять себе вольности.

— Лучше в семьдесят лет обладать шестнадцатилетней душой, чем в шестнадцать — семидесятилетней, — насмешливо отозвался профессор.

— Не обращайтесь внимания на Селезнева, — громким шёпотом, — таким, который привлекает внимания больше, чем уверенная спокойная речь, — сообщила мне сидящая по другую руку Елена Михайловна Дудкина, доктор биологических наук и очень... необычная женщина. Маленькая, кругленькая и настолько энергичная и проворная, что от неё через две минуты общения начинало рябить в глазах. — Он у нас убеждённый холостяк последние десять лет, с тех пор, как его Алёнка бросила.

— Елена Михайловна! — строгим тоном оборвала её представитель дипломатической службы Алёна Игоревна Турбина. Видимо, та самая? — Не думаю, что нашим гостям это интересно.

— Переживает, — одновременно сообщили мне обе соседки трагическим шёпотом.
Духи!

Может, именно это нормально, и именно я веду себя неправильно? Как-то странно эта Земля на людей действует. Даже наш начальник охраны сидел с таким видом, будто ничего из ряда вон выходящего не происходит, и вот такое поведение светил науки — абсолютная норма.

Нельзя сказать, что подобные отношения окружающих мне не нравились. Скорее, они попадали под определение «слишком замечательно, чтобы быть правдой». Земляне в самом деле напоминали людей из совершенно другого, более совершенного, более радостного мира, чем Брат. Очень сложно было действительно поверить, что мир этот существует, и что мы оказались именно в нём, а всё происходящее — не специально для нас организованный спектакль.

Определённо, мы с Кваргом поменялись ролями. Он чудит, а я пытаюсь вести себя разумно, подхватив павшее знамя его паранойи и осторожности. И оставаться скептиком мне, честно говоря, чем дальше, тем сложнее...

После завтрака мы всей толпой направились за нашим охранником в неизвестном направлении. Кваргу с Ярой, видимо, надоело дурачиться, и после трапезы они вернулись в адекватное состояние. Шли рядом, держась за руки как приличные школьники, и не рвались привлечь чужое внимание. Хотя у них это всё равно получалось плохо: из нашей компании они вызывали у местных самый большой интерес. С синеволосым старшим всё и так понятно, а вот чем их так поразила Яроника, ещё надо было выяснить.

Шли мы довольно долго. Вереницей обыкновенных лифтов и даже самых примитивных лестниц, по широким гулким коридорам, отделанным белым и красным камнем с прожилками, с тяжёлыми старинными дверями по бокам и окнами, прикрытыми полупрозрачными шторами. В общем и целом создавалось ощущение, что мы находимся не в современном исследовательском институте, а в каком-то музее.

— А почему здание не переоборудовали и не оснастили теми же телепортами? — задал я вопрос идущей рядом Черемшанской.

— Потому что памятник архитектуры, — с удовольствием ответила она, явно тяготившаяся молчанием. — Здание не такое уж старое, но, говорят, построено на фундаменте древнего, ещё докосмической эпохи, Университета, выходцы из которого собственно и стояли у истоков покорения космоса. Даже, говорят, на основе тогдашнего проекта; не один в один, но общий вид воссоздан.

— Говорят? — уточнил я.

— Ну, я всё-таки не историк и не архитектор, — рассмеялась она. — За что купила, за то и продаю.

— Это какая-то идиома? — я хмыкнул, имея в виду последнюю фразу.

— А? Да, разумеется, — отмахнулась она. — Вы не обращайте внимания, из меня часто фольклор плещет. Профессиональная деформация, что поделаешь. Так странно, — вдруг переключилась она. — Вы настолько похожи на нас, — и манерой строить разговор, и общим поведением, — что я никак не могу поверить, что вы прилетели с чужой, далёкой планеты. И переводчики у вас насколько качественные! А вы не могли бы его, кстати, снять,

и сказать мне что-нибудь на родном языке? — загорелась она.

— А что именно сказать?

— Ну, не знаю. Стишок какой-нибудь, или песенку. Петь не обязательно, мне просто звучание языка послушать. Он же наверняка произошёл от какого-то земного!

Пожав плечами, — похоже, тесты начинаются, — я отцепил от кожи переводчик, с которым уже сроднился, и размеренным речитативом начал рассказывать первую пришедшую в голову песню. Песня была довольно дурацкая и пошловатая, но я никогда не был любителем что музыки, что поэзии. Свои обернулись на меня все, как по команде. Видать, узнали. Кварг насмешливо ухмыльнулся, Тим удивлённо приподнял брови, Яра тихонько захихикала, а Птичка сделала страшные глаза и явно была готова постучать по лбу в характерном жесте. Причём постучать по лбу мне.

Черемшанская о чём-то оживлённо вполголоса заспорила с Воскресенским, махнув мне рукой в том смысле, что петь достаточно. Я из любопытства тоже немного послушал их разговор и с удивлением пришёл к выводу, что речь очень похожа по звучанию на язык Навьи, одной из Свободных. Та же музыкальная певучесть, странно сочетающаяся с рычащими звуками.

— А я говорю, это французский! — возмущённо и явно не в первый раз заявила Черемшанская. Я уже нацепил обратно переводчик, и теперь мог слушать научный диспут осмысленно, а не как набор звуков. — Кто из нас вообще филолог? Вот и молчи, профессор, и занимайся своим делом, а в мои не лезь!

— Вер, а, может... — начал Глеб Егорович, и в уголках его губ зародилась усмешка.

— Тьфу! Дурак, даром что академик, — обиженно надулась Вероника Владимировна. — Я думала, он всерьёз дурит, а он развлекается!

— То есть, вы сумели определить, что я говорил? — насторожился я.

— Нет; но, определённо, отдельные слова кажутся понятными, это надо уточнять. Вы мне потом перевод надиктуете, ладно?

— Давайте я вам лучше что-нибудь другое надиктую, с переводом? — предложил я. Нехорошо было начинать знакомство с языком с подобного народного творчества.

— Что-то не так? А-а, то есть, это этот текст всё-таки имел фривольный характер? — искренне обрадовалась филолог. — Тогда как минимум два-три слова я истолковала верно! Да вы не расстраивайтесь, — рассмеялась она, посмотрев на меня. — Мне тоже на просьбу что-нибудь надиктовать обычно в голову такая ересь лезет, что хоть стой хоть падай! Подумаете, да выдадите что-нибудь более приличное, что не стыдно печати показать. Серёженька, куда ты нас вообще тащишь? — возмутилась она, окликнув, судя по всему, нашего охранника.

Похоже, резкие скачки с темы на тему — это её неизменная привычка. К которой придётся долго привыкать.

— В лабораторный корпус, — невозмутимо отозвался Ямов. — Там меньше шансов нарваться на кого-то постороннего и проще обеспечивать охрану. Кроме того, там пара киберов не смогут смутить ничьи религиозные, эстетические и прочие чувства.

— Сергей, но мы же с вами договаривались. У меня на кафедре замечательная уютная приёмная, мы бы могли... — с укором начал профессор.

— Глеб Егорович, видел я вашу приёмную. Она, конечно, в самом деле очень уютная, но только гостей туда приглашать — последнее дело.

— Почему? — праведно возмутился профессор.

— Потому что это — проходной двор, — с усмешкой припечатал Ямов. Что показательно, на это Воскресенский возражать не стал, только печально вздохнул и покачал седой головой.

— Ваша правда, что я могу сказать! Ведите, куда считаете нужным. Будьте нашим пастырем, или как там сказано в Писании?

— Где сказано? — уточнил я.

— В Писании, — неожиданно ответили не местные, а Яроника. — Насколько я понимаю, имеется в виду Библия; ты что, никогда не слышал?

— Вы читали Библию?! — вытаращились на неё вообще все земляне; даже Ямов, споткнувшись, обернулся.

— Ну, да, — с некоторым смущением хмыкнула она. — Я вообще много старой литературы читала, с Земли привезённой. Со времён Колонизации много книг осталось, правда в открытом доступе почти ничего нет.

— Яроника, я вас на сегодня ангажирую, не возражаете? — практически подпрыгнула на месте Черемшанская, торопливо подходя к Яре и цепляя явно озадаченную такой бурей эмоций женщину за локоть. — Это же какая удача! Я всегда говорила, что главное наследие человечества — это книги! Главная память, главный смысл и весь опыт поколений!

Дальше мы наконец-то достигли цели нашего пути. Не знаю, не то нас специально вели кругами, не то просто строители были не в себе, когда проектировали это здание, но шли мы минут двадцать, если не больше.

Целью оказалась просторная светлая лекционная аудитория формы почти правильного круга, которую со всех сторон подобно лепесткам окружали вытянутые комнаты поменьше, судя по их содержимому — обещанные лаборатории. Стены аудитории вместе с дверями были прозрачными, поэтому происходящее в лабораториях было прекрасно видно. Наверное, в этом и была задумка.

Здесь к нам присоединилась пара опоздавших. Одним из них был молодой парень, почти мальчишка, а вторым — грузный мужчина средних лет, страдающий одышкой. Странно, неужели у них медицина на таком низком уровне?

Нас тут же разобрали по рукам жаждущие общения земляне. От этого стало не по себе; сразу появилось ощущение, что нас собираются допросить по одному с целью составить общее впечатление и выявить противоречия. С одной стороны, подобный подход был понятен, объясним и даже правилен; но, с другой, разговор этот должны были вести совсем не учёные.

— Почему вы так нервничаете, Кверр? — мягко улыбнулась доставшаяся мне в собеседницы Алёна Игоревна, жестом предлагая присесть и подавая пример.

— Ну, немудрено занервничать рядом с такой красивой женщиной, — улыбнулся я в ответ. Кстати, ничуть не погрешив против истины; дипломат действительно была весьма эффектной и яркой женщиной. С её чистой белоснежной кожей, густыми тёмными волосами и тёмными выразительными глазами она вполне походила на типичную уроженку Брата. Нет, я не прав. Не типичную; очень красивую, чем-то похожую на Ньяру.

— Простите, но я вам сейчас совсем не верю, — она мягко качнула головой. — Не тому, что вы находите меня красивой, — я, как любая нормальная женщина вполне падка на лесть, — а тому, что вы нервничаете именно поэтому. Что вас смущает?

Я несколько секунд подумал, а потом решил: да ну их к духам! Мне почему-то кажется, эти ребята могут вскрыть наши мозги и без согласия владельцев, и узнать всё, что их

интересует. К тому же... ну, плохой из меня Неспящий, плохой! Даже откровенно дерьмовый, не люблю я все эти расшаркивания.

— Мне странно, что с нами разговаривает группа учёных, а не сотрудники службы безопасности. Причём разговаривают без всякого давления, как с обыкновенными гостями, а не с вырвавшимися из-под колпака тотального контроля потенциально опасными существами.

Она ни на мгновение не удивилась моим высказываниям. Даже улыбнулась удовлетворённо, как будто именно чего-то такого и ожидала.

— Во-первых, откуда первый вывод, про учёных? — иронично поинтересовалась она. — Или в ваших службах безопасности работают только и исключительно силовики, суровые и беспощадные, вроде вашего Кварга?

Бабах! — прямо по голове чем-то тяжёлым.

Во всяком случае, ощущения от этих слов у меня были именно такие. Даже как будто искры из глаз посыпались. А действительно, на основе чего я сделал подобный вывод?!

Видимо, выражение моего лица очень характерно изменилось, потому что женщина звонко и искренне рассмеялась, глядя на меня.

— Кверр, вы меня поражаете. Вам же говорили, что ваша планета относится к секторам, являющимся частью антропологического заповедника. Заповедника, понимаете, а не резервации! Мы вас пытаемся от себя защищать, а не наоборот, чтобы не нарушать естественный ход вещей и не вмешиваться в развитие самобытных цивилизаций. Но не вмешиваться — не значит не иметь представления о происходящем на подконтрольной территории. Да, мы не знаем всех подробностей и принципиально не лезем в вашу политику, но общее впечатление о вашей цивилизации у нас есть. Более того, мы даже в курсе, что у вас там сейчас полыхает война. И про вас всех справки навели, насколько это было возможно.

— А зачем тогда все эти учёные? Если вы в курсе всего, что происходит на наших планетах, и можете за пару часов добыть на другом конце галактики информацию о нескольких людях? Или они не учёные вовсе, и это так, прикрытые?

— Не сердитесь. Учёных до вас раньше просто не допускали: у них не та подготовка и образование, чтобы безопасно действовать в условиях довольно развитой цивилизации, ничем не выдавая себя. А вывоз биологического материала категорически запрещён.

— Включая самовывоз? — съехидничал я, чувствуя, что начинаю не просто раздражаться, а уже злиться. Это было неправильно и очень несвоевременно, но я понимал: ещё немного, и меня окончательно понесёт. В драку не полезу, — хорошо, что это женщина, женщин я не бью, — но нагрублю точно.

— Но ведь вас не загнали обратно? — снисходительно хмыкнула она. — Не сбили, не уничтожили, не отформатировали мозги и не запихнули в какой-то глубоко секретный бункер. Впрочем, как я понимаю, именно это вас и напрягает. Что ж, если настаиваете, я могу рассказать всё грубо, на понятном вам языке. Нам по большому счёту глубоко плевать, что происходит в ваших мирах. Вернее, это не совсем точно. Большинство обывателей просто не задумывается о вашем существовании, у них хватает собственных проблем. Им хватает осознания того простого факта, что вас не истребляют, вам не насаждают со стороны какие-то правила и обычаи, всё мирно и естественно. Тем, кто за вами наблюдает, вмешиваться тем более не надо; мы делаем это не из каких-то исследовательских побуждений, а в порядке ответственности перед совестью. Не знаю, знакома ли вам такая

фраза «мы в ответе за тех, кого приручили», хотя в данном случае скорее уместно «породили». Это... Вроде гуманитарной помощи слабо развитым дикарям. Только гуманитарной помощи здоровой, не вызывающей зависимости, а действительно полезной. Мы можем не дать вам самоуничтожиться, а остальное зависит от вас.

— Как-то не вяжется это с тотальным запретом на колонизацию и развязыванием межпланетной войны, — процедил я.

— Вы серьёзно думаете, что это мы? — она удивлённо вскинула брови. — Зачем? Кверр, ваши планеты в масштабах галактики ничего не стоят. А ваша цивилизация отстаёт от нашей на пару веков, вы не представляете для нас опасности. Тем более, такой, которую нужно устранять подобными методами. Всё тайное всегда становится явным, и нам меньше всего нужны те проблемы с собственными гражданами, которые вызовет обнародование подобных фактов. Откуда вы вообще взяли подобный бред?

Я плюнул на вежливость, на конспирацию и ещё ряд факторов, и принялся подробно, в красках расписывать все выводы и подтолкнувшие нас к ним события. Меня настолько раздражало спокойно-снисходительное выражение лица собеседницы, что стереть его стало заветной мечтой.

Ну... да. Я предсказуем, вспыльчив, меня легко спровоцировать и добиться от меня нужной реакции. Дерьмовый из меня Неспящий, я всегда это говорил.

Зато я, кстати, тоже добился нужного эффекта. По мере моего рассказа женщина всё больше мрачнела, хмурилась, растерянно качала головой и уже совсем не выглядела такой самоуверенной стервой, каких я всю свою жизнь ненавидел.

Ладно, вру. Не всю, в молодости я всё-таки был редкостным идиотом. Поумнел только после памятной истории с Кьяни, стоившей мне нескольких лет жизни.

— Чёрт побери, — наконец, буркнула она, когда я закончил рассказ. Подорвалась с места, нервно походила туда-сюда по лаборатории. — Вот тебе и развитая цивилизация, надо же так лопухнуться! — тряхнув головой, она выскочила наружу, что-то сказала сидящему в аудитории Сергею и быстрым шагом, явно только усилием воли не срываясь на бег, направилась к выходу.

Хм. Может, я в самом деле идиот, но по-моему всё это могло значить только одно: земляне действительно не в курсе, что происходит в нашем мире.

— Ты что ей такое рассказал? — весело поинтересовался Сергей, когда я вышел из лаборатории.

— Правду, — пожал плечами, ответил я. — Похоже, она её удивила.

— Тогда поздравляю, я первый раз вижу, чтобы Турбина с таким видом бегала и прощаться забывала, — со смешком качнул головой Ямов. — Садись, не маячь, ты мне угол обзора закрываешь.

— А кто она такая, Турбина эта?

— Ну, официально она действительно сотрудник дипломатической службы. А фактически — наша карманная стальная леди. Это мягкий вариант. Есть более грубый, «баба с карбиевыми яйцами», и он кажется мне более близким к истине, — с удовольствием засмеялся он. — Обычно от неё все так бегают, а не она.

— Я был к тому близок, — признался я. — Но у меня, как оказалось, обнаружился джокер в рукаве. А кто она в более широком смысле? Разведка?

— Тут все — разведка, — хмыкнул Сергей. — Даже Дудкина. Они все — сотрудники Университета, а его как раз отдел внешних связей курирует, тут без него никто не чихнёт

лишний раз.

— Хм. Ладно, считай, ты меня успокоил, — вздохнул я. — А то ваше всеобщее миролюбие здорово напрягает.

— А оно никак не связано с работой, — пожал плечами он. — Земляне в норме почти все очень социально-ответственные существа. Ступень эволюции общества, это нормально.

— Ты так уверенно и спокойно об этом говоришь, как будто есть пример для сравнения, — сообразил я.

— Конечно, есть. А вам никто не говорил, что ли? — удивился Ямов. — Земной Союз включает в себя три десятка обитаемых миров, в основном — самые старые и самые новые колонии, а ещё полсотни систем имеют к нам только историческое отношение. С какими-то отношения вполне мирно-дружественные, а некоторые здорово отравляют жизнь, и любят гадить по мелочам. По-крупному давно уже никто не пытался, боязно.

— Духи! — озадаченно хмыкнул я. — А ведь это кое-что объясняет. Мы просто не задумывались, как у вас тут всё устроено; ну, Земля и Земля. А что ещё кто-то есть...

— «Ещё кого-то» довольно много. В большинстве своём это старые колонии, потерявшие в какой-то момент связь с метрополией, а потом вступившие с нами в контакт. Были бы вы официальными представителями своих миров, познакомились бы со всей процедурой, и через пару-тройку земных лет установились бы всякие дипломатические и торговые связи. А так пока — просто любопытный объект для исследований.

Кхм. Вот, спрашивается, почему нам этого сразу никто не сказал?

Наверное, потому что мы просто не спрашивали.

Для подведения итогов мы собрались в нашей с Ярой комнате. И итоги эти по всем пунктам оказались неоднозначные.

Самую любопытную информацию принёс Кверр. Правда, выдал он её не сразу, а только минут пять поострив на тему моих умственных способностей и утреннего поведения. Он так старался, что я в конце концов окончательно пришёл к выводу: младший завидует. И обижается, что это не он ведёт себя как полный придурок, а я.

Что веду я себя не слишком умно, я прекрасно осознавал. Но — вот же удивительное состояние! — уже совсем не тревожился по этому поводу. Мне было восхитительно всё равно, кто что скажет, кто что узнает, чем всё это кончится. Я получал ни с чем не сравнимое удовольствие от процесса бытия, и было невероятно приятно не задумываться, когда и чем это закончится.

Делать то, что хочешь в данный конкретный момент, ни на кого не оглядываясь, было просто здорово. И я уже всерьёз задумывался: а как же я раньше жил? Зачем? Сознательно лишая себя существенной — и самой приятной — части жизни во имя... чего?

Яроника поначалу пыталась не поддаваться этому полубезумному пьянящему ощущению временной вседозволенности, но потом сдалась и махнула рукой. И сейчас сидела на подлокотнике моего кресла, прижавшись бедром к моей груди и вдохновенно, ни на кого не обращая внимания, даже закусив от усердия губу, плела мне косички. Получалось плохо — не было простора для размаха, — но она очень старалась.

— Ярь, может, тебе дочку завести? — не выдержала наконец Ридья.

— Можно и завести, — безмятежно отозвалась Яроника, явно не слишком вдумываясь в смысл сказанного. Ри и Птичка, переглянувшись, грянули хохотом, Кверр вытаращился на неё очень ошарашенно. Выражения лица Яры я не видел, но на несколько мгновений её пальцы в моих волосах замерли; видимо, она сообразила, что сказала что-то не то. Потом процесс плетения возобновился, а женщина пожала плечами. — А что, забавно. Будет девочка с синими волосами. Прямо как в сказке, только я не помню, как она называлась.

— У вас вот прямо настолько всё серьёзно, что непременно с синими? — захихикал младший. — В том смысле, что личность второго потенциального родителя не подвергается сомнениям?

В ответ на это Яроника вновь пожала плечами.

— Ну, пока основной кандидат один. Да и потом, вы так оживились, как будто я вот прямо сейчас рожать кого-то собралась. Ри, ты ничего не пугаешь? Это вроде ты у нас ожидаешь пополнения.

— Может, мы всё-таки немного отвлечёмся и вернёмся к делам более принципиальным и сиюминутным? — не выдержал уже я.

Этот разговор вдруг заставил меня задуматься о вещах, о которых я всю свою сознательную жизнь вообще не вспоминал. И я отчего-то почувствовал себя в этот момент очень неловко. Да и появилось назойливое ощущение, что шуткой во всех этих словах даже не пахло. А чтобы не заикливаться на пустяках, я предпочёл сменить тему.

— Ты глянь, как занервничал сразу! — мерзко захихикал младший, вновь возвращаясь в ампулу доморощенного шута. — Ярь, беги от него, пока не поздно! И отца ребёнку ищи другого. Если хочется непременно синего, покрасишь, опыт-то уже имеется. Кстати, Кварг,

раз уж просишь перейти к делу, расскажи, что тебе биолог сообщила интересного?

— Ничего, — отмахнулся я. Если я в свете всего вышесказанного сообщу новость о доминантном характере этого несчастного гена, изуродованного умельцами с Голубой Звезды, всем будет очень весело, но затянется это до бесконечности. — Меня в данный момент больше волнует, что механики наговорили Птере, а то она тоже молчит.

— И ничего не молчит! — возмутилась Пи. — Они клёвые оказались, а ещё мы поговорили за двигатели, и выяснилось...

Лучше бы я про ген рассказал. Потому что Птичка затеяла вдохновенную и восторженную лекцию на полчаса о том, насколько простые и гениальные принципы лежат в основе двигателей землян (с учётом моих совершенно никаких познаний в субатомной физике, из лекции я понимал только отдельные слова), какие дополнительные требования предъявляются к телепортационным кабинам при переносе людей и какие замечательные строятся сейчас корабли.

В общем, из всего обилия технических терминов, щедро разбавленных восторженными эпитетами, я вынес только одну мысль: Птичка всеми конечностями «за» обмен корабля. Если нам, конечно, его прямо предложат. Впрочем, учитывая восторг Пи, она и сама может это предложить.

В конце концов я пришёл к выводу, что все шестеро присутствующих (включая меня) совсем не против остаться в этом мире. Если, конечно, мир не будет иметь ничего против. Но я был уверен, что это мы узнаем в ближайшем будущем: вряд ли нас учёным надолго хватит.

Собственно, дальше разговаривать было особо не о чем. Всё, что рассказал Кверр, было крайне интересно и познавательно, но для нас оно ничего не меняло. Верить словам землян, не верить словам землян — это был вопрос индивидуальных предпочтений, и по факту ни на что, кроме настроения, не влиял.

По хорошему, верить им не стоило. Что бы они ни говорили, а подозрительного в их действиях хватало. Но состояние наплевательского отношения и нежелания задумываться о чём-то принципиальном и важном исчезать явно не собиралось. Сейчас мне хотелось положиться на духов и плыть по течению. Наверное, устал я от своей службы, устал... ломать себя, что ли? К месту я вчера вспоминал Лундру, очень к месту. Видела бы она меня сейчас, была бы совершенно счастлива.

Видимо, остальные тоже поняли, что дальнейшее кучкование особого смысла не имеет, а завтра будет новый долгий день. Поболтав ещё минут пятнадцать-двадцать ни о чём, «гости» начали потихоньку разбредаться.

— Кар, а как так получилось, что вы с братом столько лет не виделись? — подняла неожиданную тему Яроника, когда мы остались вдвоём. — Да и вообще, у меня при знакомстве с ним сложилось впечатление, что он активно от кого-то скрывается. Он что, из тюрьмы сбежал?

— Он не просто оттуда сбежал, — хмыкнул я. — Станция «Семнадцать-сорок восемь» — тюрьма особо строгого режима, расположенная на крупном астероиде в кольцах Брата, и те пятнадцать лет, к которым приговорили Кверра, для любого человека означали если не смертную казнь, то искалеченный организм и психику — точно. Через пару месяцев после того, как младший туда попал, произошла грандиозная авария, уничтожившая половину этой тюрьмы. Малыш считался погибшим при тех событиях вместе с ещё несколькими тысячами заключённых, а подробнее выяснять, да ещё доставлять на Брата тела никто не стал. Видимо,

тогда он оттуда и сбежал; хоть чему-то полезному научился. В отличие от первого своего побега, этот он спланировал довольно грамотно. Не знаю только, сам диверсию устроил, или удачно воспользовался обстоятельствами. Потому, надо думать, и скрывался. И правильно, кстати, делал; вряд ли он бы вышел живым из рук Неспящих после такого побега. А почему ты об этом вспомнила?

— Да так, — она неопределённо пожала плечами. — Думаю вот о превратностях судьбы и пытаюсь понять, стоит верить землянам, или нет. С одной стороны, нет. А с другой — если бы я руководствовалась логикой, я бы и Кверру тогда не поверила. И всё сложилось бы совсем иначе.

— Думаешь, было бы хуже? — хмыкнул я.

— Не знаю. С большой долей вероятности я бы просто умерла, — усмехнулась она. — Или сразу, или чуть погодя. Но даже если бы осталась жива, мне почему-то кажется, что всё было бы гораздо хуже. Например, сейчас я нахожусь на Земле, а так бы только мечтала об этом. Правда, пока я тут ничего не видела, но надеюсь, что мы всё-таки выйдем из этого учреждения живыми, и сможем посмотреть этот необычный мир. Мне кажется, здесь должно быть красиво. Во всяком случае, воздух у них вкусный; гораздо лучше, чем у вас на Брате.

— С этим поспорить сложно, — задумчиво качнул головой я. — Если бы ты не поверила тогда Кверру, мы, надо думать, все шестеро были бы к настоящему моменту мертвы.

— Или если бы ты не согласился, — ответила она.

— Без меня вы бы справились, в этом-то я уверен, — отмахнулся я. — Может, чуть сложнее было бы, но уж корабль угнать у вас бы получилось. Да и на этой планете, как бишь она называлась, тоже всё кончилось бы не слишком пессимистично. Если бы вы даже посадили туда корабль, мне почему-то кажется, она бы вас отпустила.

— Может быть, — не стала спорить женщина. — Зато я бы тогда не встретила тебя, — она ласково взъерошила мне волосы и, потрепав по макушке, прижалась к ней лбом. — И не выяснила бы, что самый большой успех моей последней операции получился исключительно благодаря попустительству одного синего Разума Неспящего, — весело добавила она, тепло фыркнув мне в ухо.

— Я тогда не был синим, — педантично возразил я.

— Да? А я уже так привыкла к твоей причёске, что мне кажется, ты такой всегда и был. Где-нибудь глубоко в душе. А? Потому меня и отпустил тогда.

— Ехидна, — усмехнулся я. — Духи знают, может, и был, — неожиданно для самого себя согласился я. Уж очень хорошо это предположение отвечало моим недавним рассуждениям и воспоминаниям о Лундре. — Мать утверждала, что я слишком на неё похож, чтобы стать настоящим Неспящим. Почему-то последнее время мне кажется, что она была права, — разоткровенничался я.

— Я даже боюсь представить, какой она была, если умудрялась тебя терпеть и даже критиковать. Да и вообще сложно поверить, что легендарные ребята вроде Кварга Арьена рождаются у простых смертных женщин. Тебя должны были собрать духи в порядке сложного эксперимента. И на свет ты должен был явиться сразу взрослым.

— Ехидна!

— Повторяешься, — рассмеялась она, не пытаясь спорить и доказывать, что всё, что она сейчас говорила, было сказано всерьёз. Чтобы не повторяться, я стащил её с подлокотника

себе на колени и, прижав, поцеловал. — А вот это уже оригинальней, это мне нравится, — весело мурлыкнула она, откинувшись на мой локоть и разглядывая меня снизу вверх, когда я отстранился, прерывая поцелуй. Яркие глаза цвета кофе искрились смешинками и как будто сияли. Наверное, это было действие освещения, но я на несколько секунд замер, любуясь. Глазами, прячущейся в уголках губ проказливой улыбкой, короткими белоснежными волосами, упрямо торчащими во все стороны под непредсказуемыми углами.

— Как хорошо, что ты тогда всё-таки поверила младшему, — пробормотал я, подушечкой большого пальца очерчивая нижнюю губу женщины, проводя по щеке. — Наверное, мне следует поблагодарить его за такой кардинальный разворот собственной жизни, как думаешь?

— Это будет нечестно, — улыбнулась она. — О тебе он в тот момент думал в последнюю очередь, его, скорее, я интересовала.

— В каком качестве? — ехидно уточнил я.

— А это ты у него спрашивай. Я бы предположила, что ему было очень любопытно, откуда я такая красивая свалилась, — женщина засмеялась. — Хотя мало ли, может, ему ещё какие мысли в голову забредали, у мужчин с этим быстро.

— Я лучше воздержусь от таких вопросов, — я поморщился. — А то я догадываюсь, чего я от него наслушаюсь, и мне это уже заранее не нравится.

— Например?

— Например, меня назовут ревнивым влюблённым идиотом, — я тоже не удержался от улыбки: ехидная рожа Малыша представилась при этих словах особенно ясно.

— А это неправда? — уточнила Яроника.

— Правда, — пожав плечами, ответил я. — И про ревнивого, и про влюблённого. И про идиота, что-то мне подсказывает, тоже, — я засмеялся: уж очень забавное задумчивое выражение появилось на лице женщины в этот момент.

— Честно?

— Честно — что? — переспросил я. — Идиот-то? Кажется, да. А всё остальное — без «кажется». Я с тобой чувствую себя совсем мальчишкой, тянет чудить и делать глупости. И это удивительно приятное ощущение. Где-то я слышал фразу, что мужчине столько лет, сколько лет его женщине; мне кажется, она хорошо подходит к моему состоянию.

— Тогда ты не сильно помолодел, — вдруг захихикала она.

— В каком смысле? — озадачился я.

— Да в прямом. Ты вообще знаешь, сколько мне лет? — весело поинтересовалась Яроника.

— Ну... полагаю, лет двадцать восемь максимум. А что, больше?

— Как я хорошо сохранилась, — продолжила веселиться она. — Ты почти угадал, только с одной цифрой ошибся. Я вообще-то старше твоего братца, мне тридцать восемь уже. Так что говорю, ты не сильно помолодел, со мной связавшись. Думаешь, почему мы с Птерой так легко нашли общий язык? Потому что очень похожи, даже в этом. Но не переживай, ты тоже оказываешь на меня ужасно тлетворное влияние. Всё время кажется, что мне лет шестнадцать, и хочется громко заявить всему миру, как мне хорошо и здорово, и насколько мне на него в связи с этим плевать. Ну, знаешь, как обычно ведут себя влюблённые подростки? Не скромные и домашние, а те, которые бунтуют и пытаются всем доказать, что они взрослые.

— Влюблённые? — настала моя очередь уточнять.

— Не то слово! — светло и искренне улыбнулась она и потянулась ко мне, чтобы закрепить взаимообмен признаниями поцелуем.

В общем-то, последним, о чём я думал в этот момент, были земляне с их правдивыми или лживыми объяснениями. Так что можно было окончательно признать: как профессионалы мы с Никой, встретившись, взаимоуничтожились. Как две одинаковые частицы с разным зарядом, столкнувшись, перерождаются в иное состояние бытия, и перестают быть прежними.

Ну вот, пожалуйста. Опять красивый и торжественно-пафосный образ. Может, где-то в глубине меня ещё и поэт недобитый затесался? Надеюсь, он всё-таки не проснётся в самый неподходящий момент. Это даже на фоне всего прочего будет слишком.

С самого пробуждения меня не покидало ощущение, что с гравитацией этой планеты что-то случилось. Вроде на первый взгляд всё было по-прежнему, и никто не паниковал, включая землян, но избавиться от чувства, что я стала раза в два меньше весить, не удавалось. А ещё тянуло смеяться, — просто так, без причины, — и хотелось сделать для всего мира что-нибудь большое, замечательное и доброе. Открыть лекарство от жёлтой лихорадки, сочинить бессмертную музыку.

В общем, вскоре, проанализировав своё состояние и немного подумав, я поставила себе окончательный диагноз: влюблённость головного мозга. В тяжёлой форме, с осложнениями. А до вчерашнего вечера это была не она, это был так, инкубационный период.

Занятая собственными переживаниями, я не сразу заметила изменения за столом. Сегодня с нами не было сотрудницы дипкорпуса и её бывшего мужа, зато оба механика (или они всё-таки не механики?) присутствовали на своих местах.

Вообще, странно, зачем они приезжают сюда на завтрак? Не проще было приехать уже к началу рабочего дня, проведя утро с родными? Насколько я понимала, большинство присутствующих были людьми семейными. Но, наверное, это тоже как-то объяснялось. Например, требованиями протокола. Или желанием учёных понаблюдать нас всей толпой в естественной обстановке. Или стремлением дать к себе привыкнуть. В общем, я могла придумать множество вариантов, но уточнять подробности было лень.

За столом царил спокойная мирная тишина; не тяжёлая, а сосредоточенная и задумчивая. Все витали в своих мыслях.

К моему удивлению, наиболее задумчивой выглядел человек, от которого я этого меньше всего ожидала. Птера сидела между Ямовым и Кверром, периодически бросала испытующие взгляды то на одного, то на другого, и опять утыкалась в тарелку. В которой, к слову, еда не убавлялась, а художественно размазывалась по краям.

Пронаблюдав эту картину некоторое время, я решила, что большой беды от проявления мной участия не будет, и вряд ли Пи обидится на мои неуклюжие попытки влезть ей в душу. В конце концов, в крайнем случае она сможет просто сказать, что всё в порядке и сослаться на несварение. Хотя... интуиция упорно подсказывала: что-то с ней точно не так.

Поэтому, торопливо прикончив свой завтрак (у меня с аппетитом проблем не бывало никогда), я подорвалась из-за стола.

— Пи, можно тебя на пару слов?

— А? — очнулась она от задумчивости и подняла на меня вопросительно-недоуменный взгляд.

— Бэ, — передразнила я. — Пойдём, говорю, поболтаем, у меня к тебе есть вопрос.

— Девочки, вы только недолго, ладно? — проявил бдительность Сергей. — Лучше вечером.

— Это как пойдёт, — беспечно отмахнулась я, утаскивая Птичку за локоть в собственную комнату. — Ну, рассказывай, что случилось.

— С чего ты взяла? — озадаченно вскинула рыжие брови Птера.

— Считай, обострение интуиции удачно наложилось на желание сделать хорошо всему окружающему миру, — весело хмыкнула я.

— А-а, — расплываясь в улыбке, протянула она. — Учитывая, что вы сегодня оба

натурально светитесь, я даже знаю, откуда это желание.

— Мои люминесцентные свойства пока не являются предметом разговора, — ехидно возразила я. — Пока о твоей кислой физиономии речь. Что ты там так пристально в Кверре и Сергее сличала?

— А, ерунда, — поморщилась она. Пару секунд помолчала, после чего махнула рукой. — Да ладно, что я ломаюсь, можно подумать, какая-то великая тайна. Устала я, понимаешь? Вер, оказывается, настолько упорен в вопросе игнорирования явных вещей, что я, пожалуй, готова смириться, что от него уже ничего и не дождусь...

— Чего? — переспросила я, пытаюсь осмыслить бессвязное бормотание рыжей. — А чего ты от него ждёшь-то?

— Ну чего женщина от мужчины может хотеть? — выразительно скривилась Птичка.

— Есть много разных полезных вещей, — улыбнулась я, делая вид, что не поняла намёка. — Деньги, например. Или ценная информация. От некоторых ещё хочется оказаться как можно дальше.

— Она ещё издевается, — недовольно фыркнула Птичка. — Ну, значит, будет тебе прямо и откровенно, сама напросилась. Я его лет с тринадцати люблю, мы же тогда жили неподалёку. На разных ярусах, правда, но близко. А потом он пошёл по стопам старшего, и я как представила, что он станет таким же, как этот отморозок, и думать себе о подобном запретила. Кто же знал, что в глубине души Кварг такой пусечка, — она ехидно ухмыльнулась. — Потом у нас вся округа развлекалась наблюдением за его любовными приключениями, и мечты о нём я стала считать низкими и жалкими; зачем мне бабник. Потом родители умерли, и стало совсем не до Кверра. Я даже в какой-то момент начала считать, что он отчасти виноват в их смерти. Наверное, так было проще выкинуть его из головы. А потом, почти через десять лет, его неожиданно привёл Тимул, с которым Ридья только начала встречаться, и представил как своего друга. Ты не представляешь, какой он тогда был; глаза дикие, от каждого шороха вздрагивает. Не знаю уж, где он там ещё после своей тюрьмы шлялся. Я к тому времени уже почти сумела выкинуть его из головы, а он опять появился. Мучилась-мучилась, решила уже куда-нибудь подальше переехать, — в конце концов, Ри под присмотром, можно и оставить её жить своей жизнью, — а тут вся эта история. И он, как назло, постоянно перед глазами. И ведь понимаю, что он придурок редкостный, но ничего не могу с собой поделать. Такая вот история. И я сейчас сидела и думала, может, стоит попытаться окончательно выкинуть его из головы, если он в мою сторону даже не смотрит? В конце концов, эти земляне действительно очень милые ребята. Даже при всей моей нелюбви к военным.

— Кхм. А как бы он должен был догадаться, что он тебе нравится? — озадаченно хмыкнула я. — Это и со стороны-то незаметно; ты его как будто, наоборот, здорово недолюбливаешь.

— Как-нибудь, — сварливо огрызнулась она. — Мог бы попытаться!

— Пи, ты, конечно, извини, но вот сейчас ты рассуждаешь как полная дура, — я покачала головой. — Он что, телепат что ли? Или должен к каждой встречной женщине подкатывать? А что, вдруг она к нему равнодушна с детства! Ты бы для начала хоть попробовала проявить к нему симпатию, пофлиртовать немного, улыбнуться ласково. А не ехидно, как ты это обычно делаешь, рыча на него за какую-нибудь глупость.

— Ярь, я, наверное, правда дура, но я... не умею, — она прерывисто вздохнула. — Не могу я мужчине намекнуть, что он мне нравится, хронически. Единственный, кому удалось

до меня доковыряться, был очень настойчивым парнем. Хотя результат разочаровал нас обоих, и мы где-то через месяц разбежались. Представляешь? Четвёртый десяток, а у меня в жизни всего один мужчина был, и то очень недолго, — мрачно ухмыльнулась она. Без горечи, с каким-то мстительным удовлетворением. — Ты не представляешь, как я тебе завидую, глядя, насколько ловко у тебя получается мужчин очаровывать.

— Ну, во-первых, — осторожно начала я, несколько шокированная подобными признаниями. — Количество мужчин совершенно не может считаться критерием нормальности. Ну, сама подумай, а каким в таком случае должно быть эталонное количество? Один, два, пять, десять, сто? Если брать меня и считать всех, с кем я за время своей работы и во имя неё делила постель, то получится очень большая цифра. По-настоящему большая. Но я бы не сказала, что это как-то помогало мне в жизни; в работе — да, на втором десятке окончательно перестаёшь придавать этому действию значение. А, во-вторых, очаровывать мужчин — то ещё искусство, ничего сложного в этом нет, сплошная физиология и подсознание. Среднестатистического мужчину, не связанного какими-то обязательствами, затащить в постель вообще ничего не стоит, особенно при наличии подходящих внешних данных. Это, кстати, в обе стороны работает, с женщинами также. Очарование — оно эфемерно, это видимость. Скажем, Алексей или Сергей, насколько бы они ни были мной очарованы, без раздумий пристрелили бы меня, отдай им кто-нибудь такой приказ. Потому что пофлиртовать и улыбнуться — недорогого стоит и ни к чему не обязывает.

— Это ты всё к чему? — нахмурилась Птичка.

— К тому, что всё это очень просто освоить, надо только задаться целью. Если, конечно, тебе нужно именно это. А если тебе хочется обратить на себя внимание одного-единственного человека, это тем более несложно. Главное, не принимай поспешных решений и не руби сплеча. Хочешь, мы с тобой это вечером подробнее обсудим? А ты до вечера серьёзно и спокойно подумаешь, нужен ли тебе на самом деле Кверр, и если нужен, то в каком качестве. Хочешь, я попробую выяснить его к тебе отношение?

— Интересно, каким образом.

— Примерно тем, каким по твоему совету выясняли отношение Кварга ко мне, — рассмеялась я.

— Способ-то, как показывает практика, не действует. Ты чего? — удивлённо вскинула брови, разглядывая меня, Птера. — Ярь, ты... покраснела?! — потрясённо выдохнула она.

— Да? — со смешком уточнила я, чувствуя, что щекам действительно стало подозрительно тепло. Надо же, какое поразительное действие на меня оказывает этот синеволосый тип: сроду никогда не краснела! А тут стоило вспомнить, как, сколько и с какими потрясающими результатами спровоцированный ревностью Кар демонстрировал искомое отношение, и меня бросило в жар. — Вот видишь, и на меня управа нашлась. В общем, если без подробностей, то способ оказался очень действенный, — хихикнула я. — Но применять его в вашем случае надо с осторожностью, а то мало ли, чем дело кончится. Ну что, даёшь добро на проверку? Не волнуйся, он ничего не заподозрит.

— Конечно, да, — тяжело вздохнула она. — И... спасибо тебе большое, что решила помочь, да ещё и сама это предложила. Думаю, я бы никогда не отважилась попросить.

— Пока не за что. К тому же, ты мне первая здорово помогла.

— Да ладно, — скептически хмыкнула Пи.

— Помогла-помогла, ещё как. Кварг очень хорошо поддался на провокацию, можешь

быть уверена. Правда, целый день продержался, но это уже частности. Мне кажется, Кверр — не тот человек, который будет пытаться убить в себе какие-нибудь эмоции, если они есть. Кстати, в качестве плана «б» можно будет привлечь старшенького.

— И ты действительно думаешь, что Кар согласится?

— Ради того, чтобы Вер перестал над ним подтрунивать насчёт «влюблённого идиота»? — захихикала я. — Куда он денется! Но мне непонятно, если ты не умеешь флиртовать, откуда, скажем, та мысль про ревность взялась?

— Да это просто, теорию-то я знаю. А со стороны заметить отношение двух людей друг к другу не так уж сложно. По крайней мере, в вашем случае всё было именно так. Ладно, пойдём, а то невежливо как-то заставляя людей ждать.

Сегодняшний день прошёл точно также, как вчерашний. С той лишь разницей, что вместо филолога меня допрашивала биолог. После Кварга я была для неё самым интересным объектом, и она очень подробно расспрашивала меня обо всём, начиная с распространённости моей внешности и заканчивая особенностями природы Сестры. В последнем вопросе я довольно сильно плавала, и пыталась уйти от ответа, предлагая собеседнице проверить библиотеку «Вольной птицы». Она соглашалась, восхищалась... и вновь задавала вопросы. Таковую бы энергию, да в мирное русло!

В итоге после целого дня общения с доктором Дудкиной мне не хотелось уже ничего. Редко в жизни попадают настолько утомительные люди; мне вот при всём богатстве и разнообразии знакомств не попадались ещё ни разу. Но больше всего меня удивляло, как при такой подвижности, энергии и ударной работе (без перерыва на обед, между прочим) она умудрялась оставаться такой же пухленькой. Любой другой на её месте давно бы уже превратился в ходячий скелет!

На ужине из землян никто не присутствовал, поэтому можно было спокойно (с привычной скидкой на возможное наличие средств прослушки) обсуждать их прямо за столом. Правда, я в обсуждении не участвовала, вяло ковыряясь в тарелке. Интересно, почему меня так накрыло после беседы с Еленой Михайловной? Или, может, дело не в ней, а я просто устала метаться между эйфорическим парением над миром, в которое меня погружало общество Кара, и настороженной подозрительностью в остальное время?

Больше всего говорила Птера. Они с Тимулом восторженно обсуждали земных техников и земные технологии, с которыми уже успели ознакомиться. Взглянув на Пи, я вспомнила о данном ей обещании и попыталась включиться в разговор (пока хотя бы мысленно). Тщетно: разум на сегодня решил взять выходной, и в голове царил звенящая гулкая пустота.

— Теряем мы Пи, — в конце концов глубокомысленно вздохнула я, решив импровизировать и положиться на духов. В конце концов, нас же с Кваргом они свели!

— В каком смысле? — хмыкнул упомянутый «сведённый».

— Да так, — я поморщилась. — Мысли вслух. Ты не обращай внимания, меня что-то эта Дудкина выжала до состояния полного нестояния, как у неё только это получается.

— Согласен, крайне утомительная женщина, — согласился мужчина. — Может, тебя опять с ложечки покормить?

— Ой, не надо, — запротестовала я. — Мне кусок в горло не лезет, я лучше спать пойду.

— погоди, а что с Птичкой-то не так? — уточнила, очень удачно мне подыграв, Ридья. Ну, вот и оно, вмешательство духов.

— По-моему, земляне её окончательно покорили.

— Кстати, взаимно, — со своей обычной трогательной улыбкой подтвердил Тимул. Хм.

Или это правда духи, или эта парочка вполне сознательно поддерживает нужную тему? Нет, в отношении Ри я бы ещё посомневалась, но её муж к подобным мелким житейским хитростям был совершенно не способен! — Ваня очень ей восхищался и всё спрашивал у Михал Михалыча, как бы уговорить остальных завтра поменяться обратно.

— Ваня? — озадаченно уточнила я.

— А, вы же с ними так и не познакомились, — опомнился Тимул. — Ну, младший из них, он представился «просто Ваней», хотя полностью это имя звучит «Иван»; странное сокращение...

— Тим, не отвлекайся, — мягко одёрнула его супруга.

— А! Ну, так вот, Ваня — он как раз инженер по силовым установкам и двигателям, причём не просто умный, а даже почти гениальный. А Михаил Михайлович Щebetун, который постарше, он программист. Удивительно, но все их принципы программирования очень близки к нашим. Оказывается, некоторые старые языки...

— Ой, Тим, не начинай, пожалуйста, — выразительно скривилась я. — Я не могу сейчас про умное слушать, у меня от этого заворот мозга может случиться.

Кварг рядом от этой фразы рассмеялся и потянул меня к себе на колени.

— Бедная Ника, жертва биологии, — проворковал он, глядя меня по голове. Я бы даже умилилась и немного поканючила для порядка, если бы делал он всё это не с таким глумливо-ехидным видом.

— Угу, — вздохнула я, поудобнее устраивая голову у него на плече. — Ладно, завтра, надеюсь, познакомлюсь с этими инженерами. Этот Ваня очень милый... ай, не щипайся! Видишь, говорят же, ему Пи понравилась, а я на её фоне как специалист по технике меркну.

— Ну скажешь тоже, понравилась, — возмущённо фыркнула Птера, до сих пор почему-то молчавшая. — Просто женщины с такой специализацией попадают нечасто, ему и любопытно.

— С умными женщинами всегда так, — со знанием дела подтвердил Кар. Нет, я определённо ничего не понимаю! У меня сейчас такое ощущение, что здесь созрел заговор против сосредоточенно молчащего и задумчиво cedящего чай Кверра, и все совершенно осознанно разыгрывают этот спектакль. — Поговоришь пять минут на профессиональные темы, а через пять минут замечаешь, что и фигурка у неё что надо, и глаза горят, а потом и не заметишь, как ты уже вдохновенно таскаешь её на руках.

— Вот ты ещё скажи, что сразу мой ум оценил, — пренебрежительно фыркнула я. — Первым делом за попу хватать начал, и только потом уже именем поинтересовался!

— Шли бы вы... спать, — мрачно вздохнул наконец Кверр.

— Ты чего? — озадаченно вытаращился на него Тим, да и остальные посмотрели удивлённо.

— Малыш завидует, — с фирменной снисходительной усмешкой ответил вместо младшего старший. — Бывает и с лучшими из нас.

Вер бросил на брата странный взгляд исподлобья, раздражённо буркнул себе под нос какое-то ругательство и, резко поднявшись с места, вышел.

— Что это с ним? — Тимул обвёл всех тем же удивлённым взглядом.

— Видимо, в самом деле завидует, — ответила уже я и, глянув на задумчивую Птичку, заговорщически ей подмигнула. Пи жест истолковала правильно, вздохнула в ответ и только обречённо кивнула. Видимо, соглашаясь, что это явно было очко в нашу пользу. — Пойдём и правда спать, а? — зевнув, предложила я Кваргу. Он вместо ответа просто поднялся с места,

держа меня на руках, и молча двинулся в сторону комнаты.

Духи, действительно ведь на руках таскает! По-моему, такое в моей жизни впервые. И, по-моему, это мне очень нравится. Главное только, не увлечься...

Духи бы побрали этих общительных землян, в самом деле!

Поначалу я, несмотря на все подозрения, всё-таки радовался тому факту, что мы встретили развитую разумную цивилизацию, не склонную к уничтожению всего подряд (а ведь там, дома, про Землю существовала и такая байка). После вчерашних откровений, как следует их обдумав, я пришёл к выводу, что, невзирая на подозрения, эти конкретные земляне мне очень импонируют. Даже довольно стервозная на первый взгляд дипломатка оказалась на поверку не такой уж холодной дрянью. Вон как переполошилась, сегодня даже не явилась проверять информацию.

Но сейчас я ловил себя на том, что совершенно не желаю продолжать общение с этими людьми, а хочу как можно скорее оказаться от них подальше. Самое прискорбное, я вполне понимал причину этого своего желания, и это понимание окончательно выводило меня из себя.

Птера нравилась мне давно. Нет, не с ранней юности, когда мы учились вместе; она была на мой тогдашний взгляд слишком серьёзной и занудной, да и особенной красавицей не казалась. Поумнел я, опять же, после тюрьмы. И заинтересовался язвительной рыжей бестией только тогда, когда познакомился с ней заново. Да и то не так чтобы сразу: несколько месяцев на семнадцать-сорок восемь так меня впечатлили, что отходил я от этих впечатлений довольно долго, и женщинами заново начал интересоваться несколько позже.

Правда, на мою осторожную попытку сблизиться Птичка отреагировала настолько агрессивно, что затею свою я оставил. Хотя с того момента Прут, ставший свидетелем превращения своей обаятельной родственницы в фурию, регулярно подкалывал меня на темы вроде «бьёт — значит, любит». Я же мазохистом не был, и к рыжей старался лишней раз не приближаться. В конце концов, не настолько уж она мне тогда понравилась, чтобы бросаться на амбразуру невзирая на потери.

Во время нынешнего перелёта «держаться подальше» было затруднительно, мы волей-неволей общались. Удивительно, но общались гораздо ровнее, чем в первое время знакомства, когда Птичка своими язвительными замечаниями порой здорово выводила меня из себя. И, наблюдая за ней всё это время, я всё больше и больше утверждался в мысли, что она... удивительная. С одной стороны, очень сильная, упрямая, уверенная и решительная; а с другой — порой по-детски искренняя, смешливая, хрупкая и неожиданно уютно-домашняя когда возится с какой-нибудь техникой.

Впрочем, мысли эти приходили и уходили, проскальзывая где-то на фоне совершенно незамеченными. В конце концов, та же Яра или Ри были не менее интересными и приятными во всех отношениях дамами, это ведь не повод непрерывно о них думать!

А вот поди ты, как в итоге всё обернулось. И, самое смешное, попался я на ревности, не хуже старшего. Вот уж где поверишь, что братья: реакции абсолютно идентичные, и глупость... тоже идентичная. Потому что я понятия не имел, что с этим открытием делать, но совершенно точно не планировал повторно садиться в знакомую лужу.

Птичка мне, оказывается, нравилась гораздо сильнее, чем я сам предполагал. Потому что все эти подтрунивания насчёт предпочтений землянина Вани злили, раздражали и — ранили, как бы глупо ни звучало это слово.

Духи, ну, как всё это называется? Даже в этом вопросе я умудряюсь повторять за

старшим! Впору смириться и поверить, что это моё врождённое проклятье.

Хотя нет, отличия всё-таки есть. Было очевидно, что Яронике Кварг нравился, хотя бы даже в качестве любовника, а вот мне совершенно не хотелось портить сложившиеся мирные отношения в коллективе грандиозным скандалом. Вот если Пи примет решение всё-таки покинуть нас окончательно, тогда точно решусь, и гори оно всё огнём. А сейчас... сейчас надо было как-нибудь отвлечься. И, увы, у меня даже никакой работы под руками не было, чтобы в неё закопаться.

Духи! Надо было у землян какими-нибудь электронными игрушками поинтересоваться, сейчас не сидел бы в тоске и унынии, а занимался полезным делом.

Когда в дверь постучали, я уже дошёл до той кондиции, в которой мне было плевать на всё на свете, включая конец этого самого света. Разрешение войти я высказал совершенно не задумываясь, кого там могло принести. И каково же было моё удивление, когда на пороге появился предмет моих раздумий!

Птера выглядела очень хмурой, раздражённой и, как всегда в плохом настроении, по-детски надутой и обиженной на весь свет.

— Пи? — на всякий случай уточнил я.

— Нет, Вечный Владыка, — нервно огрызнулась она, входя в комнату, но почему-то неуверенно топчась на пороге. — Не видно что ли?

— Прости, я просто не ожидал тебя увидеть. Проходи, — опомнившись, я поднялся с места, проявляя вежливость. — Что-то случилось?

— Ну, так, — неопределённо поморщилась она и целиком втянулась в помещение, с тяжёлым вздохом прикрыв за собой дверь. Ещё пару секунд постояв на месте, нахмурилась совсем уж недовольно и, прошествовав к столу, с размаху плюхнулась в кресло. Я же от неожиданности забыл сесть обратно.

Однако, я окончательно перестаю понимать, что происходит в этом мире.

— Пи, ты чего? — вновь попытался я выяснить цель визита или причину столь странного настроения и поведения Птички. Огрызается, ворчит, явно чем-то недовольна, но... почему-то сидит в кресле у меня в комнате.

Птера в ответ на вопрос опять недовольно скривилась, упорно гипнотизируя взглядом пол. Молча.

— Кхм, — пытаюсь справиться с удивлением и придумать, как вести себя в такой неожиданной ситуации, кашлянул я. — Может, вина?

— Давай, если есть, — вдруг согласилась она с таким видом, как будто я по меньшей мере предложил ей попытку самоубийства.

Вино у меня по странному стечению обстоятельств было. Собирая вещи, я машинально сунул в сумку с самым необходимым початую бутылку, стоящую на столе, да так и забыл потом. А вот сейчас — вспомнил.

— Извини только, бокалов нет, — растерянно хмыкнул я.

— Духи с ними, — махнула рукой Птичка, забрала у меня вино... и залпом отхлебнула миллилитров двести. И это Пи, которая вообще-то ко всему спиртному относилась крайне негативно, и употребляла вино буквально в гомеопатических дозах за компанию! Залпом. Из горла. Стакан вина.

После этого она бросила на меня хмурый взгляд исподлобья, с непонятым выражением посмотрела на бутылку в своей руке и рывком встала.

Если она сейчас вернёт бутылку и выйдет, ничего не сказав, я окончательно решу, что

весь мир сошёл с ума. Или она решила разбить проверить бутылкой крепость моей головы?

Но моей фантазии оказалось недостаточно, чтобы предсказать дальнейшие события. С грохотом водрузив ополовиненную уже бутылку на стол, Птера подошла ко мне и опять на несколько секунд замерла, сверля взглядом мою рубашку где-то на уровне солнечного сплетения. Потом, сделав глубокий вдох, крепко зажмурилась и изрекла:

— Поцелуй меня.

— Ты... серьёзно? — только и сумел уточнить я. Логика и разум, переглянувшись, пожали плечами, постучали себя по лбу и, обидевшись, гордо удалились.

Ничего не понимаю. Я сплю или брежу?

— А что, похоже, что я шучу? — раздражённо проворчала она, всё так же не открывая глаз. — Ну?

А мне вдруг стало невероятно легко и весело, и я не удержался от улыбки; благо, Пи этого не видела. Она была такая мрачная, сосредоточенная, раздражённая и обиженная, что казалась маленьким ребёнком, у которого отобрали любимую игрушку.

Костяшками пальцев я осторожно коснулся её подбородка, отчего рыжая ощутило вздрогнула. Но, странно, шарахаться по-прежнему не спешила.

Не сбежала она и тогда, когда я медленно провёл подушечкой большого пальца по нижней губе, более полной чем верхняя, и создающей это вечное ощущение капризной надутости. Тогда я плавно очертил контур лица, поднявшись вверх к скуле, потом на висок, наслаждаясь ощущением прикосновения к нежной бархатистой коже. Птичка продолжала хмуриться, всё так же не открывая глаз, но... снова не пыталась сбежать.

Обхватив ладонью её лицо, я мягко вынудил её запрокинуть голову, внимательно разглядывая хорошо знакомые черты. Птера судорожно вздохнула, но опять не отшатнулась. И тогда я решился. Получать по мозгам, так хоть за дело!

На пробу коснулся её губ губами очень осторожно, бережно. Не встретив сопротивления, попробовал превратить это простое прикосновение в нечто более чувственное, аккуратно прихватывая губами её губы и лаская их языком.

Удивительно, но меня вновь не оттолкнули.

Тогда, послав к духам все возможные последствия, я, второй ладонью придерживая её голову за затылок, поцеловал уже всерьёз, глубоко и жадно. Так, как хотелось мне.

Каково же было моё изумление, когда она вдруг ответила! Робко и неуверенно, совсем неожиданно для взрослой женщины, но искренне. Тихонько не то вздохнув, не то всхлипнув, обеими руками вцепилась в мою рубашку, и тогда я с уже почти спокойной совестью и отчего-то бешено колотящимся сердцем обнял её, прижимая к себе.

Появилось настойчивое ощущение, что я сплю, потому что в реальности подобное происходить не могло. И просыпаться мне совершенно не хотелось.

Целовались мы долго. Причём именно «мы», Пи принимала в процессе живейшее участие, что не могло не радовать. Вначале неуверенно, но потом вроде бы всерьёз увлеклась.

В конце концов случилось неизбежное: в скрюченном состоянии затекла шея, так что пришлось прерваться. Правда, выпускать Птичку из рук я не спешил.

— Так пойдёт? — иронично поинтересовался я.

— Нормально, — наморщив нос, ответила она. — Ладно, пусть, я пойду, — упёршись ладонями мне в грудь, попыталась отстраниться.

— Куда?

— Дела у меня, — проворчала Птера. — Эй! Ты что делаешь?! — возмутилась женщина, когда я, обхватив её за талию, сместился чуть в сторону. — Ай! Пусти немедленно! — а это я уже плюхнулся в кресло, обеими руками держа её в охапке. — Пусти! — забилась она, пытаясь вырваться. Я охотно ей подыграл, не став сразу намертво фиксировать в пространстве, создавая полную иллюзию, что шанс спастись у неё всё-таки есть. — Пусти, бугай! Пользуешься физическим превосходством, да?! Скотина! Я кричать буду! Пусти!!

— Не-а, — со смехом сообщил я.

— Что — «не-а»?! Немедленно!

— Не-а — значит, не верю, — охотно пояснил я. — И не пущу. Тем более после того, как сама пришла, да ещё с такой целью. А на вино для храбрости небось согласилась?

— Ах ты...! — возмущенная Пи забилась ещё интенсивней, попутно ругая меня последними словами. Правда, ничего для себя нового я из этой тирады не почерпнул.

— Не сквернословь, тебе не идёт, — наставительно изрёк я. Когда же гласу разума в моём лице не вняли, пришлось всё-таки аккуратно скрутить рыжую, перехватив её руки, и закрыть рот поцелуем.

Она на несколько секунд почти испуганно замерла, а потом... ответила.

Вот теперь она точно от меня никуда не денется. Допрыгалась.

Я попробовал отпустить её руки, проверяя реакцию, и не пожалел: они тут же обвили мою шею и плечи, позволяя мне прижать их хозяйку покрепче.

— Ты попалась, Птичка. Смирись, — прошептал я.

— Вот ещё, — недовольно фыркнула она и опять завозилась. — Просто пользуешься тем, что ты сильнее, и всё.

— Разумеется. И обнимаешь ты меня сейчас по той же причине. И пришла с оригинальной просьбой — тоже.

— А ты и рад воспользоваться, да?! — она вновь упёрлась ладонями мне в грудь.

— Естественно.

— Пусти! — гневно прошипела она. — Я думала, ты нормальный, а ты...

— А я и есть нормальный, — вновь не удержался я от смеха. — Никакой нормальный мужчина не выпустит из рук женщину, о которой он давно мечтает, тем более если она сама пришла. Так что, малышка, смирись. Шанса сбежать я тебе не предоставляю.

— Малышка? Да я тебя на четыре дня старше, — возмущённо фыркнула она.

— Да хоть на пять. Но при этом раза в полтора меньше, — весело согласился я. Птичка наконец-то перестала дёргаться и устроила лохматую головку у меня на плече. Ощущение оказалось безумно приятным.

— А про «мечтает» это ты серьёзно сказал, или опять пошутил? — тихо и напряжённо поинтересовалась она через некоторое время.

— А сама как думаешь? — хмыкнул я. — Честно говоря, с того момента, как ты чуть не разбила мне голову стулом, я тщетно пытался найти ещё одну такую, но менее агрессивно настроенную к моей персоне. Это оказалось гораздо сложнее, чем я ожидал.

— И как успехи? — недовольно уточнила она.

— Прекрасно, — я опять засмеялся. — Я дождался снисхождения оригинала.

— Обойдётся, — проворчала Птичка себе под нос.

— Вот зачем ты ругаешься? — иронично поинтересовался я. — Ты же не просто так, из любопытства, ко мне пришла; такое любопытство вообще не в твоём характере. И сейчас тебе хорошо, иначе ты бы уже ушла.

— Как я уйду, если ты меня не пускаешь? — возмутилась рыжая упрямица.

— Вот прямо сейчас не пускаю? — уточнил я, мягко её приобнимая и поглаживая по спине.

— Угу, — буркнула она. — И давно уже... — добавила с тяжёлым вздохом.

— Ты поэтому ругаешься?

— Я ругаюсь потому, что ты безалаберный бабник, — возразила Птера.

— Кхм. А почему ты тогда решила сменить гнев на милость? Хотя, стоп. Дай-ка догадаюсь... ты меня так решила проверить?

— Вот ещё, нужен ты мне, проверять тебя, — забубнила себе под нос рыжая, из чего я сделал вывод, что угадал. И рассмеялся.

— Тогда ты выбрала очень странный способ проверки. Ты всерьёз думаешь, что «безалаберный бабник» мог отказаться от возможности облапать и поцеловать красивую женщину, руководствуясь отсутствием эмоциональной привязанности? Тьфу, ну, хватит уже выдираться, я тебе сказал, никуда ты не уйдёшь! Я тебе просто указываю на противоречивость твоих поступков.

— На себя посмотри! То «ушла бы», а то «никуда не пуцу», — парировала она.

— Согласен, я тоже хорош, — не стал спорить я. — Но это как раз то самое доказательство, которого ты хотела. Я выслушиваю твою ругань, уговариваю тебя, хотя мог бы просто отпустить и выбросить из головы. Если бы мог. Я не могу сказать, люблю тебя или нет; всё-таки любовь — слишком громкое и сложное понятие, тут надо долго думать. Но уж влюблён как минимум. Что ты на меня так испуганно смотришь? Я не старший, я от собственных эмоций бегать не собираюсь, особенно когда имеется такое чудесное подтверждение их взаимности.

— И ничего не имеется, тоже мне, при... — продолжить ворчать я ей опять не дал. Целуется она сейчас гораздо искренней, чем ругается.

Утро начиналось... забавно. С попыток разбудить и стащить с постели Яронику, которая, явно предчувствуя продолжение вчерашнего, всячески этому действию сопротивлялась. Цеплялась за одеяло и подушку, пытаюсь спрятать под неё голову, ворчала, брыкалась и старательно меня отпихивала. Не знаю, что уж на неё нашло, но лично я получал от процесса огромное удовольствие.

В итоге к завтраку мы всё-таки опоздали. Причём именно вот из-за этой ленивой возни, а не по какой-нибудь более предсказуемой причине.

— А что, наши хозяева устали с нами завтракать? — озадаченно поинтересовался я, оглядывая присутствующих за столом.

— Видимо, да. Причём я сегодня даже нашу охрану не встречал, — ответил явно пребывающий в крайне благодушном настроении младший.

— Может, они устали от нашего общества окончательно? — проворчала, плюхаясь на стул, Яра. — Мне уже начинают надоедать эти разговоры.

— Быстро как-то, — хмыкнул Кверр. — Всего два дня прошло, а ты уже хочешь сбежать.

— Я не сбежать хочу, я отвечать на вопросы устала. Предпочитаю их задавать! — отрезала она.

— Ну, наверное, нам и такую возможность предоставят, — неуверенно попытался утешить её Тимул. — Или хотя бы литературу. Но вообще надо поинтересоваться этим вопросом, я как-то не сообразил его задать.

— Если удастся хотя бы слово вставить. Не общался ты ещё с доктором Дудкиной, — хмыкнул я. Яроника в ответ на это замечание только хулигански показала мне язык, но почему-то именно в этот момент встряхнулась и заметно приободрилась.

Процесс подачи завтрака осуществлялся весьма удобно. Здесь имелась какая-то хитрая система доставки: можно было прямо в столе активировать меню, ткнуть пальцем в нужную строчку (как всё это адаптировалось под наш язык, я так и не понял; наши переводчики такого не умели), и требуемое блюдо через несколько секунд появлялось в недрах небольшого прибора, стоявшего прямо посреди стола. Кажется, это был локальный телепорт, примерно как лифты на корабле.

Но не успели опоздавшие приступить к еде, открылась входная дверь и на пороге появился Сергей Ямов, сопровождавший двух незнакомых людей. Оба были одеты в ту же серую форму, что и виденные нами прежде офицеры. Одинакового возраста, похожего сложения, они тем не менее были полной противоположностью друг друга: один очень смуглый, черноволосый и темноглазый, с широким лицом и крупными губами, второй — наоборот, очень бледный, с лицом длинным и узким, с тонким носом и острым подбородком, светловолосый и сероглазый.

Все трое почти одновременно поздоровались, после чего слово взял черноволосый.

— Доброе утро. Нам бы хотелось поговорить с Кваргом Арьеном.

— Это я. И о чём бы вам хотелось поговорить? — уточнил я. Не нравились мне эти двое: уж очень напоминали моих собственных коллег.

— С вашего позволения, мы бы предпочли обсудить эту тему с глазу на глаз, — слабо улыбнувшись, качнул головой бледный. От этого выражения лицо его приобрело очень усталый и будто смертельно больной вид.

Никаких приятных предчувствий и предположений подобное явление у меня не вызывало. Не пахло здесь перспективой дружеской беседы. Однако спорить я не стал, поднялся, потрепав по плечу нахмурившуюся и напряжённо вскинувшуюся Яру, и направился к незнакомцам.

— Не волнуйтесь, подполковник, вернём вашего подопечного в целости и сохранности, — с ещё одной улыбкой умирающего сообщил бледный и жестом указал мне на дверь. — Прощу.

В этот раз мы, к моему удивлению и некоторому облегчению, далеко не пошли. Пара поворотов, и шедший впереди черноволосый открыл для нас какую-то дверь. За дверью обнаружилась небольшая комната, в которой в три ряда стояли восемнадцать столов, по два стула за каждым, и, в общем-то, больше ничего интересного не было.

— Присаживайтесь, — указал на ближайший стол светлый, и они дружно устроились за следующим после этого столом. — Позвольте представиться, майор Шмидт, а это мой коллега, майор Рамирес. Собственно, ничего особенно страшного или секретного мы с вами обсуждать не собирались, просто хотелось поговорить в спокойной обстановке, — сразу перешёл к делу Шмидт. Зубодробительная фамилия. — А именно, выслушать ваше мнение относительно некоторых ваших земляков и уроженцев планеты, которую вы называете Сестрой. Опять же, ничего сверхсекретного; нас интересуют их личные качества. Ну, знаете, принципиальность, разумность, порядочность, склонность к предательству. Не хотелось бы в самом начале общения нарваться на тех, кто служит не своей родине.

— А чем вам я помогу в этом вопросе? — искренне удивился я.

— Мы навели справки о всей вашей группе, — хмыкнул в ответ Рамирес. — Вы среди своих спутников единственное высокопоставленное лицо.

— А откуда такое доверие? Может, я как раз и не служу родине, потому и сбежал? — усмехнулся я.

— Всё очень просто, — пожал плечами Шмидт. — Вы были одним из немногих офицеров самого старшего звена, которые выступили против военного решения конфликта, причём выступили открыто, и даже пытались отстаивать свою точку зрения. Можно было обратиться к кому-то ещё из них, но зачем, если есть вы: вы здесь и имеете хоть какое-то представление о нас, землянах. Да к чёрту; вы единственный из этих людей, кто верит в наше существование! — он снова улыбнулся, и снова также вымучено.

— Логично. И какие же имена вы хотите от меня услышать?

— Имена мы, с вашего позволения, будем называть сами, а вы — давать короткую справку. И, пожалуйста, не стоит врать и увиливать; вы-то от этого, конечно, не пострадаете, но мы всё равно будем знать, что вы солгали. У нас, видите ли, техника дошла до такого уровня, когда ложь распознать очень легко. А средств противодействия приличного уровня у вас нет, — спокойно пояснил Рамирес. — Вопросы, возражения?

— Что происходит на Брате? — мрачно поинтересовался я.

— Всему своё время, — качнул головой Шмидт. — Сначала вы ответите на наши вопросы, потом мы поделимся последними новостями. Это не попытка что-то скрыть; просто я очень не люблю болтать о пустом, когда есть неоконченное важное дело.

Честно предупредив коллег о субъективности оценки, я согласился на предложенные условия.

Ничего экстраординарного или секретного от меня действительно не требовалось, им хватало общей характеристики. Некоторых названных имён я никогда не слышал, некоторые

только слышал, но большинство к собственному удивлению знал лично. Никогда не задумывался, сколько у меня за всю жизнь накопилось разнообразных знакомств. Люди среди перечисленных были самые разные, начиная от военных и чиновников и заканчивая деятелями культуры. Однако затянулось это всё очень надолго, расспрашивали меня часа два, или и того больше.

— Замечательно, — в конце концов резюмировал Шмидт, откидываясь на спинку стула. — Даже лучше, чем я предполагал.

— Всё? Интересные люди кончились?

— Интересные люди никогда не кончаются, — назидательно сообщил он. — Но те, которые нам сейчас важны, пока что — да. Ах да, вы же хотели знать обстановку. Война остановлена. Не удивляйтесь так, это не было доброй волей ваших правителей, это было вмешательство нашего флота, — улыбнулся белобрысый. — Но просто растащить по углам — это ведь мало, согласитесь. Поэтому мы сейчас разбираемся в подоплёке событий, и некоторые замечательные наработки уже есть.

— Например?

— Например, список наиболее вероятных браконьеров сократился до трёх. С двадцати восьми, между прочим, а мы начали работать только вчера, — с гордостью заявил он. — Когда провокатор будет выявлен, будут собраны достаточные доказательства и к нему будут применены соответствующие меры.

— А что будет с Братом и Сестрой?

— Ну, ваше прямое руководство снять придётся в любом случае, потому что они просто не могут не быть замешаны, вы должны понимать это не хуже меня. А что касается замены, есть несколько вариантов. Не волнуйтесь, мы вам сообщим о результатах, и даже, наверное, ещё пару раз проконсультируемся. Если, конечно, вы сами не желаете попробовать себя в роли правителя, — на полном серьёзе предложил он. — Вашу кандидатуру я бы рекомендовал лично. К тому же, так удачно сложилась, что ваша дама с Сестры, с политической точки зрения это очень правильно.

— Упасите духи, — скривился я. Вот только этого мне и не хватало для полного счастья! Только начал чувствовать себя живым человеком. — Воздержусь.

— Я почему-то так и подумал, — хмыкнул он. — Но если передумаете, только скажите.

— Обязательно, — кивнул я. — Это всё?

— Почти. Так, для справки; я правильно понимаю, что лично вы и все ваши спутники предпочтут возможность остаться на Земле?

— Хотелось бы, — честно ответил я.

— Замечательно. Тогда я привлеку кого-нибудь к обеспечению вам гражданства. И что, у вас даже есть какие-то конкретные мысли по обустройству?

— Возможно, вольный торговец. Особенно если получится удачно махнуть наш корабль на похожий, но с земными двигателями, — хмыкнул я.

— Ну, учитывая, что господа из института со своей стороны уже проели мне плешь на эту же тему, и давно спорят, что именно вам предложить, чтобы вы согласились, думаю, с этим проблем не будет, — хмыкнул он. — Можете смело строить планы.

— Как-то всё это фантастически звучит, — я поморщился.

— А, вы ищете подвох? — вопросительно вскинул брови Шмидт. — О, тут я могу вас успокоить. Нам есть, за что благодарить вашу группу. Если бы не вы, мы бы ещё долго могли не задумываться над подлинными причинами событий на Брате и Сестре, и тогда могло

стать слишком поздно. Потому что провокация явно была направлена против нас. Обвинение в гибели двух цивилизаций, да с грамотно подтасованными доказательствами воздействия с нашей стороны, да с грандиозной шумихой в прессе... Отмыться нам было бы чудовищно сложно, и подобная беспечность дорого бы нам обошлась. Ничего страшного, теперь мы будем уделять гораздо больше внимания Заповедным Секторам, и подобного больше не допустим. Гражданство для шести человек, желающих спокойной жизни, это небольшая плата за сохранение статус-кво, держащегося уже больше века. А что касается корабля, обмен будет совершенно взаимовыгодный.

— В последнее тоже слабо верится; если вы планируете вступить в контакт с Братом и Сестрой, там будет масса объектов для исследования.

— Да. Но личной яхты Вечного Владыки там не будет, — безмятежно улыбнулся он. — Вы и сами, думаю, не представляете, сколько сюрпризов там можно найти. А самое приятное, вам эти сюрпризы совершенно не нужны, зато они будут полезны нам. Кстати, совсем забыл сказать! На сегодня у вас запланирована обзорная экскурсия, так что через полчаса Ямов со своими железными человечками вас заберёт, — сообщил он, когда мы уже вышли из комнаты со столами.

— Железными человечками? — переспросил я.

— Ну, не совсем железными, — он слегка поморщился. — С андроидами. Только, Кварг, я вас заранее предупрежу: вас будут с ними путать. Из-за...

— Цвета волос, я понял, — получилось несколько более раздражённо, чем хотелось, но эти постоянные пляски вокруг моей головы уже начали здорово злить. В конце концов, это просто цвет волос, а такое ощущение, что у меня пара дополнительных конечностей и третий глаз проклюнулись. Побрился бы на лысо, если бы не знал точно, что Яроника на это смертельно обидится.

При виде меня, входящего в общую комнату на собственных ногах и без каких-либо внешних повреждений, присутствовавшие там люди ощутимо расслабились. Яра окинула меня цепким пристальным взглядом и тепло улыбнулась, а младший бодро поинтересовался:

— Что там с тобой делали?

— Ничего особенного, — я пожал плечами. — Предлагали занять место Вечного Владыки, я отказался.

— А если серьёзно? — хмыкнул он.

— Серьёзно предлагали, — насмешливо улыбнувшись, я подошёл к Яронике и облокотился на спинку её стула. — Ну и, кроме того, интересовались, кто из ныне живущих возле власти людей чего достоин. Ещё кое-какой информацией поделились по доброте душевной. Если им верить, получается примерно следующее.

И я вкратце пересказал и без того конспективный рассказ Шмидта.

— А что, вполне правдоподобная версия, — задумчиво проговорила Яра. — В принципе, если они действительно вручат нам корабль, я даже готова в неё поверить. Только я так и не поняла, что ты с ним делать собираешься?

— Строго говоря, я собираюсь в нём жить, — я хмыкнул. — Хочется попробовать себя в роли вольного торговца или службы доставки. Мне не хочется сидеть на планете, да и не очень понятно, чем здесь заниматься. Я, в принципе, умею только воевать, и занятие мне это осточертело. Но если у кого-то есть ещё какие-то предложения...

— Круто! — радостно подпрыгнула на месте Птера, не дав мне договорить. Ну, кто бы сомневался, что уж она-то точно впереди всех в вопросах поиска любых приключений.

— Кстати, согласна, — рассудительно кивнула Яра. — Это действительно будет... увлекательно.

— Не считая того, что в космосе я буду балластом, я тоже с удовольствием бы полетела. С таким капитаном — хоть на край Галактики, — иронично улыбнулась Ридья.

— Да мы и так на нём самом, на краю, — хмыкнул я. — Ладно, женская половина высказалась, что скажет мужская?

— А смысл, если женская высказалась так однозначно? — съехидничал Кверр. — Можно подумать, от нас теперь что-то зависит. Но я, честно говоря, и сам не против полетать, если только мы с техникой местной всё-таки разберёмся. Прут?

— Разберёмся, — уверенно ответил Тимул со своей неизменной рассеянно-виноватой улыбкой. — Там всё просто. Я же говорил, принципы построения у нашей и их...

— Да, ещё одно объявление забыл, извини, Тим, — перебил я электронщика. Открыв любимую тему, он мог не закрывать её часами, а у нас сейчас этого времени не было. — Через пятнадцать минут у нас начнётся экскурсия по Земле, просили вас предупредить.

— И ты молчал?! — синхронно взвыли сестрички.

— Пятнадцать минут для сборов более чем достаточно, — с мягкой улыбкой в голосе поддержала меня Яроника, поднимаясь со своего места.

— Вот и какая ты после этого женщина, а?! — риторически спросила Птера и бегом ускакала приводить себя в порядок.

— Самая лучшая, — тихонько хмыкнул я себе под нос, и, приобняв «самую лучшую женщину» за талию, потащил одеваться. Знаем мы их, все они на словах быстрые...

По-моему, когда Кварг говорил об отсутствии у него способности замечать прекрасное и вообще тяги к красоте, он безбожно врал. Ну, или тяга у него эта сугубо избирательная. Или это — тоже последствия происходящих с нами двумя перемен.

В общем, наряд «на выход» он мне выбрал собственноручно, да ещё несколько вариантов заставил примерить. Я настолько удивилась подобному поведению, что даже не стала возражать; я бы предпочла надеть привычный и удобный комбинезон, но мужчине почему-то приспичило наблюдать меня в платье. В итоге предпочла руководствоваться пословицей «чем бы дитя ни тешилось» и позволила одеть себя в бело-алый сарафан и поставить на каблуки. Добавив сверху белый плащ «на всякий случай» (большую часть вещей с корабля вчера перетащили в наши комнаты, и среди них была одежда), Кварг удовлетворённо улыбнулся и... преспокойно нацепил практичный чёрный комбинезон.

— Вот и кто ты после этого? — полюбопытствовала я, изящно балансируя на тонких шпильках. — Я, конечно, профессионал, но на этой красоте даже я долго не прохожу, — я выразительно продемонстрировала ему собственную стопу, поправляя плащ на сгибе локтя.

— А это не важно, можешь вообще не ходить, я с удовольствием буду тебя носить, — иронично хмыкнул он.

— Почему мне чудится в твоих словах сарказм? — поинтересовалась я, отработанной походкой «от бедра» выходя в коридор. С учётом длины подола, на пару ладоней прикрывавшего самое интересное, выглядеть это должно было весьма соблазнительно. И адресат даже послушно соблазнился, и «самое интересное», прикрытое кружевным бельём, накрыла сухая горячая ладонь мужчины.

— Как ты могла обо мне такое подумать? — с укором проворчал он, разворачивая меня в своих объятьях.

— Легко и просто, — насмешливо хмыкнула я и потянулась за поцелуем.

— Ладно, сдаюсь. Ярь, экскурсия будет обзорная. Мы вряд ли даже из транспортного средства выйдем, поэтому особо ходить тебе не придётся.

— Да как скажешь, — хмыкнула я. — Я и против твоего «на руках носить» не слишком возражала бы, если бы не одно «но». Длина подола, — весело пояснила я на вопросительный взгляд мужчины. К этому моменту мы уже вышли в общую комнату, где не было ещё никого, даже Сергея. — Мне-то без разницы, но ты зарекомендовал себя ярым ревнивцем.

— Духи, об этом я как-то не подумал, — задумчиво кивнул он. — Ничего, в крайнем случае завернём тебя в плащ.

— Как скажешь, — покладисто согласилась я, пожимая плечами.

В общем-то, тому, что Кварг угадал, я не удивилась совершенно. Мы действительно большую часть экскурсии провели в удобных креслах под прозрачным куполом летательного аппарата. Причём этот аппарат был под стать остальным средствам передвижения землян; пейзаж за окном порой менялся весьма внезапно, заставляя вспомнить о телепортации.

Экскурсия оказалась действительно очень обзорной и при этом невероятно обширной. Нам показали массу всего интересного. Чудом сохранившиеся и тщательно сохраняемые теперь посредством каких-то не очень понятных технологий по-настоящему древние здания, возраст которых насчитывал несколько тысяч лет. Современные города, вроде бы тоже застроенные небоскрёбами, но совсем не выглядящими так мрачно и уныло, как город Брата;

может быть, из-за большого количества зелени на всех ярусах, или из-за более редкой застройки, или из-за более изящной архитектуры. По-настоящему впечатлившие нас титанические льды южного полюса, подобных которым не было ни на Брате, ни на Сестре, ни на Свободных Колониях. Густые леса-заповедники с животными, совершенно не боящимися опустившейся почти на землю машинки. Потрясающей красоты и яркости коралловые рифы и в противовес им — тёмные и почему-то пугающие гораздо больше, чем глубокий космос, глубины океанских впадин; то, что наш транспорт оказался способен передвигаться ещё и под водой, здорово нас впечатлило.

Обо всём этом нам рассказывала очаровательная юная девушка-экскурсовод, смотревшая на мир совершенно дивными огромными карими глазами, полными детского восторга и счастья. Не знаю уж, насколько она была компетентна в том, что рассказывала, но работу свою и предмет рассказа, то есть — родную планету, искренне любила.

В итоге Земля меня не разочаровала. Она действительно оказалась не похожа на ту жуткую картинку, которую рисовала наша официальная наука. Вся ли она была такой, или тут стоило сказать спасибо составителю экскурсии и восторженной девочке-гиду, но... моя мечта сбылась именно так, как мне того хотелось. И я была очень благодарна землянам за это. Сидя в объятьях Кварга, а в конце концов вовсе у него на коленях, и любуясь видами, я с удивлением понимала, что — да. Это то, что я искала.

Не мир из грёз, не собственный дом, не любимый мужчина, а нечто гораздо более важное. Смысл. Понимание, что всё это время я куда-то рвалась, раз за разом выживая в любых ситуациях, не напрасно. Что жизнь имеет смысл, и смысл её — вот он, вокруг. Живой настоящий мир, населённый настоящими людьми, которые сумели сохранить его и себя самих на столько тысяч лет.

А вот это синеволосое язвительное, но удивительно милое создание, которое норовит не спускать меня с коленей и таскать на руках как ребёнок любимую игрушку, — оно не смысл. Он, скорее, уже половинка, и когда-нибудь до него всё-таки дойдёт, что я никуда не денусь, даже если не держать меня постоянно за руку. И до меня это тоже когда-нибудь дойдёт.

И, духи поберите, может, правда родить ему ребёнка? Или даже двух, мальчика и девочку. Но непременно с синими волосами! Летит дорога в никуда, и вместе с ней летит машина, ветер дует сквозь окно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

И целый зал кричит, когда на самом интересном месте вдруг закончилось кино.
И целый зал кричит, когда узнает то, что этой ночью звёзды в небе вдруг сошлись,
Мы родились на этот свет для счастья, счастье в том, что мы на свет на этот
родились,
Вот и вся мысль. Вот и вся мысль. Вот и вся мысль...

Сплин, «Мысль»

Глюм — подземный слизень. Используется как ругательство и грубое оскорбление; нечто вроде «ничтожества», но в превосходной степени.

Кварг — лёгкий наркотик, имеющий нейростимулирующий эффект. Через некоторое время наступает расплата с обратным эффектом: мысли путаются, логическое мышление ослабевает. При длительном систематическом приёме может привести к слабоумию и различным болезням мозга.

«Приказ-М» — тяжёлая снайперская винтовка, отличающаяся высокой точностью, большой дальностью и мощностью. Недостатком модели является довольно капризный в плане погодных условий характер и низкая устойчивость к внешним факторам. Модернизированная версия отличается меньшим весом.